

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

LOMONOSOV
LINGUISTICS
AND INTERCULTURAL
COMMUNICATION
JOURNAL

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturní komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал Издательство
Основан в 1946 году Московского
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 3 • 2025

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Молчанова Г.Г. (главный редактор), и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, д.ф.н., проф., зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжкина Т.Ю.** (отв. секретарь), д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка и культуры

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Богданова Л.И., д.ф.н., проф. кафедры сопоставительного изучения языков; **Бубнова Г.И.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения; **Джек Ричардс (Jack Richards)**, Сиднейский ун-т (Австралия), Оклендский ун-т (Новая Зеландия); **Запольская Н.Н.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой славянских языков и культур; **Калуцков В.Н.**, д.г.н., проф. кафедры региональных исследований; **Карташева Н.В.**, к.культ., доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур; **Ксензенко О.А.**, к.ф.н., доц. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Левицкий А.Э.**, д.ф.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Павловская А.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой региональных исследований; **Полубиченко Л.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языка для естеств. ф-тов; **Прошина З.Г.**, д.ф.н., проф. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Раевская М.М.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой испанского языка; **Ренате Ратмайр (Renate Rathmayr)**, Ин-т славянских языков Венского ун-та экономики и бизнеса (Австрия); **Роберт Геккель (Robert Goeckel)**, Ун-т штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео (США); **Роберт Илсон (Robert Ison)**, Ун-т колледжа Лондона (Великобритания); **Робустова В.В.**, к.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Роланд Сассекс (Roland Roly) Sussex**, Ун-т Квинсленда (Австралия); **Сафонова В.В.**, д.п.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Титова С.В.**, д.п.н., проф., зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Устинова Т.В.**, д.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Чжэн Тиу (Zheng Tiwu)**, Ин-т мировой литературы Шанхайского ун-та иностранных языков (КНР); **Шевлякова Д.А.**, д.культ., доц., зав. кафедрой итальянского языка; **Ян Кэ (Yang Ke)**, Ин-т европейских языков и культур Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли (КНР)

Редактор А.Э. Бекмухамедова

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации №016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 19.09.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 11,93. Тираж 85 экз. Изд. № 13090. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11). Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отд. реализации: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика и уровни языка

- Прошина З.Г.* Дериваты восточноазиатских слов в русском языке 9
- Нуриев В.А.* Двоеточие: функциональная (а)симметрия между русским и французским языками 28

Лингвокогнитивные исследования текста/дискурса

- Шустрова Е.В.* Использование архетипичности поликодового текста в практике профессиональной языковой подготовки 41
- Бутенина Е.М., Чернышев А.В.* Интердискурсивные маркеры в художественном тексте (на примере латинских энтомо-семизмов) 64

Перевод и переводоведческие исследования

- Денисова Г.В., Шевлякова Д.А.* Особенности передачи интертекста в переводных русских и итальянских художественных фильмах 1960–1980-х гг. 81
- Цзюй Юньшэн.* Когнитивные стратегии перевода русской медицинской терминологии на китайский язык 96

Язык и межкультурная коммуникация

- Раевская М.М.* Коммеморация в дискурсе современного испанского монарха: языковая объективация и коммуникативно-прагматический контекст 120
- Богданова Л.И., Сюй Лиюнь.* Национально-культурные черты образа учителя в русском и китайском языках 137
- Сюй Сюйчэнь.* Концепция ризомы в интерпретации субкультур: от децентрализации к сетевому мировоззрению 156

Регионоведческие исследования и ареальное варьирование языков и культур

- Павловская А.В.* От теории к практике студенческого быта в МГУ (XVIII–XIX вв.). 164

Информационно-коммуникационные технологии в образовании

<i>Жеребина Е.А., Зайцева Н.Ю.</i> Генеративные языковые модели как образовательная технология в обучении профессионально-ориентированной иноязычной коммуникации в вузе185
--	------

Юбилей

<i>Добросклонская Т.Г., Робустова В.В.</i> «Учитель, перед именем твоим...»: к юбилею профессора Г.Г. Молчановой202
Татьяна Юрьевна Загрязкина210

CONTENTS

Linguistics and Levels of Language

- Proshina Z.G.* Derivatives of East-Asian words in Russian 9
- Nuriev V.A.* Colon: functional (a)symmetry between Russian
and French 28

Linguocognitive Studies of Text / Discourse

- Shustrova E.V.* Archetypical characteristics of polycode text in
professional language training 41
- Butenina E.M., Chernyshev A.V.* Interdiscursive markers in fiction
(a case study of latin entomosemisms). 64

Translation and Translation Studies

- Denisova G.G., Shevliakova D.A.* Features of intertext transfer
in translated Russian and Italian feature films of the 1960s–
1980s 81
- Ju Yunsheng.* Cognitive strategies for translating Russian medical
terminology into Chinese. 96

Language and Intercultural Communication

- Raevskaya M.M.* Commemorative practices of the modern
Spanish monarchy: linguistic objectification and communi-
cative-pragmatic context in Felipe VI's speeches 120
- Bogdanova L.I., Xu Liyun.* National-cultural features of the image
of the teacher in the Russian and Chinese languages 137
- Xu Xuchen.* The rhizome concept in the interpretation of subcul-
tures: from decentralization to network worldview. 156

Regional Studies and Areal Variation of Languages and Cultures

- Pavlovskaya A.V.* From theory to practice of students' everyday
life at Moscow State University (18th–19th centuries) 164

Information and Communication Technologies in Education

Zherebina E.A., Zajtseva N.Yu. Integrating generative AI into Language for Specific Purposes (LSP) training at university level185

Anniversaries

Dobrosklonskaya T.G., Robustova V.V. To Galina G. Molchanova's jubilee.202

Tatyana Yuryevna Zagryazkina210

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

З.Г. Прошина

ДЕРИВАТЫ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; proshinazoya@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть процесс появления и развития слов, основы которых заимствованы из китайского, корейского и японского языков и которые подверглись дальнейшему процессу деривативного словообразования в русском языке, нередко приходя в него через английский язык. Методы: сопоставительный и словообразовательный анализ, использована семантическая и категориальная классификация с соответствующими приемами исследования заимствованных основ и их дериватов в синхронном срезе, с учетом динамических изменений в языке. Результаты исследования: заимствованные из восточных языков в русский язык основы составляют несколько семантических групп (топонимическую, этнонимическую, историческую, политическую, философскую, религиозную, спортивную, научную, бытовую (еда, напитки, досуг и др.), биологическую, финансово-экономическую, социальную, искусствоведческую). Их производные чаще всего остаются в том же семантическом поле, но могут подвергаться и семантическому развитию. Частеречная классификация дериватов выявила не только существительные, но и много прилагательных, а также несколько глаголов и наречий. Дана характеристика и показана роль аффиксальных средств; рассмотрена вариативность некоторых производных и выявлены ее причины. Выводы: использование деривации посредством русских аффиксов является одним из шагов ассимиляции еще не полностью принятой в язык-реципиент корневой основы. Английский язык нередко играет посредническую роль в современных процессах заимствования: будучи глобальным, он приносит в иные языки и культуры, в частности, в русский язык и русскую культуру, новые концепты, получающие локальные формы и осваиваемые языком-реципиентом, в том числе за

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; proshinazoya@yandex.ru

счет процесса деривации посредством локальных словообразовательных средств.

Ключевые слова: заимствование, иностранное слово, китайский язык, японский язык, корейский язык, русские аффиксы, деривация, английский язык как посредник

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-1

Для цитирования: Прошина З.Г. Дериваты восточноазиатских слов в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 9–27. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-1

Введение: теоретические основы

Контакты языков приводят к огромному потоку заимствований, заполняющих лакуны, номинирующих новые реалии, усиливающих эмоциональные оттенки речи, расширяющих вокабуляр конкретного языка. В качестве одной из примет нашего времени отмечается активация употребления иноязычных слов в современном русском языке [Крысин, 2000]. Как отмечают многие ученые, начиная со второй половины XX века большая часть заимствований происходит из английского языка как языка глобального общения [Крысин, 2000; Дьяков, 2012, 2018]. Можно было бы ожидать, что и в самом деле английский, как и другие западноевропейские языки, составляет доминантную долю заимствований в современном русском языке. Однако геополитическая ситуация, заставившая россиян пристальнее посмотреть на Восток, помогла выявить огромный пласт лексики восточноазиатского происхождения, давно вошедшей в русский язык (как *чай*, *шелк* и др.) и продолжающей процесс вхождения, иногда не без влияния и вмешательства английского языка, участвующего в опосредованных контактах [Хашимов, Сотникова, 2021] с восточными языками (что стало приметой нашего времени), создающего новые формы, порой не принимаемые востоковедами, но прочно закрепляющиеся в узусе русского языка (сравните конкуренцию англизированной формы *суши* и транскрибированной формы, введенной востоковедами, *суси*, аналогично *тайчи* — *тайцзи* и др.).

Активация иноязычных слов проявляется, в том числе, через «лавинообразный характер» [Юдина, 2010: 104] словообразовательных процессов [Жданова, Рацибурская, 2024], в том числе в заимствованиях [Рацибурская, 2019]. Выделяют следующие функции словообразования как «мощного, активного механизма» развития

языка [Земская, 2007: 186]: (1) собственно номинативная; (2) конструктивная, (3) компрессивная, (4) экспрессивная, (5) стилистическая [Земская, 1992], (6) игровая [Земская, 2007].

Одна из проблем, обсуждаемых в современном языкознании — соотношение терминов «заимствование» и «иноязычное слово». Те, кто их разграничивает, считает, что заимствование — это слово, прошедшее период ассимиляции, а иноязычное слово осознается как «чужое»¹ [Габреева и др., 2013: 21]. Однако, как показало наше предыдущее исследование [Прошина, 2020], разница между этими двумя группами не всегда четко проявляется, и существует множество переходных случаев.

Близким к вышеупомянутой проблеме стал и вопрос о дериватах, образованных от иноязычной основы. Оформленные русскими аффиксами, такие дериваты нередко именуются гибридами² [Маринова, 2013: 70]. Говоря об иноязычных словах, Е.В. Маринова отмечает два подхода: генетический и лексикографический. Первый подход ориентируется на этимологию слова, второй — на восприятие слова как «чужого» [Маринова, 2008: 23]. Именно при втором подходе слова-гибриды нередко помещаются в словари иностранных слов как производные от иноязычных. Нам импонирует позиция тех лингвистов [Шанский, 1972: 178–179; Смирницкий, 1998: 244; Маринова, 2008: 29], кто говорит о промежуточном статусе такой группы слов, о возможной множественности их интерпретации [Крысин, 1968: 118]. Несомненно, что, образовавшись от иноязычных основ на русской почве, они тяготеют к приобретению статуса русского слова, хотя и воспринимаются еще как новые слова, прибывшие из другого языка.

Еще один вопрос может возникнуть при обзоре производных слов с «чужой» основой: можно ли их называть заимствованными дериватами или только дериватами от заимствованных слов? Ответ здесь видится однозначным: это дериват от «чужого» слова, а не «чужой» дериват, поскольку здесь заимствован только корень, а аффикс имеет иное происхождение; в то время как заимствованные дериваты образуются в самом языке-доноре и приходят в другой язык вместе со своими аффиксами. Примерами такого контраста могут быть слова *каратека* и *каратист*. Первое образовано на японской почве и пришло в русский дискурс со своим суффиксом *-ка*. Оно является заимствованным дериватом. Второе же, будучи его

¹ Проблема «чужого слова» в языке и тексте обсуждается в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» 2025. № 1.

² О феномене гибридности см. [Загряжкина, 2022].

синонимом, создано уже на русской почве с помощью суффикса деятеля *-ист* и классифицируется как дериват от заимствованного слова *карате*.

В коллективной монографии «Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода» авторы утверждают, что если заимствованная основа не представлена автономным словом в принимающем языке, то такие дериваты нельзя относить к заимствованиям, поскольку «они образованы в русском языке при помощи словообразовательных средств принимающей системы» [Габдреева и др., 2013: 34]. Такие дериваты отличаются от производных, которые образованы от ранее заимствованных слов. В нашем случае большинство дериватов созданы почти одновременно с вхождением в русский язык заимствованных основ — процесс характеризуется молниеносностью вхождения основ и образования от них дериватов.

Материал и методы

Наше исследование проведено на корпусе собранного нами материала, который лег в основу русско-английского контактологического словаря восточноазиатских слов [Прошина, 2024]. В него входят слова китайского, японского и корейского происхождения, собранные в русскоязычных текстах разных жанров и стилей. Отмечаются в словаре также и дериваты от слов восточноазиатского происхождения.

Исследование строилось путем отбора дериватов, связанных с китайскими, японскими и корейскими словами, встретившимися как в печатных, так и в электронных текстах, как офлайн, так и онлайн. После выборки производных слов с русскими аффиксами было сделано несколько классификаций: по семантике производящих основ, сохранению этой семантики или семантическому развитию дериватов; по частям речи, которые представляют дериваты; по способам деривационного словообразования. Завершает исследовательскую часть раздел о типах и причинах вариативности производных слов.

Результаты и обсуждение

Семантические классы производящих основ и их производных

Если распределять по семантическим классам производные от восточноазиатских заимствований, базирясь на семантике их производящих основ, то можно выделить следующие сферы, вклю-

чающие как одиночные слова, так и целые словообразовательные гнезда:

- **топонимическая** группа содержит самое большое количество дериватов — более 100 гнезд, образованных от восточноазиатских топонимов: *áкитец, áкитицы, áкитский; гонконгец, гонконгоженка, гонконгцы, гонконгский; хэйлуңцзянец, хэйлуңцзянка, хэйлуңцзянцы, хэйлуңцзянский; китаец, китаянка, китайцы, китайчонок, китайчата, китаёнок, китаёза, китайский, китаизация, китаизированный, окита́иться, китайщина, китаизм, китаистика, китаист, китаевед*. Заимствованные основы в этой группе обозначают города (*иокогамка, хиросимец*), провинции и префектуры (*хунаньцы, хубэйский*), страны (*китайский, японский*), районы и регионы (*тибетский, кансайский, ликейский*), городские места (*тяньаньмэньский, гионский*);

- **этнонимическая** группа (чуть более 50 гнезд): их заимствованные основы означают крупные и малые народности: кит. *буи* > *буитянка, буитяне, буйцы, буйский, буитянский*; кит. *лису* > *лисуанец, лисуанка, лисуане*; яп. *айн* > *айнский*;

- группа **исторических** наименований (более 50): от основ, обозначающих исторические периоды (*мэдзийский, хэйанский*), исторические династии (*танский, минский*); социальные группы (*хунхузский, самурайский, самура́йство*); древние государства (*пэкчийцы, пэкческий; силланцы, силла́нский, силлаский; бохайцы, бохайский; яматоский*);

- **политическая** сфера включает около 10 гнезд производных слов: *маоизм, маоист, маоистский, маоцзэдуновский; чанкайшист, чанкайшистский, античанкайшистский, прочанкайшистский; лилисаневщина; суньятсенизм* — основа этих гнезд связана с антропонимами. представляющими имена политических деятелей; есть основы, ассоциируемые с политическими партиями, движениями, идеологиями: *гоминьдановец, гоминьдановцы, гоминьдановский, прогоминьдановский, антигоминьдановский; хунвейбиновский; чучейский*;

- **философская** область представила нам также около 10 производных гнезд: *конфуцианство, конфуциев, конфуцианец, конфуцианка, конфуцианцы, конфуцианский; чжусианство, чжусианский; моизм, моист, моистский; янминизм, янминист, янминистский, янминовский, ванъянминист, ванъянминовец, Ван Янминовский; тунчэнцы, тунчэнский; иньный, иньский; янный, янский (от кит. *инь* и *ян*) и др.*;

- сфера **религии** включает 10 производных гнезд: *дзеновский, дзэновский, дзэнский, дзэн-буддийский; амидизм, амидаизм, амидаист, амидист, амидаистский; даосизм, даосист, даосистский, даосический, даосский, даоский, таоизм, таоистский; ламаизм, ламаист, ламаистский; нитирэнизм, нитирэновский; синто, синтоизм, шинто, шинтоизм, синтоист; синтоистский; аумовец / аумовцы, аумсинрикёвец, аумовский; тэндэйский; хуаяньский; чаньский;*

- группа **спортивных** наименований (около 10 гнезд), относящихся к восточным единоборствам (*айкидоист, айкидоистский; каратист, каратэист, каратеист; каратистка; каратистский, каратеистский; сумоист, сумист, сумошник; сумоистский; ушуизация, ушуист, ушуистический, ушуистский; ушуистический*) или к настольным играм (*гоист; сёгист*);

- группа основ, которые можно ассоциировать с **научными**, главным образом, психологическими и лингвистическими терминами (менее 10 гнезд): яп. *кокоро* ‘дух, внутренний мир’ > *кокологический, кокология*; яп. *кунный, онный*; некоторые из терминов относятся к названию диалектов: *мандаринский, миньский*; к группе научных терминов можно отнести и подгруппу геологических слов: *каолинизация, каолинит, каолиновый*;

- группа производных, связанных с основами, ассоциируемыми с **едой**, сравнительно невелика (менее 10 гнезд): яп. *сушист*; кит. *чифань* ‘есть зерновую пищу’ > *чифанить, чифанька, чифанка, чуханька*; кит. *димсам* ‘легкие блюда к чаю’ > *димсамовый*; кор. *манту* > *мантышница, мантовница*;

- группа **напитков** — менее 10 гнезд, самым крупным из которых является гнездо, ассоциированное с традиционным китайским напитком, название которого появилось в русском языке одним из первых³: *чай, чаинка, чаеванье, чаевать, чаёвничать. чаёвник, чаёвница, чаёк; чайная, чайный, чайник, чайница, чайничанье, чайничать*; в эту же семантическую группу входят названия чайных сортов: *луницинский* («колодец дракона»), *улунский, пуэровский*. Второй тип напитка, связанного с заимствованными словами, — алкогольный: *ханшин* ‘водка’ > *ханшинный*; *гаоляновка* ‘водка из гаоляна’; кор. *инсам-суль* ‘водка из женьшеня’ > *инсамовка*;

- группа **биологических терминов**, подвергшихся деривации в русском языке тоже не очень многочисленна — чуть более 10 гнезд; при этом большую их часть составляют производные от

³ Слово *чай* было заимствовано в русский язык в сер. XVII в. См.: Этимологический словарь русского языка Семенова. URL: <https://rus-etmo-semenov-dict.slovaronline.com/search?s=чай> (дата обращения: 05.03.2025).

наименований флоры: *мандаринка, мандаринный, мандариновый; женьшеневый, женьшеньщик; соевый*, кит. *чумиза* 'злаковое растение' > *чумизный* и др.; четыре слова относятся к сфере фауны: *пандочка; пекинесик; мандаринка* 'утка', *мандаринский; танукский* (< яп. *тануки* 'енот'); два — к области ихтиологии: яп. > *ивасёвый*, кор. > *минтайный*;

- около 10 гнезд представлено в сфере **финансово-экономической** деятельности: производные от названия денежных единиц: *воновый, юаневый, иеновый*; от названий предприятий и компаний: *чеболизация; самсунговец; самсунговский; хёндаевец, хёндаевцы*;

- в области **досуга**, особенно в молодежной субкультуре, обнаруживается менее 10 гнезд: *аниме* 'японская мультипликация' > *анимешник, анимешный*; яп. *оригами* > *оригамист, оригáмика, оригамный*; кит. *ганьбэй* 'тост: пей до дна' > *ганьбэйчик, ганьбэйить*; яп. *кавайи* 'милый' > *кавайный, кавайность, кавайно*; яп. *манга* 'комикс' > *манговый, мангаиный; тамагочиха, тамагучик* 'игрушка'; *муняшка* 'поклонница японской молодежной субкультуры';

- область **искусства** (поэзии, музыки, театра и пр.) также представила несколько дериватов: *тáнкист* (< яп. *танка*), *хоккуист, хайкаист; пипаист* (< кит. *пипа* 'струнно-щипковый музыкальный инструмент'), *каягымистка, хэгымистка* (< *каягым* и *хэгым* 'корейские музыкальные инструменты'); *кабукинский* (< *кабуки* 'японский театр'); *сангамский* (< *сангам* 'корейская техника инкрустации');

- в области наименований **природно-климатических** явлений встретилось два производных слова: *муссонный; тайфунный*;

- немногочисленна и группа производных, относящихся к области **социальных** отношений: *аджуммский, гайдзинский, лаовайский*;

- очень небольшая группа заимствованных производящих основ из **бытовой** сферы деятельности дала возможность использовать дериваты, связанные со строениями (*фанзушка*), тканями (*нанковый, чесучовый*).

Семантическое развитие производных

Интересно пронаблюдать семантическое переосмысление некоторых производных в русском языке, за которым, несомненно, стоит процесс «концептуальной деривации» [Болдырев 2021: 58]. Так, например, топонимическая основа, связанная с названием государства, проявляется в виде деривата в других тематических полях: связанных с наименованием ткани (*китайка; китаечный, китайчатый*), растения (*китайка* 'яблоня'), предприятия питания

(*китайка* ‘китайский ресторан’) — так возникает омонимия. Этнонимы от названий крупных азиатских государств переосмыслены в названия производимых в этих странах автомобилей: *японка*, *японец*, *корейка*, *кореец*, *китаец*; например, «И хотя самой распространённой иномаркой в структуре российского автопарка все еще остается “Тойота”, осенью 2004 года эту фирму по объемам продаж в России новых машин обогнала южнокорейская “Хендэ”. Не в последнюю очередь потому, что **“корейнок”** делают в Таганроге. (газета «Владивосток», 2004). Практически в каждом нашем доме стоят телевизоры корпорации “Samsung”, скороварки “LG”, многие из нас ездят на **“корейцах”** — “хёндэ” и “киа”, некоторые занимаются тэквондо, но что нам известно про саму страну и ее жителей?» (О. Кирьянов. *Корея и корейцы*, 2013, с. 5). «Именно за этот сегмент рынка конкурируют между собой новые “Жигули” и подержанные **“японки”**, и чем дальше от Тихого океана, тем прочнее позиции отечественного автопрома» (газета Владивосток, 2005). «Но время прошло, и китайский автопром не просто прокачался, а ворвался на рынок так, что теперь даже заядлые фанаты **“японцев”** и **“немцев”** смотрят на Chery, Geely, Haval и прочих с любопытством. А вопрос теперь стоит не в том, “а стоит ли брать **китайца?**”, а в другом — “какой китайский автомобиль лучше купить в 2024–2025 году?”» (Дзен, 2025).

Название животного *тануки* стало популярным брендом российских ресторанов — отсюда слово *танукский* у русских ассоциируется с предприятием питания. Антропоним Сунь Ятсен, имя отца китайской революции, через дериват *суньятсеновка* ‘китайский френч с воротником стойкой и накладными карманами’, который стал носить Сунь Ятсен в качестве символа аскетизма в противовес императорским одеяниям, связан с тематическим полем «одежда». С полем «обувь», где появился дериват *шанхайки* ‘дешевые тряпичные тапочки’, ассоциируется топоним Шанхай.

Некоторые дериваты китайского слова *чай* тоже получили семантическое развитие и переосмысление в новом тематическом поле: *чаевые* — ‘добровольная благодарность за качественный сервис (официанту, горничной в гостинице и пр.)’; *чайник* — ‘новичок в каком-то деле, науке и пр.’: «... **для чайников**» (англ. «... for Dummies») — серия книг, которая изначально должна была помогать начинающим пользователям в освоении компьютера. Впоследствии в рамках серии начали также выходить книги на некомпьютерные темы» (РУВИКИ, 2025). Собственно говоря, в последних примерах налицо «деактуализация межъязыковой мотивированности» [Каз-

кенова, 2013: 46], при которой в сознании пользователей заимствующего языка слово не ассоциируется с заимствованием из другого языка. Нельзя не согласиться с позицией тех лингвистов, кто считает, что семантическое развитие заимствованной основы — один из признаков освоения слова в языке-реципиенте [Казкенова, 2013: 41].

Морфологическая классификация производных

Несмотря на то что большинство заимствований в любые языки, как известно, представляют собой имена существительные, дериваты от восточноазиатских заимствований в значительном количестве представлены прилагательными. Многие из них соотносятся с нижеследующим:

- топонимами, обозначая место происхождения, свойства, характерные для объектов и субъектов данной местности, что-то совершенное в данной местности и пр.: *айгуньский, пхеньянский, йокогамский*;
- этнонимами, называя признаки народностей: *баянский, насийский*, признаки, напоминающие определенный этнос и его культуру, возникшие в результате влияния определенного этноса: *японизированный, кореизированный*;
- историческими терминами, называя исторические периоды, социальные группы, свойственные каким-то историческим периодам, древним государствам: *камакурский, когурёский, лунишаньский*;
- научными, философскими и религиозными терминами: *чжусианский, даосистский, чаньский, кокологический*;
- социальной сферой: *аджуммский, гайдзинский*;
- финансовой сферой: *воновый, юаневый*;
- свойствами или ассоциациями с какими-то продуктами, изделиями: *ханишинный, димсамовый, китайчатый*.

Есть среди дериватов и глаголы: *китаизировать, окитаиться, чифанить, ганьбэйить*. Многие из них возникли и используются в просторечии, возможно, для экономии усилий, поскольку одновременно называют процесс и ассоциируются с определенной культурой: *чифанить* ‘есть в китайском ресторанчике’, *ганьбэйить* ‘произносить тост (в восточном ресторане)’.

В корпусе словаря обнаружены также два деривата в форме наречия: *фэншуйно, кавайно*.

В стилистическом плане, как видим, дериваты от восточных заимствований делятся на две большие группы: книжные (*мандаринский, пуэрровский, пипаист*), к которым примыкают и нейтраль-

ные (*оригамный, хайкаист, каратист*), и разговорно-просторечные (*мангашный, тамагочиха, шанхайки*).

Характеристика деривационных средств

Среди словообразовательных средств в восточноазиатских заимствованиях преобладает суффиксация.

Наиболее продуктивным оказывается суффикс *-ск-*, образующий прилагательные со значением (1) 'относящийся к, имеющий отношение к': *айнская кровь; ачанский язык, бохайская эпоха, даосский культ, цинский император*; (2) 'происходящий из': *суйфэньхэские семьи, харбинские артисты, тибетские крестьяне, туйские женщины*; (3) 'расположенный или происходящий в или близ': *Амойский университет, аньцинский мост, бэйцзинский двор, тяньань-мэньские события, Цусимское сражение, Шаолинский монастырь*; (4) 'созданный, сделанный в': *айгуньский договор, исинский чайник, сычуаньский шелк, цзиндэчжэньский фарфор*; (5) 'характерный для, свойственный': *аджуммский ('бабский, женский') перманент, аньхойский стиль, гайдзинский маршрут, самурайское наставление; улунский чай*; (6) 'состоящий из': *хунхузский отряд*. Этот же суффикс может добавляться к другому суффиксу, например, *-ист-ск-*: *айкидоистский*, при этом последняя гласная корня может сохраняться (*каратеистский*) или опускаться (*каратистский*); *ламаистский; чанкайшистский, янминистский*. Присоединяется суффикс *-ск-* и к суффиксу *-ов-*, также проявляя значение 'имеющий отношение к': *аумовский* 'имеющий отношение к секте Аум Синрикэ', *гоминьдановский* 'имеющий отношение к Гоминьдану, националистической партии на Тайване', *манзовский* 'имеющий отношение к уссурийским китайцам', *пуэровский* 'относящийся к, связанный с сортом чая пуэр'. В слове *баянский* 'имеющий отношение к народности бай' суффикс *-ск-* добавлен к суффиксу *-ан-*.

Поскольку много восточных заимствований являются этнонимами и катойконимами⁴, их корни принимают суффикс *-(е)ц-* для обозначения лиц мужского рода (*хэйлуницзянец, хунанец, йокогамец, японец, лобаец*) или множественного числа (*хэйлуницзянцы, хунаньцы, йокогамцы, японцы, лобайцы*). Для обозначения лиц женского рода используется суффикс *-к-*: *йокогамка, окинавка, кантонка, цянка, тайванька, японка, лобайка*. Корни, заканчивающиеся на гласную, нередко перед суффиксом имеют добавочный элемент: [j] — *мэньба > мэньбаец, мэньбайка, мэньбайцы; наси > насиец, на-*

⁴ Катойконимы — название жителей по месту их проживания.

сийка, насийцы; ту > туйцы; -с-, например, тоба > тобасцы, мохэ > мохэсец, мохэсцы; -т- в случае лаху > лахут, лахуты, лахутка; -ан-/ян- как в лису > лисуанец, лисуанка; ту > туянец, туянка; ли > лиянец, лиянка, лийцы; -т+ян+к- в словах яо > яотянка, гэлао > гэлаотянка; мулао > мулаотянка.

Слова со сложными суффиксальными образованиями **-тян-** обычно имеют форму единственного числа мужского рода, заканчивающуюся на **-ин** — например, мулаотянин < мулао, sibотянин < сибо, цзинотянин < цзино, цзинпотянин < цзинпо, а во множественном числе — только суффикс **-тян-** с собирательным значением: мулаотяне, sibотяне, цзинотяне, цзинпотяне (последнее варьируется с формой *цзинносцы*). Суффикс **-ан-** также может создавать собирательные формы множественного числа: лису > лисуане.

При образовании форм женского рода в некоторых словах наблюдаются чередования согласных: гонконгец — гонконженка; óсакец, осакы — осакчанка. У этнонима хуэйцзу, образованного с помощью эпентетического гласного от слова, латинская форма которого (huizi) доказывает нам неблагозвучность транслитерации, если бы она применялась, форма женского рода сохраняет от исконного корня только первые две буквы: хузянка.

С суффиксом **-(е)ц** употребляются не только дериваты от этнонимов и катойконимов, характеризующиеся значением 'имеющий отношение к'. Это же значение свойственно производным от других тематических групп: самсунговец, хёндаевец 'имеющий отношение к компании Самсунг или Хёнда'; конфуцианец 'имеющий отношение к конфуцианству'. Данные слова также осложнены предшествующими суффиксами **-ов-**, **-ев-** и **-ан-**.

К другой тематической группе относятся некоторые слова с суффиксом **-к-**: шанхайки (обувь), мандаринка (утка). С этим суффиксом происходит универбация — образование слова из словосочетания [Лопатин, 1997: 577], или сокращение производящей основы, в роли которой выступает словосочетание [Современный русский литературный язык, 2010: 390; Маркова, 2024]: гаоляновка < гаоляновая водка, инсамовка < настой инсама, или женьшеня; суньятсеновка < френч, который любил носить Сунь Ятсен. При этом суффикс **-ов-**, за которым следует **-к-** универбатума, можно считать остатком от основы прилагательного: гаолянов^{ая} водка, инсамов^{ая} настойка, суньятсенов^(ский) френч. Универбатами как средствами компрессии и экспрессии (разговорности) являются также названия машин по стране их производства: японка, корейка [Земская, 2000: 119].

Суффикс **-к-** может выполнять роль уменьшительно-ласкательного, что весьма характерно для русской речи: *мандаринка* < *мандарин* 'цитрусовый плод'; *чифанька* 'недорогая китайская столовая или кафе' < кит. *чифань* 'есть зерновую кашу'. Такую же уменьшительно-ласкательную функцию выполняет суффикс **-ёк-** (*чайёк*). Суффикс **-ик-** тоже выполняет эмотивную функцию: *пекинесик*. Аналогичную функцию имеет суффикс **-ушк-**, присоединяемый к заимствованным словам: *фанзушка* < *фанза*. Пример употребления последнего слова в рассказе М. Щербакова из книги «Корень жизни»: «*И, конечно, он никак не мог предположить, что найдет в фанзушке, под тряпьем, такой удивительный корень*» (Щербаков, 2004, с. 102). Как показано в работе донецких исследователей О.Л. Бессоновой и А.С. Ососковой [Бессонова, Ососкова, 2024], диминутивные и аугментативные суффиксы имеют эмотивно-оценочные значения — и не только в русском языке.

Прилагательные нередко образуются посредством добавления суффикса **-ов-** (*воновый* счет; *гаоляновый* самогон; *димсамовый* ресторанчик, *каолиновая* керамика, *манговая* культура — связанная с японскими книгами манга, *тунговое* масло, *ивасёвый* жир и др.) или **-ев-** (*женьшеневый* чай, *конфуциев* идеал, *цзиндэчжэневский* фарфор, *юаневый* центр).

Еще один достаточно продуктивный суффикс прилагательных — **-н-**, свойственный относительным прилагательным: *иньная* и *янная* энергии, *кавайная* одежда, *мандаринная* корка, *минтайный* фарш, *муссонный* климат, *онное* чтение 'японская интерпретация китайского произношения иероглифа', *оригамный* журавлик, *тайфунный* сезон, *фэньшуйные* каноны, *ханшинный* завод и пр.

Кроме обсужденных выше суффиксов, к продуктивным элементам можно отнести интернациональные суффиксы, типичные для научного дискурса: **-изм**, означающий направление мысли, религиозное течение, идеологию или культурно-языковое заимствование, (*ламаизм*, *маоизм*, *синтоизм*, *тэнноизм*, *китаизм*, *японизм*) и **-ист**, обозначающий человека, занимающегося чем-то (*айкидоист*, *даосист*, *дзюдоист*, *китаист*, *кэндоист*, *типаист* 'музыкант, играющий на пипа', *гоист* 'игрок в го' и др.).

Глаголы, несмотря на их небольшое количество среди дериватов, образуются посредством суффикса **-и-**: *ганьбэйить*, *чифанить*.

Гораздо менее продуктивными, как показывает корпус материала, несмотря на утверждения об их активности в русском языке [Земская, 2000: 107], являются суффиксы **-изаци-** (*чеболизация*, *каолинизация*, *китаизация*, *ушуизация*) со значением 'распространение

какого-либо явления или культуры»; **-изирова-** (с глаголами — ‘подвергать влиянию’: *японизировать, кореизировать, китаизировать*; с прилагательными — *китаизированный, кореизированный, кореизированный, пиджинизированный*⁵). В этом же ряду стоят существительные с суффиксом **-истик-** (*китаистика, японистика, кореистика*) для существительных, **-истическ-** для прилагательных (*японистическая память; ушуистическая киноподелка*). Научный дискурс использует абстрактные существительные с суффиксами **-анств-** (*конфуцианство, чжусианство*) для обозначения философского и идеологического направления, **-ств-** (*самурайство*) для создания собирательного понятия. В обыденной речи людей, увлекающихся восточными практиками, встречаются дериваты с суффиксом **-ость** (*фэньшуйность, кавайность*), показывающие сущность процесса или явления. Просторечным употреблением характеризуются дериваты с суффиксом **-инн-**: *анимешник, анимешный фанат, кендошный кий, мангашный комикс*. Возможно, последний суффикс является разговорным вариантом суффикса **-ин-** в более устаревших и книжных словах: *китаечная фабрика, сущечная*.

Единичный пример встретился с суффиксом **-щик** (*женьшеньщик*).

Среди дериватов с не очень продуктивными и непродуктивными суффиксами есть эмоционально окрашенные: с отрицательной коннотацией **-щин-** (*китайщина, японщина, лилисаневщина*), **-ёз-** (*китаёза, кореёза*), **-шк-** (*япошка*); с положительной оценочностью **-яшк-** (*муняшка ‘фанат аниме-сериалов’*), **-(j)онок / -чонок, -чат-** (*китаёнок, китайчонок, китайчата*).

Префиксальные образования очень редки. В нашем корпусе встретился глагол с префиксом **о-** (*окитаиться*), а также с греческими **нео-** и **анти-** (*неоконфуцианство, антигоминьдановский союз*) и латинскими **пост-** (*постконфуцианство*), **про-** (*пропекинский, прогоминьдановский, промаоистский*).

Вариативность дериватов

При анализе дериватов от восточных слов обнаруживается немало вариативности, в чем некоторые лингвисты усматривают определенную закономерность освоения иноязычной лексики [Габдреева и др., 2013: 31].

⁵ Одна из самых распространенных версий образования термина *пиджин* заключается в том, что это слово заимствовано из китайской речи, где оно образовалось в результате контакта с английским словом *business*.

С одной стороны, вариативность может быть связана с употреблением разных суффиксов — например, *ушуистический/ушуистский, иньный/иньский, мандаринный/мандариновый*, что может объясняться как сравнительной новизной слов для русскоязычного пользователя и отсюда — неустойчивостью употребления (*манговый/мангашный*), так и наоборот, сложившимися конвенциями употребления и новым узусом — к примеру, как показывает Национальный корпус русского языка, использование слова *мандаринный* стало расширяться с 2005 г., в то время как *мандариновый* используется с начала XX века⁶ и соперничает с более новой формой.

В вариантном отношении конкурируют формы более полные и сокращенные: *аумовец/аумсинрикёвец* ‘последователь запрещенной секты Аум Синрикё’. С одной стороны, краткая форма объясняется речевым законом экономии языковых усилий; с другой стороны, для заимствований оказывается важным значение слова, становящееся более прозрачным в полной форме слова. Это иллюстрируют примеры с контекстами данных заимствований: «*Знакомый аумовец подсказал ему электронный адрес одного из лидеров движения в Японии.*» (*Комсомольская правда*, 1 сентября 2001). «*Время от времени выпускаются словари неологизмов — новых слов в языке. Какими словами они забыты? “Аумсинрикёвец” — член секты Аум-Синрикё, “конгрессменчик”, “шоуменчик”. Это новые слова в русском языке?»* (М. Эпштейн. *Volnodumets*, 2006, с. 2).

Вариативность слов может быть обусловлена сохранением или опущением конечного гласного производящей основы, что также, возможно, связано с новизной слова и стремлением сохранить основу для лучшего понимания или стремлением к большей краткости: *амидаизм/амидизм* ‘религиозное направление японского буддизма, в центре которого — культ Будды Амиды’.

⁶ График частоты употребления слова «мандаринный» с 1932 по 2017 г. / Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CuYBEqoVCqCChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJ3Ch8KA2xleBIYChbQvNCw0L3QtNCw0YDQuNC90L3Ri9C5CgoKBGZvcn0SAgoACgsKBWdyYW1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtffhNlbXgKDAoGc3ludGF4EgIKAAoLCgVmbGFncxICCGgAqMAoICAAQChgyIAoQBSAAKLauXMOzxb0JQAVKB2NyZWw0YDQuNC90L3Ri9C5CgoKBGZvcn0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJ5CiEKA2xleBlaChjQvNCw0L3QtNCw0YDQuNC90L7QstGL0LkKCgoEZm9ybRiCCgAKCwoFZ3JhbW0SAgoACgkKA3NlbRiCCgAKFQoHc2VtLW1vZBIKCghzZW18c2VteAoMCGZzeW50YXgSAgoACgsKBWZsYWdzEgIKAConCggLABAKGDIgChAFIABABUoHy3jYXRZRGoeMC45NXgAmAEBoAEBMgPIAToBBQ> (дата обращения: 08.04.2025).

Появление в русском языке вариантов *даосизм/таосизм*⁷/*таоизм* вызвано транслитерацией слова, записанного в новой стандартной системе китайского письма, называемой пиньинь, и в старой системе латинизации Уэйда — Джайлса. В последней системе не писали звонкие согласные, они появились только в пиньине, повсеместно утвердившемся в качестве стандарта латинизации только после 2000 г.

Возможна также вариативность слов, которая объясняется переводческими ошибками в передаче восточных слов. Например, первый вариант в паре *тяньцзинский/тяньцзиньский* (‘имеющий отношение к китайскому городу Тяньцзинь’) связан с ошибкой в передаче китайского слога, заканчивающегося на *-n* (*Tianjin*). Это слог следовало перевести с мягким знаком, что и сделано во втором варианте, а первый вариант является ошибочным.

Заключение

Данные дериваты в основной своей массе воспринимаются как чужие слова, как и их заимствованная основа. Но они образованы уже на русской почве, имеют русские аффиксы и поэтому должны считаться русскими словами, а не заимствованиями. Именно потому они находятся в промежуточной группе между ассимилированными заимствованиями и иноязычными словами. В то же время их положение в языке-реципиенте свидетельствует и об укреплении заимствованных слов, представляющих собой производящие основы. Как верно замечает А.К. Казкенова, появление способности к производству новых слов у заимствования является следствием его закрепления в принимающем языке в качестве самостоятельной единицы [Казкенова, 2013: 56].

В целом нет сомнения в том, что появление такого большого количества дериватов от восточноазиатских основ связано, с одной стороны, с интересом русскоязычных пользователей к восточным культурам и явлениям, характерным для жизни наших восточных соседей. С другой стороны, происходит явное обогащение самого русского языка — но не только за счет глобального английского, который бурным потоком врывается ко всем народам, принося с собой «чужие» концепты и дублетные формы и реализуя опосредованное контактирование культур.

⁷ *Таосизм* — достаточно редкая форма. См.: <https://religion.wikireading.ru/217883> (дата обращения: 08.04.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О.Л., Ососкова А.С. Декодирование оценочной семантики английских диминутивных и аугментативных наименований лица // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 75–88.
2. Болдырев Н.Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.
3. Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография. М.: Флинта : Наука, 2013.
4. Дьяков А.И. Англицизмы и их русские производные: монография. Новосибирск: Новосиб. гос. тех. ун-т, 2012.
5. Дьяков А.И. Англицизмы русского языка: за и против // Global Science. Development and Novelty. Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference. 2018. P. 49–56.
6. Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // Русистика. 2024. Том 22, № 3. С. 350–362. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362
7. Загряжкина Т.Ю. Феномен hybridité / гибридность в гуманитарном дискурсе, межкультурной коммуникации и культурном трансфере // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 17–34.
8. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.
9. Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 186–193.
10. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
11. Казкенова А.К. Онтология заимствованного слова: монография. М.: Флинта : Наука, 2013.
12. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С.142–161.
13. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.
14. Лопатин В.В. Универбация // Русский язык: энциклопедия. Изд. 2-е перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 577.
15. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008.
16. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: Флинта : Наука, 2013.
17. Маркова Е.М. Компрессия языковой формы в современной русской речи // Русистика. 2024. Том 22, № 3. С. 375–391. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391
18. Прошина З.Г. Межкультурная коммуникация: Английский язык и культура народов Восточной Азии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020.

19. Прошина З.Г. На восточноазиатской волне: Русско-английский словарь восточных реалий. М.: Флинта, 2024.
20. Рацибурская Л.В. Российская словообразовательная наука в XXI веке // Русистика. 2019. Том 17, № 3. С. 276–299. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299.
21. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Омен : МГУ, 1998.
22. Современный русский литературный язык. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.Г. Костомарова и В.И. Максимова. М.: Юрайт, 2010.
23. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке: «Чужое» слово в языке и тексте. 2025. Том XXII, № 1.
24. Хашимов Р.И., Сотникова Е.А. Этноязыковые контакты и заимствование. М.: Флинта, 2021.
25. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. 2-е изд., испр. М.: Просвещение, 1972.
26. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010.

Zoya G. Proshina

DERIVATIVES OF EAST-ASIAN WORDS IN RUSSIAN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; proshinazoya@yandex.ru

Abstract. The article discusses emergence and development of words whose roots have been borrowed from Chinese, Japanese, and Korean and have undergone further derivation in Russian. The author argues that this is an intermediary case between loanwords and foreign words that have not yet fully assimilated in the recipient language. The article provides for the semantic classification of East Asian loan roots, loanword classification into parts of speech among which are not only nouns but also many adjectives and even some verbs and adverbs. Semantic development of several derivatives is dwelt on. Characteristics and roles of affixes in East Asian loanwords are discussed. Variant forms of some derivatives are also a focus of this study, as well as the reasons for variability. In conclusion, the author draws attention to the mediating role of global English that brings in new concepts to other languages and cultures. These concepts, when verbalized, get local forms thanks to the derivational means of the recipient language.

Keywords: loanword, foreign word, Chinese, Japanese, Korean, Russian affixes, English as a mediator

For citation: Proshina Z.G. (2025) Derivatives of East-Asian words in Russian. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 9–27. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-1 (In Russ.)

About the author: Zoya G. Proshina — Dr. Habil. in Philology, Professor of the Department of Foreign Language Teaching Theory of the Faculty of Foreign

REFERENCES

1. Bessonova O.L., Ososkova A.S. 2024. Dekodirovaniye otsenochnoi semantiki angliyskikh diminutivnykh i augmentativnykh naimenivaniy litsa [Decoding the evaluative semantics of English diminutive and augmentative person names]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2024. no. 1, pp. 75–88. (In Russ.)
2. Boldyrev N.N. 2021. Fenomen proizvodnosti v culture I yazyke [The derivation phenomenon in culture and language]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 57–69. (In Russ.)
3. Gabdreeva N.V., Ageeva A.V. & Timirgaleeva A.R. 2013. *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego perioda* [Foreign lexis in modern Russian]. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
4. D'yakov A.I. 2012. *Anglitsizmy i ikh russkie proizvodnye* [English words and their Russian derivatives]. Novosibirsk: Novosib. Technical University. (In Russ.)
5. D'yakov A.I. 2018. Anglitsizmy russkogo yazyka: za i protiv [Anglicisms in Russian: pro and con]. *Global Science. Development and Novelty*. Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference, pp. 49–56. (In Russ.)
6. Zhdanova E.A., Ratsiburskaya L.V. 2024. Leksiko-slovoobrazovatel'nye novatsii v russkoyazychnoi internet-kommunikatsii: produktivnye slovoobrazovatel'nye modeli [Lexical and word-formation innovations in the Russian-language Internet communication: Productive word-formation models]. *Russian Language Studies*, vol. 22, no. 3, pp. 350–362. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362. (In Russ.)
7. Zagryazkina T.Y. 2022. Fenomen hybridit'e / gibridnost v gumanitarnom diskurse, mezhkulturnoi kommunikatsii I kulturnom transfere [The phenomenon of hybridit'e / hybridity in the humanities discourse, intercultural communication and cultural transfer]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 17–34. (In Russ.)
8. Zemskaya E.A. 2000. Aktivnye protsessy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes in modern word building]. In Zemskaya E.A. (ed.), *Russkii yazyk kontsa 20 stoletiya (1985–1995)*. [The Russian Language of the late 20th century]. 2nd edn. (pp. 90–141). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
9. Zemskaya E.A. 2007. Igrovoe slovoobrazovanie [Playful word building]. In *Yazyk v dvizhenii. K 70-letiyu L.P. Krysin*. [Language on the move. Festschrift to commemorate the 70th birthday of L.P. Krysin]. (pp. 186–193). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
10. Zemskaya E.A. 1992. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word building as an action]. Moscow : Nauka. (In Russ.)
11. Kazkenova A.K. 2013. *Ontologiya zaimstvovannogo slova* [The ontology of the loanword]: monograph. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
12. Krysin L.P. 2000. Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoi obshchestvennoi zhizni [A foreign word in the context of contemporary social life]. In Zemskaya E.A. (ed.), *Russkii yazyk kontsa 20 stoletiya (1985–1995)*. [The Russian Language

of the late 20th century]. 2nd edn. (pp.142–161) Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)

13. Krysin L.P. 1968. *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in contemporary Russian]. Moscow : Nauka. (In Russ.)

14. Lopatin V.V. 1997. Univerbatsiya [Univerbization]. In Karaulov Yu.N. (ed.). *Russkii yazyk: entsiklopediya*. [The Russian Language: Encyclopedia. 2nd edn, revised]. (p. 577). Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya : Drofa. (In Russ.)

15. Marinova E.V. 2008. *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya*. [Foreign words in the Russian speech of the late 20th — early 21st centuries: issues of assimilation and functioning.] Moscow: ELPIIS. (In Russ.)

16. Marinova E.V. 2013. *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh i terminakh: slovar'-spravochnik*. [Theory of loanwords via basic concepts and terms]. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)

17. Markova, E.M. 2024. KompRESSiya yazykovoi formy v sovremennoi russkoi rechi [Language form compression in modern Russian speech]. *Russian Language Studies*, vol. 22, no. 3, pp. 375–391. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391 (In Russ.)

18. Proshina, Z.G. 2020. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Angliiskii yazyk i kul'tura narodov Vostochnoi Azii*. [Intercultural communication: The English language and culture of East Asia.] 2nd edn., revised. Moscow: Urait. (In Russ.)

19. Proshina, Z.G. 2024. *Na vostochnoaziatskoi volne: Russko-angliiskii slovar' vostochnykh realii*. [On the East Asian wave; Russian-English dictionary of East-Asian culture-loaded words]. Moscow : Flinta. (In Russ.)

20. Ratsiburskaya, L.V. 2019. Rossiiskaya slovoobrazovatel'naya nauka v XXI veke [Word-building science in Russia in the XXI century]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 276–299. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299. (In Russ.)

21. Smirnitckii, A.I. 1998. *Leksikologiya angliiskogo yazyka*. [English lexicology]. Moscow : Omen : MGU. (In Russ.)

22. Kostomarov, V.G., Maksimov, V.I. (eds.). 2010. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk*. [Modern Russian literary language]. 2nd edn. Moscow: Urait. (In Russ.)

23. *The Humanities and Social Studies in the Far East: "Others' Words" in Language and Text*. 2025. Vol. 22. No. 1. (In Russ.)

24. Khashimov, R.I., Sotnikova, E.A. 2021. *Etnoyazykovye kontakty i zaimstvovanie*. [Ethnic language contacts and loanwords]. Moscow : Flinta. (In Russ.)

25. Shanskii, N.M. 1972. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka*. [Modern Russian lexicology]. 2nd edn., revised. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)

26. Yudina, N.V. 2010. *Russkii yazyk v XX veke: krizis? evolyutsiya? progress?* [The Russian language in the 20th century: crisis? Evolution? Progress?]. Moscow: Gnoziz. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.05.2025;
одобрена после рецензирования 10.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 08.05.2025;
approved after reviewing 10.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

В.А. Нуриев

ДВОЕТОЧИЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ (А)СИММЕТРИЯ МЕЖДУ РУССКИМ И ФРАНЦУЗСКИМ ЯЗЫКАМИ

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
Российской академии наук, Москва, Россия; nuriev@mail.ru

Аннотация. В статье представлено исследование функционального потенциала двоеочия на основе корпусных данных в языковой паре русский-французский. Контрастивный анализ двоеочия выполнен в соответствии со специально разработанной структурной схемой. При этом решены следующие задачи: рассчитана частотность двоеочия в сопоставляемых языках, уточнена его функциональная нагрузка, выявлены зоны функциональной симметрии и асимметрии. Основной корпусный информационный инструмент — база данных, функционирующая на основе параллельных корпусов Национального корпуса русского языка. Она предусматривает возможность формирования необходимых поисковых запросов для обработки пунктуационного компонента параллельных текстов. Корпусно-ориентированные контрастивные исследования пунктуации непосредственно связаны с актуальными задачами информатики. Они необходимы для проектирования ряда современных информационных продуктов на основе искусственного интеллекта, в частности, голосовых ассистентов нового поколения. Также их результаты позволяют усовершенствовать существующие технологии машинного перевода. Они помогут настроить и отладить обучение систем машинного перевода так, чтобы учитывались пунктуационные характеристики, не совпадающие в контактирующих при переводе языках. Кроме того, эти результаты будут востребованы при развитии технологий субтитрирования на основе искусственного интеллекта.

Ключевые слова: пунктуация, двоеочие, межъязыковая асимметрия, корпусные информационные инструменты, параллельный корпус, русский, французский

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-2

Нуриев Виталий Александрович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук; nuriev@mail.ru

© Нуриев В.А., 2025

Для цитирования: Нуриев В.А. Двоеточие: функциональная (а)симметрия между русским и французским языками // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 28–40. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-2

Введение

Цель статьи — контрастивное изучение функционального потенциала двоеточия в языковой паре французский-русский. Для ее достижения необходимо было изучить, насколько частотен этот знак в сопоставляемых языках, какую функциональную нагрузку он несет, и выявить зоны функциональной (а)симметрии.

Трехчастная структура, соответствующая трем основным разделам статьи, определена в ходе обработки эмпирических данных с опорой на [Ström Herold, Levin, 2021; Pecorari, Longo, 2021]. По этой структурной схеме были выполнены контрастивный анализ и описание функционального потенциала двоеточия в сопоставляемых языках.

Материал и метод

Основным исследовательским инструментом является база данных, функционирующая на основе параллельных корпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и предусматривающая возможность формирования поисковых запросов для обработки пунктуационного наполнения параллельных текстов. Таким образом привлекается эмпирический корпусный материал представительного объема — более 7 млн словоупотреблений в двух параллельных корпусах: французско-русский — 2 459 749, русско-французский — 4 684 900¹. Исходные данные удовлетворяют принципу сопоставимости, то есть речевой материал относительно равномерно распределен по целому ряду параметров: жанровое разнообразие, количественное равновесие и т.д. В каждом переводном направлении предварительно были определены 2 основные категории: художественная и нехудожественная литература. Объем обрабатываемого материала в обеих категориях был приведен в соответствие, чтобы избежать искажения результатов. Всего обработано 21 000 параллельных контекстов. На этом материале изучался функциональный объем двоеточия.

¹ В статье в силу ограниченного объема приводится только анализ русско-французского корпусного материала. Анализ французско-русского корпусного материала будет приведен в дальнейших публикациях.

Задавались следующие поисковые запросы:

- 1) двоеточие в исходном тексте (ИТ); двоеточие в переводном тексте (ПТ);
- 2) двоеточие в ИТ; иной пунктуационный знак в ПТ;
- 3) двоеточие в ИТ; отсутствие какого-либо пунктуационного знака (нулевой эквивалент) в ПТ;
- 4) иной пунктуационный знак в ИТ; двоеточие в ПТ;
- 5) отсутствие какого-либо пунктуационного знака (нулевой эквивалент) в ИТ; двоеточие в ПТ.

Эти запросы определили последующую инвентаризацию данных. Все найденные контексты сгруппированы согласно структуре моделей перевода, которая соотносится с четырьмя типами переводческих операций — сохранение, замена, опущение (может трактоваться как замена исходного знака препинания нулевым эквивалентом), добавление. Моделью перевода при этом считается кортеж вида <языковая единица; {вариант перевода}>, где {вариант перевода} обозначает весь спектр вариантов, приемлемых для перевода конкретной языковой единицы.

Методологические принципы контрастивного исследования пунктуации обозначены в [Нуриев, Игнатова, 2024; Нуриев, Карпов, 2023; Нуриев, Кружков, 2023; Nádvořníková, 2020].

Пунктуационные норма и узус в сопоставляемых языках

В разделе представлены нормативные и узуальные установки при употреблении двоеточия. Функциональный потенциал знака препинания описывается согласно нормирующим источникам (грамматические справочники и дидактическая литература), также на корпусном материале выделяются узуальные — регулярно воспроизводимые — случаи употребления. Иллюстративный материал приводится в форме параллельных контекстов, чтобы показать межъязыковую (а)симметрию в употреблении изучаемого знака. Ниже приводится фрагмент полученного описания на примере русского двоеточия на фоне французского языка. Для его составления были использованы следующие нормирующие источники: [Валгина, 1979; Валгина, 2004; Правила русской орфографии и пунктуации, 2007; Шапиро, 1955; Шапиро, 1974]. Описание функционального потенциала французского двоеточия на фоне русского языка по представленной схеме не приводится здесь в силу ограниченного объема статьи.

Употребление двоеточия в русском языке, как и в целом пунктуирование, подчинено семантико-грамматическому принципу. Двоеточие выполняет одновременно демаркативную и смысловоразличительную функции, отмечая границу двух частей предложения (Р и Q), между которыми устанавливаются определенные семантические отношения. Сфера его речевого обихода прежде всего затрагивает бессоюзие: на границе предикативных частей бессоюзного сложного предложения оно является сигналом последующего разъяснения с различными смысловыми оттенками и ставится в следующих случаях.

Q содержит пояснение того, о чем говорится в Р (между частями уместна подстановка *а именно*).

(1)

Вдруг в глазах моих совершилось невероятное дело: отец внезапно поднял хлыст, которым сбивал пыль с полы своего сюртука, — и послышался резкий удар по этой обнаженной до локтя руке. [И.С. Тургенев. Первая любовь (1860)]

Et il se produisit alors une chose incroyable : mon père leva brusquement sa cravache, avec laquelle il tapait sur les pans poussiéreux de sa veste, et cingla violemment le bras de la jeune fille, nu jusqu'au coude. [Tr. M.-R. Hofmann, 1974]

Р содержит обобщающее слово типа *так, таков, такой, одно* и т.д., содержание которого конкретизирует Q.

(2)

Практика была такая: ребенок рождается — его сразу отдают в деревню. [С. Алексиевич. Время секунд хэнд (ч. 1) (2013)]

Et on s'y prenait comme ça : dès qu'un bébé naissait, on le laissait dans un village. [Tr. S. Benech, 2013]

Q указывает причину положения вещей, описываемого в Р (между предикативными частями возможна постановка союза типа *так как, потому что*).

(3)

Рядом мальчик с округлившейся щекой: внутри угадывается конфета. [С. Довлатов. Иностранка (1986)]

À côté d'elle un petit garçon à la joue proéminente : à l'intérieur on devine un bonbon. [Tr. J. Michaut-Paterno, 2001]

Q раскрывает содержание Р, сообщая дополнительный факт (предикативные части связывают изъяснительно-пояснительные отношения, подчеркнутые имеющимся в Р глаголом чувственного или рационального восприятия типа *знать, узнать, думать, понимать, помнить, видеть, слышать, смотреть, чувствовать* и т.д., а между Р и Q возможна постановка союза *что*).

(4)

Ведь он знает: Садко меня не любит. [В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960)]

Tu comprends, il le sait : Sadko ne m'aime pas. [Tr. A. Berelowitch, 1980]

При сходных семантико-синтаксических условиях в Р отсутствует перцептивный глагол, указывающий на результат восприятия и способный непосредственно присоединять изъяснение (типа *увидел, почувствовал, услышал, что...*), однако имеются другие глаголы или глагольные конструкции, предвосхищающие следующий этап восприятия, но синтаксически ограниченные в построении союзных придаточных предложений со значением изъяснения (типа *взглянуть, оглянуться, прислушаться, посмотреть* и т.п.).

(5)

Он взглянул: в правой руке у него отрезанные куски бахромы, носок и лоскуты вырванного кармана. [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Il regarda : dans sa main droite il tenait les morceaux de la frange, la chaussette et les lambeaux de la poche arrachée. [Tr. É. Guertik, 1947)]

Q представляет собой вопрос, задаваемый себе или собеседнику, а в Р имеется слово, указывающее на формальные характеристики вопроса: мысленный или вербально выраженный, в форме просьбы или требования и т.д. Этот тип бессоюзного сложного предложения сближается с прямой речью, отличаясь тем, что Q передает самую суть вопроса, но без характерных для прямой речи атрибутов — обращений, частиц и т.п.

(6)

Я себя спрашиваю: в самом деле, не полечиться ли у кого-нибудь из товарищей? [А.П. Чехов. Скучная история (1889)]

Je m'interroge : ne devrais-je pas effectivement me faire soigner par un de mes collègues ? [Tr. Édouard Parayre, 1960]

(7)

— Да, Афраний, вот что мне внезапно пришло в голову: не покончил ли он сам с собой? [М. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929–1940)]

— Mais dites-moi, Afranius. Il me vient soudain une idée : n'aurait-il pas lui-même mis fin à ses jours? [Tr. C. Ligny, 1968]

В сложноподчиненном предложении двоеточие ставится в двух следующих случаях (примеры 8–9).

Если Р содержит слова, сигнализирующие о последующем пояснении, и возможна подстановка *а именно*.

(8)

Господь подарил нам жизнь и хочет от нас одного: чтобы мы осознали, для чего он одарил нас этой самой жизнью. [В.Г. Сорокин. Метель (2010)]

Dieu nous fait don de la vie et n'exige de nous qu'une chose : que nous ayons une claire conscience de ce qui motive notre présent. [Tr. A. Coldefy-Faucard, 2011)]

Если Q представляет собой косвенный вопрос.

(9)

Ибо, вернувшись из Чистополя, Цветаева — это теперь очевидно! — колеблется: стоит ли уезжать из Елабуги? [И. Кудрова. Путь комет. Разоблачённая морока (2007)]

Car Tsvétaïéva, revenue de Tchistopol — cela est aujourd'hui évident! — hésite : est-ce bien la peine de quitter Élabouga? [Tr. H. Henry, 2015]

В простом предложении двоеточие также реализует разъясняющий семантический потенциал, конкретизируя значение обобщающего слова, помещенного перед сочинительной конструкцией (однородными членами).

(10)

Разумеется, у Черкасовых были друзья из высшего социального круга: Шостакович, Мравинский, Эйзенштейн... [С. Довлатов. Чемодан (1986)]

Bien entendu, les amis des Tcherkassov appartenaient à la crème : Chostakovitch, Mavrinski, Eisenstein... [Tr. Jacques Michaut-Paterno, 2001]

(11)

С одной стороны — деятели политики, государственного аппарата: посол России во Франции Извольский, сенатор Куиба, депутат Стег, управляющий из МИДа Бапст, сам Думер, бывший министр и бывший президент Палаты депутатов и т.д. [www.ifspb.com. Сайт Французского института в Санкт-Петербурге [ABBYU LingvoPRO] (2002–2006)]

D'un côté, les hommes politiques, l'appareil d'État : l'ambassadeur de Russie en France Izvolski, le sénateur Couyba, le député Steeg, un directeur du Ministère des Affaires étrangères russe, Bapst, Doumer lui-même, ex-ministre et ex-président de la Chambre des Députés, etc. [www.ifspb.com. Le site de l'Institut Français à Saint-Petersbourg (2002–2006)]

Двоеточие ставится, когда за обобщающим словом следуют уточняющие *как например, например, как то, а именно*. Перед ними ставится запятая, а после них — двоеточие.

(12)

Из преступлений одно, именно: кража гороху, моркови и репы по огородам, — было в большом ходу, да однажды вдруг исчезли два поросенка и курица — происшествие, возмущившее весь околоток и приписанное единогласно проходившему накануне обозу с деревянной посудой на ярмарку. [И.А. Гончаров. Обломов (1848–1859)]

De tous les délits, on n'en connaissait qu'un seul : le vol des pois, des carottes et des navets dans les potagers ; une fois seulement une poule et des porcelets avaient disparu. Cet événement avait indigné tout le district et chacun le rapprocha du passage d'un convoi de charretiers menant à la foire de la vaisselle de bois. [Tr. A. Adamov, 1959]

В предложениях с сочиненными рядами при отсутствии обобщающего слова возможна постановка двоеточия в качестве сигнала последующего перечисления, перечня. Эту сигнальную функцию двоеточие выполняет при оформлении перечней в официальных документах.

(13)

Статья 102 1. К ведению Совета Федерации относятся: а) утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации; б) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении военного положения; в) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения... [Конституция Российской Федерации (1993)]

Article 102 1. Relèvent de la compétence du Conseil de la Fédération : a) l'approbation de la modification des frontières entre les sujets de la Fédération; b) l'approbation du décret du Président de la Fédération de Russie sur l'introduction de l'état de siège; c) l'approbation du décret du Président de la Fédération de Russie sur l'introduction de l'état d'urgence... [Tr. M. Lesage, 2000]

Двоеточие оформляет конструкции с прямой речью, следуя за словами автора:

(14)

Маруся удивилась: — Я и не подозревала, что вы знаете такие слова. [С. Довлатов. Иностранка (1986)]

Maroussia fut tout étonnée : « Je n'aurais jamais cru que vous connaissiez des mots pareils. »

[Tr. J. Michaut-Paterno, 2001]

Двоеточие употребляется в двучленных конструкциях заголовочного типа с именительным (и винительным) темы, являясь своеобразным эмфатизатором-разъяснителем.

(15)

В самолет мне не разрешили ничего взять, только сумочку с документами. Ни вещи, ни мамины пирожки: «Поймите — военная обстановка». [С. Алексиевич. *Время секунд хэнд* (ч. 1) (2013)]

Dans l'avion, on ne m'a rien laissé emporter, juste mon sac à main avec mes papiers. Rien d'autre, pas même les petits pâtés que maman m'avait donnés. « On est en guerre, vous comprenez. » [Tr. S. Benech, 2013]

В примере 15 представлен случай межъязыковой асимметрии: русское двоеточие в переводе заменено концевой точкой, что приводит к декомпозиции исходной конструкции. Это тем более примечательно, что во французском имеется сходная функция исследуемого знака. Он также может участвовать в двучленных конструкциях заголовочного типа, отмечая границу частей и являясь эмфатизатором-разъяснителем, который позволяет значительно экономить синтаксические средства выражения вне грамматических конвенций. При этом Р содержит именную группу, где обозначена тема, а Q эту тему развивает, поясняет, комментирует:

(16)

Attentat à Paris : le terroriste avait prévu d'attaquer une cible juive. [Le Monde, 8 Dec. 2023, p. 13]

Пунктуационный узус охватывает два типа воспроизводимых контекстов с двоеточием.

В первом случае двоеточие сигнализирует о противопоставлении, заключенном в Q.

Во втором — об оценочном суждении о Р, представленном в Q.

Ни тот, ни другой случаи не описаны в нормирующей литературе, однако примеры такого употребления зафиксированы уже в текстах XIX в.

(17)

— Ты же от почтальона принял его: грязное такое! [И.А. Гончаров. *Обломов* (1848–1859)]

— C'est toi qui l'as reçue du facteur : une lettre toute sale. [Tr. L. Jurgenson, 1988]

(18)

Я баб погнал по мужей: бабы те не воротились... [И.А. Гончаров. *Обломов* (1848–1859)]

J'ai envoyé les bonnes femmes chercher leurs maris : lesdites bonnes femmes ne sont pas revenues... [Tr. L. Jurgenson, 1988]

Согласно типографическим требованиям, в русском языке двоеточие отделяется от последующего слова пробелом, в то время как, например, во французском языке оно отделяется пробелами и от предшествующего, и от последующего слов.

Результаты контрастивного корпусного исследования

Частотность употребления двоеточия в сопоставляемых языках составляет (данные получены на основе запросов в моноязычных корпусах: XX век и современный корпусы Frantext (157 314 064 словоупотреблений) — для французского, основной корпус НКРЯ (374 449 975 словоупотреблений) — для русского):

- 1) русский язык — 2 535 515 двоеточий всего и 68 на 10 000 слов;
- 2) французский язык — 801 732 двоеточий всего и 51 на 10 000 слов.

Таким образом, в русском языке двоеточие продуктивнее, чем во французском, что подтверждается данными параллельных корпусов.

Зона функциональной симметрии в области пунктуирования между сопоставляемыми языками значительна, однако по направлениям перевода она совпадает не полностью:

- при переводе с французского на русский двоеточие сохраняется в соответствующей синтаксической позиции в 70,26% случаев;
- при переводе с русского на французский двоеточие сохраняется в соответствующей синтаксической позиции в 62,67% случаев.

В зоне симметрии не полностью совпадает и распределение функционального веса двоеточия как знака-носителя определенной семантической нагрузки.

Например, и русский, и французский преимущественно используют двоеточие для оформления прямой, несобственно-прямой и косвенной речи во всем ее многообразии (включая цитаты, правила, примеры, инструкции, объявления, вывески и прочую справочную информацию). Однако в этой функциональной области русский язык сохраняет двоеточие при переводе с французского в 59,22%, а французский при переводе с русского — в 64,89%.

В сфере бессоюзия в переводном русско-французском направлении симметричная постановка наблюдается для разъяснительного двоеточия — в 19,13% случаев, для причинного — в 6,49% случаев, для аргументативного (вводящего дополнительный аргумент в пользу Р) — в 2,53% случаев, для следственного — в 1,69% случаев. Во француско-русском направлении перевода цифры несколько разнятся: симметричные синтаксические условия наблюдаются в 27% случаев для постановки разъяснительного двоеточия, в 4,25% случаев — для причинного, в 3,65% случаев — для аргументативного, в 0,47% случаев — для следственного двоеточия.

Любопытно, что в обоих переводных направлениях зона симметрии покрывает малое число случаев, где двоеточие является входным знаком сочиненного ряда: 3,94% (русско-французское) и 5,61% (французско-русское), причем нормирующая литература всегда делает акцент на этой функции двоеточия.

Зона пунктуационной асимметрии определялась посредством четырех из пяти поисковых запросов, приведенных выше в разделе «Материал и метод» (запросы 2–5). Так, было выявлено, что при переводе с французского на русский двоеточие заменяется иным пунктуационным знаком в 26,51% случаев, а опускается в 3,22% случаев, наличие в ИТ какого-либо пунктуационного знака служит стимулом для реализации двоеточия в ПТ в 15,91% случаев, постановка двоеточия в ПТ при отсутствии какого-либо пунктуационного знака-стимула в ИТ происходит в 10,34%. В обратном направлении двоеточие заменяется иным пунктуационным знаком в 33,29% случаев, а опускается в 10,43% случаев, наличие в ИТ какого-либо пунктуационного знака служит стимулом для реализации двоеточия в ПТ в 22,84% случаев, постановка двоеточия в ПТ при отсутствии какого-либо пунктуационного знака-стимула в ИТ происходит в 3,5%.

Показательно, что при переводе с французского на русский число двоеточий возрастает с 55 в оригинале до 71 в переводе (в расчете на 10 000 слов), а в обратном направлении убывает — с 97 до 58 (в расчете на 10 000 слов).

Заключение

Корпусно-ориентированное контрастивное изучение двоеточия позволяет сделать ряд лингвистически интересных выводов. Так, можно утверждать, что двоеточие в русском продуктивнее, чем во французском, и что, будучи медиальным (то есть средним, тяготеющим к постановке внутри предложения — на границе составных частей) знаком, оно при переводе может заменяться и концевыми знаками препинания при статистически регулярной воспроизводимости такого трансформационного сдвига. Также в указанной языковой паре двоеточие при переводе является хоть и не абсолютным, но существенным пунктуационным прескриптором. В этом смысле дальнейшие перспективы исследования связаны с выявлением и описанием устойчивых переводных соответствий двоеточия, особенностей передачи его функциональной значимости при переводе и основных трансформационных синтаксических сдвигов, сопряженных с этим. Кроме того, подобное изучение пун-

ктуации помогает выявить ряд ограничений. Одно из них, существенно влияющее на валидность данных, — сбалансированность литературной продукции в составе корпуса по количественным (протяженность текстового источника) и качественным характеристикам (жанровое и стилистическое разнообразие текстовых источников). Статистическая обработка данных требует тонкой нюансировки: при подсчете абсолютных числовых величин необходимо, например, учитывать мультивариантную структуру корпусного ресурса, в котором один текст может быть представлен несколькими переводами. Также продуктивность семантически насыщенных знаков препинания может в конкретном произведении зависеть от сюжетной развертки, что, очевидным образом, следует учитывать при анализе корпусных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валгина Н.С.* Русская пунктуация: принципы и назначение. М.: Просвещение, 1979.
2. *Валгина Н.С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004.
3. *Нуриев В.А., Игнатова С.Д.* Надкорпусная база данных как инструмент изучения пунктуации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 4. С. 147–158.
4. *Нуриев В.А., Карпов В.И.* Методология корпусно-ориентированного исследования в области контрастивной пунктуации // Информатика и ее применения. 2023. Т. 17. № 2. С. 90–95.
5. *Нуриев В.А., Кружков М.Г.* Корпусные данные при контрастивном изучении пунктуации. Системы и средства информатики. 2023. Т. 33. Вып. 1. С. 14–23.
6. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / ред. В.В. Лопатин. М.: Эксмо, 2007.
7. *Шапиро А.Б.* Основы русской пунктуации. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
8. *Шапиро А.Б.* Современный русский язык. Пунктуация. М.: Просвещение, 1974.
9. *Nádvorníková O.* The use of English, Czech and French punctuation marks in reference, parallel and comparable web corpora: a question of methodology // *Linguistica Pragensia*. 2020. Vol. 30. Iss. 2. Pp. 30–50.
10. *Pecorari F, Longo F.* The Ellipsis and the Dash in Italian and English: A Contrastive Perspective // *Vergleichende Interpunktion — Comparative Punctuation* / Eds. P. Rössler, P. Besl, A. Saller. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. Pp. 289–314.
11. *Ström Herold J., Levin M.* The Colon in English, German and Swedish: A Contrastive Corpus-Based Study // *Vergleichende Interpunktion — Comparative Punctuation* / Eds. P. Rössler, P. Besl, A. Saller. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. Pp. 237–261.

Vitaly A. Nuriev

COLON: FUNCTIONAL (A)SYMMETRY BETWEEN RUSSIAN AND FRENCH

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; nurievv@mail.ru

Abstract. The article presents the corpus-assisted research of the functional potential of the colon in the Russian-French language pair. For the data description, a three-part structure was determined. Following that structural model, a contrastive analysis of the colon was performed in order to uncover and then describe its functional potential in the studied language pair, which allowed to solve the following tasks: 1) to calculate the frequency of the colon in the compared languages; 2) to clarify its functional potential there; 3) to identify the zones of functional symmetry and asymmetry. The main information tool is a supra-corpora database that stores parallel texts from the Russian National Corpus. It allows for generating the search queries to process the punctuation component in parallel texts. Corpus-based contrastive studies of punctuation are directly related to current challenges in computer science. They are essential for designing a range of modern AI-based information products, particularly next-generation voice assistants. Additionally, their findings will contribute to improving machine translation technologies. They will aid in calibrating and refining the training of machine translation systems to account for punctuation differences between source and target languages. Moreover, these results will be of use in advancing AI-driven subtitling technologies.

Keywords: punctuation; colon; asymmetry between languages; corpus-based tools; parallel corpus; Russian; French

For citation: Nuriev V.A. (2025) Colon: functional (a)symmetry between Russian and French. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 28–40. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-2 (In Russ.)

About the author: Vitaly A. Nuriev — Dr. Habil. in Philology, Lead Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); nurievv@mail.ru.

REFERENCES

1. Valgina N.S. 1979. *Russkaya punktuatsiya: printsipy i naznachenie* [Russian punctuation: principles and purpose]. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russ.)
2. Valgina N.S. 2004. *Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii: Uchebnoe posobie* [Current issues in modern Russian punctuation: A textbook]. Moscow, Vysshaya Shkola. (In Russ.)

3. Nuriev V.A., Ignatova S.D. 2024. Nadkorpurnaya baza dannyykh kak instrument izucheniya punktuatsii [Supracorpora database as a tool for studying punctuation]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2024, vol. 27, no. 4, pp. 147–158. (In Russ.)
4. Nuriev V.A., Karpov V.I. 2023. Metodologiya korpusno-orientirovannogo issledovaniya v oblasti kontrastivnoi punktuatsii [The methodology of the corpus-based studies in the field of contrastive punctuation]. *Informatika i ee Primeneniya*, vol. 17, no. 2, pp. 90–95. (In Russ.)
5. Nuriev V.A., Kruzhkov M.G. 2023. Korpusnye dannye pri kontrastivnom izuchenii punktuatsii [The parallel corpora perspective on studying contrastive punctuation]. *Sistemy i Sredstva Informatiki*, vol. 33, no. 1, pp. 14–23. (In Russ.)
6. Lopatin V.V. (ed.). 2007. *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polny akademicheskyy spravochnik* [Russian Orthography and Punctuation Rules: A Comprehensive Academic Guide]. Moscow, Eksmo. (In Russ.)
7. Shapiro A.B. 1955. *Osnovy russkoy punktuatsii* [Fundamentals of Russian Punctuation]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
8. Shapiro A.B. 1974. *Sovremennyyi russkiy yazyk. Punktuatsiya* [The modern Russian language. Punctuation]. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russ.)
9. Nádvořníková O. 2020. The use of English, Czech and French punctuation marks in reference, parallel and comparable web corpora: a question of methodology. *Linguistica Pragensia*, vol. 30, no. 2, pp. 30–50.
10. Pecorari F., Longo F. 2021. The Ellipsis and the Dash in Italian and English: A Contrastive Perspective. In P. Rössler, P. Besl, and A. Saller (eds.). *Vergleichende Interpunktion — Comparative Punctuation*. Berlin, Germany; Boston, MA, USA, De Gruyter, pp. 289–314.
11. Ström Herold J., Levin M. 2021. The Colon in English, German and Swedish: A Contrastive Corpus-Based Study. In P. Rössler, P. Besl, and A. Saller (eds.). *Vergleichende Interpunktion — Comparative Punctuation*. Berlin, Germany; Boston, MA, USA, De Gruyter, pp. 237–261.

Статья поступила в редакцию 14.05.2025;
одобрена после рецензирования 14.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 14.05.2025;
approved after reviewing 14.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА/ДИСКУРСА

Е.В. Шустрова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕТИПИЧНОСТИ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА В ПРАКТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; shustrovaev2@bk.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости постоянного внедрения методик современной лингвистики в практику профессиональной языковой подготовки. В частности, одна из проблем современной образовательной среды в области профессиональной языковой подготовки связана как с постоянным обновлением профессиональных стандартов, так и с меняющимися условиями коммуникации. Один из способов решения проблемы — внедрение в процесс методик анализа, базирующихся на общих теоретических основах в психолого-педагогических науках и филологии. В данной статье иллюстрируется пошаговое применение более конкретных исследовательских процедур к анализу лингвокультурно маркированного иноязычного поликодового текста. Применение теории архетипов К.Г. Юнга к данным лексикографических источников, пьесе У. Шекспира «Макбет» и материалу английской политической карикатуры конца XVIII в. Дж. Гилрея позволило выделить преобразование архетипические черты. Представлен этимологический анализ ключевых лексем, показано развитие их основной и производной семантики, коннотаций, прагматического и аксиологического потенциала. На этой основе предложены способы методического конструирования проблемных заданий для развития поликодовой компетенции в системе иноязычного профессионального образования. Приводятся результаты эксперимента.

Шустрова Елизавета Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; докторант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; shustrovaev2@bk.ru

Ключевые слова: поликодовая компетенция, поликодовый текст, архетип, профессиональное образование, профессионально-коммуникативная иноязычная компетенция, обучение иностранным языкам в вузе

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-3

Для цитирования: Шустрова Е.В. Использование архетипичности поликодового текста в практике профессиональной языковой подготовки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 41–63. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-3

Одна из особенностей современной профессиональной подготовки специалистов-филологов, в том числе будущих преподавателей и переводчиков, состоит в необходимости достаточно динамичного пересмотра содержания ряда программ и дисциплин профессионального блока из-за нарастающих изменений в особенностях современной коммуникации. Эти особенности отражаются в новых редакциях профессиональных и федеральных образовательных стандартов в России и за рубежом, а также значительном числе публикаций по проблемам лингводидактики. Изменение форм взаимодействия в процессе обучения, распространение мобильных технологий и обучающих программ на основе новых высокотехнологичных решений, плюсы и минусы их использования в профессиональном языковом образовании вызывают активное обсуждение [ср., например, Геворкян, и Савенков, 2023; Гришкова, 2024; Молчанова, Реморенко, Савенков, и Романова, 2024; Серова, Гураль, Бердникова, 2022; Сысоев, 2023; Сысоев, Филатов, Сорокин, 2024; Титова, 2024; Aldreabi, Dahdoul, Alhur, Alzboun, Alsalhi, 2025; Bibauw, François, Desmet, 2022; Guo, Wang, 2023; Griffiths, Cubric, 2024; Mizumoto, Eguch, 2023]. В качестве причин возможных неудач и их последствий, в частности, называется отсутствие у преподавательского состава навыков использования высокотехнологичных решений на основе искусственного интеллекта или виртуальной реальности. Это часто заставляет прибегать исключительно к традиционным стратегиям обучения, что, по мнению ряда авторов, не отражает всех тех вызовов, которые несет с собой аутентичная языковая среда [Stošić, Guillén-Gámez, 2024: 95–96; Swallow, Tomalin, 2024: 86–94].

Внедрение таких систем также предполагает активное обращение к лингвистическим данным, навыки работы с ними. Тем не менее, в процессе преподавания лингводидактики в вузах недостаточно внимания уделяется более активному внедрению современ-

ных лингвистических методик и органичному совмещению этапов работы по формированию профессиональных компетенций в области лингводидактики и филологии. Подобная сложность вполне объяснима. Во-первых, это связано с утвержденными учебными программами и необходимостью сфокусироваться на наиболее значимых темах курса. В их число, как правило, сначала входят традиционные разделы, которые, безусловно, нужны и отражают существующую традицию, формируют преемственность в профессии. Во-вторых, даже в рамках курсов по выбору или факультативов перед преподавателем всегда встает вопрос постоянного поиска информации и необходимости самому много работать над созданием методического репертуара, который будет предложен обучающимся. В.В. Сафонова подчеркивает необходимость учета междисциплинарных, фактологических, ценностно-ориентационных и инструментальных связей при конструировании учебной деятельности [Сафонова, 2024: 17–19].

В отношении лингвистических методик анализа требуется значительное время для понимания механизмов построения текстов разных жанров, лингвокультурной специфики манипуляции, аргументации, прагматики, аксиологических характеристик и других многочисленных характеристик и единиц анализа. В отношении современного языкового и текстового материала ситуация усугубляется характером представления информации, все большей свернутостью текста [Молчанова, 2024], поликодовых характеристик манипуляции.

Анализ текстов с более насыщенными междисциплинарными связями в этом случае приводит к улучшению критического мышления и исследовательских компетенций обучающихся [ср. Исследователь XXI века, 2018]. Однако, как отмечает С.В. Титова, «К сожалению, современное образование пока не в состоянии обеспечить условия для формирования критического мышления личности в процессе обучения и воспитания. Привычная репродуктивная образовательная модель продолжает транслировать знания, формировать репродуктивные умения и навыки, контролировать их овладение. Сформировать вышеперечисленные умения возможно, используя эффективные подходы, методы, технологии обучения» [Титова, 2023: 86].

Одним из способов решения проблемы может быть опора, в первую очередь, на общие теоретические основы в психолого-педагогических науках и филологии. Например, когнитивизм, конструктивизм или коннективизм в педагогике и лингводидактике

органично совмещаются с теорией интертекстуальности М.М. Бахтина и Ю. Кристевой, данными психолингвистики и когнитивной лингвистики, социолингвистики, отчасти корпусной и нейролингвистики.

Цель статьи — показать применение комплекса лингвистических методик к анализу сложного поликодового материала, построенного на архетипах и их лингвокультурных трансформациях, и определить наиболее методически целесообразные проблемные задания и задачи для формирования у студентов-филологов элементов профессиональной поликодовой компетенции при интерпретации лингвокультурно маркированного иноязычного текста. Иллюстративным материалом стала английская политическая карикатура конца XVIII в. Дж. Гилрея.

Первая задача нашего исследования заключалась в выборе методик лингвистического анализа для иллюстрации возможного хода интерпретации данных. В качестве основы для данного исследования мы выбрали методику анализа, связанную с архетипами К.Г. Юнга [Юнг, 2017, 2020, 2021; ср. также Франц, 2017; Каст, 2020; Hillman, 1983]. В лингвистике работы по архетипам в текстах и дискурсах разных жанров представлены широким кругом исследований, которые позволяют сформировать необходимый методологический аппарат [см., например, Мелетинский, 2001; Молчанова, 2023, 2024; Карасик, 2019; Постникова, 2024; Чудинов и Сегал, 2024 и др.].

Анализируя дискурс видео-визуальной поэзии, Е.Г. Постникова выделяет четыре основных образа, связанных с трансформацией архетипа Анимы, а именно Ева, Царица/Елена, Дева Мария, София Премудрость Божия. Интерес в данном случае представляет сам материал поликодового текста и наблюдения автора о способах влияния архетипических образов при активизации нескольких каналов чувственного восприятия. Это позволяет усилить суггестивный потенциал текста-первоисточника [Постникова, 2024: 78–79]. А.П. Чудинов и Н.А. Сегал на материале Telegram-каналов Украины описали архетипические основы моделирования «образа врага» при создании метафорического образа России [Чудинов, Сегал, 2024: 42–48]. Сопоставительный анализ преобразований исходных архетипов, в том числе в авторском дискурсе, представлен, в частности, в работах А.В. Киричек, Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриевой [Киричек, 2021; Короленко, Дмитриева, 2018]. В смежных исследованиях особое место занимают исследования архетипов применительно к сфере бизнеса. В.В. Комаров на основе трансформаций архетипов Анимы, Анимуса, Тени и Самости вводит в научный оборот та-

кие архетипические образы лидера, как Достигатель, Вдохновитель, Бюрократ, Организатор, Командный (проектный) лидер и Эксперт [Комаров, 2024: 84–89].

В совсем недавних зарубежных публикациях по проблемам использования теории архетипов К.Г. Юнга обращает на себя внимание, как часто и для каких целей исследователи опираются на эту теорию. В частности, это применение архетипов при написании сценариев [Fuller, 2024], развитии персонажей, в том числе в поликодовых текстах [Copley, 2024; Lyons, 2023], преодолении психологических травм [Mills, 2023; Storm, 2024; Schwartz, 2024; Wirtz, 2023], определении бизнес-стратегий [Riker, 2024].

Конкретный архетип, проявляющийся в нашем материале, — это архетип Старого Мудреца. Как правило, в политически окрашенном тексте этот архетип применяется по отношению к ведущим политикам, главе государств. В нашем случае этот архетип носит смешанный характер и сливается с образом ведьмы. Это воплощение архетипа и станет объектом нашего внимания. Покажем эти трансформации и возможные приемы анализа. Первое, к чему стоит обратиться, это лингвокультурные особенности архетипа или конкретного его воплощения, возможные преобразования в диахронии.

Согласно словарным данным для английского языка, ведьма (*witch*) — это колдунья, волшебница, чаровница; женщина, вступившая в союз с дьяволом, практикующая колдовство¹. Стоит отметить, что и в англо-саксонском фольклоре, и в английской литературе образ ведьмы часто не носит таких агрессивных и страшных черт, как в других лингвокультурах. В литературе она может принимать черты эльфы, красавицы, ищущей уединения и готовой отомстить тому, кто его нарушает. Обычно этот непрощенный гость — рыцарь, судьба которого незавидна, если только он осмелится побеспокоить эту даму. Отличный пример — баллада Дж. Китса «*La Belle Dame Sans Merci*» («Жестокая красавица»). Этот образ чем-то напоминает образ Венеры, а никак не страшной старухи или лекарки.

В Законах короля Альфреда (*the Laws of Ælfred the Dooms of Ælfred*)² — документе, составленном на варианте древнеанглийского в конце IX в. н.э. во время правления Альфреда Великого Уэссекского (*King Ælfred the Great of Wessex*) и призванном упорядочить

¹ *ABBYY Lingvo x5 20 языков*: электронная программа. Профессиональная версия. URL: <https://lingvo.ru/> (accessed: 15.03.2025).

² *The Laws of Alfred*. Edited and translated by Milton Haight Turk. Boston: Boston Book Company, 1907. URL: <https://www.theanglosaxons.com/laws-of-alfred-pps/#:~:text=The%20Laws%20of%20Alfred%2C%20also,development%20of%20English%20common%20law> (accessed: 15.03.2025).

религию, мораль, гражданское право того времени, — колдовство и ведьма описаны отдельно в весьма почтительных тонах. В частности, отмечалось, что это отдельный вид женской профессиональной деятельности, что практикующие ведьмы не должны испытывать никаких препятствий и их жизнь не должна быть омрачена или затруднена на территории королевства Уэссекского³ [ср. также Whitelock, 1955; Yorke, 1995].

В отличие от русского языка, где в корне слова «ведьма» легко прослеживается связь со знанием и глаголом «ведать», в английском языке не все так однозначно. В частности, этимологические словари, словари древне- и среднеанглийского выделяют две формы *wicca* и *wicce* со слабым склонением на *-(a)n*⁴. Разница форм продиктована родовыми окончаниями древнеанглийского, однако падежные формы этих двух слов практически идентичны. *Wicca* — это слово с более широким значением, не имеющее четко выраженной семы пола и означающее «колдун, волшебник, маг, авгур». *Wicce* — это только женщина, волшебница, колдунья, пифия; вещунья, прорицательница; и даже женщина-астроном, использующая законы движения планет для предсказаний. При этом, судя по датам в этимологических словарях, значения «пифия» и «авгур» пришли уже после римского завоевания Британских островов и, как следствие, приобщения местного населения к историческим реалиям Древней Греции и Рима. Написание, как часто случается в древне- и среднеанглийском, неустойчиво и дает следующие возможные варианты *wicche*, *wichche*, *wycche*, *wytche*, *weche*, *wytchis* (мн. ч.) для женского рода и аналогично с изменением родовой флексии для мужского рода.

О происхождении *wicce* и *wicca* пишется, что его невозможно точно установить, вероятно, формы восходят к древнеанглийскому существительному *wigle* — «гадание, ворожба; предсказа-

³ *Medieval Sourcebook: The Anglo-Saxon Dooms, 560–975*. Site of Fortham University. URL: <https://origin-rh.web.fordham.edu/halsall/source/560-975dooms.asp> (accessed: 15.03.2025).

⁴ *Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary Online*. URL: <https://bosworthtoller.com/> (accessed: 15.03.2025).

Old English Dictionary. URL: <https://old-engli.sh/dictionary.php> (accessed: 15.03.2025).

The Dictionary of Old English. URL: <https://doe.artsci.utoronto.ca/> (accessed: 15.03.2025).

Middle English Compendium. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/> (accessed: 15.03.2025).

Wright J. *Old English Grammar*. Kessinger Publishing, (1855–1930) 2010. URL: https://openlibrary.org/books/OL6997868M/Old_English_grammar (accessed: 15.03.2025).

ние; прорицание; предчувствие, интуиция; удачный, правильный прогноз»⁵. В свою очередь дальнейшее исследование показывает, что *wigle* восходит к протогерманской реконструированной форме **wikkjaz* — «пробуждающий (в нашем случае, скорее, пробуждающая) мертвых». Она восходит к протоиндоевропейской реконструированной основе **weg-yo*, в составе которой присутствует корень **weg-* — «быть сильным, оживленным, полным жизненных сил». Дополнительный поиск показывает, что к этому же корню восходит протогерманский глагол **wakajanan*, послуживший основой для неправильного глагола *wake* (в древнеанглийском *wacian*) — «будить, пробуждать». Хорошо известно, что, в основном, неправильные глаголы современного английского языка соотносятся с системой классов сильных и слабых глаголов в древнеанглийском (кроме некоторых заимствованных, например, *cast*, *take* и *shrove*). Это всегда означает, что глагол *wake* существует в английском языке очень долго и относится к германским протоформам. Это дает основания для дальнейших сопоставлений.

Сделаем собственные предположения на основе сравнения данных этимологических словарей для разных языков. В немецком языке сохраняется существительное *Weg*, в английском аналогичное *way* — «путь, дорога». Они оба восходят к протоиндоевропейскому реконструированному корню **wegh-* — «двигаться, передвигаться». Но одновременно у слова *way* довольно рано развиваются производные значения, связанные с судьбой и способом достижения цели. Скорее всего, что-то похожее наблюдалось и в протоформах. Во всяком случае, в готском отмечается однокоренной глагол *wagjan* — «двигать», а глагол древневерхнемецкого *weggen* «носить» в словаре предлагается сопоставить с древнегреческой формой со значением «ношу»⁶. Вести и знание также можно приносить. Этимологические данные для русского существительного *вещь* предлагается соотнести с польским словом с тем же значением *wieść*, древнеиндийским *vittis* и авестинским *vēdēti*. Одновременно с этим данные для русского *ведьма* соотносимы с польским *wiedźma* — «ведьма» и кашубским *wieszsz* — «упырь, вампир»⁷.

По закону Раска — Гримма изменение затронуло в том числе протоиндоевропейские придыхательные и звонкие смычные, пере-

⁵ *Webster's Online Etymological Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 15.03.2025).

⁶ *Webster's Online Etymological Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 15.03.2025).

⁷ *Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера*. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (accessed: 15.03.2025).

шедшие в протогерманском в аналогичные звуки без придыхания и глухие. Для нас это может означать, что *wicce* — «ведьма» может иметь протоиндоевропейские этимоны как в **weg-*, так и **wegh-*, что немного дальше мы увидим в отношении *Wayward Sisters*, и, скорее всего, оно однокоренное с русским *ведьма*. Наше небольшое этимологическое исследование также означает, что по семантике *wicce* в английском соотносимо с указанием судьбы, движением и передвижением (в том числе в пространстве), направлением, пробуждением сил, мудростью.

Пытаясь бороться с уже формирующимися предрассудками, в том числе на государственном уровне, в 1584 г. Р. Скот пишет, что на уровне контекстов и речи *witch* соотносится с мудростью и прозорливостью. В частности, Р. Скот в «*The Discovery of Witchcraft*» (1584) отмечает полную синонимию фраз «*she is a witch*» и «*she is a wise woman*» [Цит. по: Williams, (1865) 2022: 59]. Интересно, что снова фигурирует связь только с женщиной. Одновременно этот же период характеризуется очередным этапом «охоты на ведьм». Начиная с 1542 г в Англии и позднее, начиная с 1563 г, в Шотландии издаются законы, которые приравнивали занятия колдовством к преступлению, каравшемуся смертной казнью. Только Акт 1735 г. (*the Witchcraft Act*) сделал невозможным обвинение в колдовстве [Williams, (1865) 2022: 54–56]. Отпадение окончаний и ощущение сужения семантики только до женщины приводит к появлению сложных слов *he-witch* и *man-witch* для обозначения мужчин, практиковавших магию. Современное *witcher*, появившееся как перевод славянского *ведьмак*, тоже призвано заполнить образовавшуюся лакунарность, но одновременно оно не несет той прагматики злобного колдовства, которое стало со временем ассоциироваться с ведьмой.

Поскольку тема колдовства и ведьм была одной из самых популярных, она, безусловно, находила свое отражение в литературе. В частности, в пьесе В. Шекспира «Макбет» в сюжет вводятся три персонажа, которые в разных версиях и в самом тексте называются по-разному: *Weird sisters*, *Weyward Sisters*, *Wayward Sisters* — «Странные Сестры и своевольные, капризные сестры». Сами себя они не называют ведьмами, так же как и другие персонажи не применяют по отношению к ним этого слова. Поскольку их трое, они соотносимы с тремя судьбами в классической мифологии, древнегреческими Мойрами или римскими Парками. Иногда их соотносят с нимфами. Одновременно в них присутствуют черты древнескандинавских Валькирий, которые прядут (а не несут на коне, как в других источниках) и выбирают тех, кто погибнет в битве,

в частности в эпоху колонизации англосаксонских территорий викингами это были битвы 1014 г. Последнее подкрепляется фразой в «Макбете»: *The wayward Sisters, hand in hand, / Posters of the Sea and Land*⁸, т.е. они называются предвестницами воли моря и земли. Это соотносимо в скандинавской мифологии и с валькириями, и с огромными скандинавскими богами солнцестояния Альфами, превратившимися потом в сморщенных, маленьких и часто злобных английских эльфов. Связь ведьм и валькирий на уровне контекста подтверждается и данными словарей древнеанглийского (ср. *wiccean and waelcyrian*). Также их число и образ могут быть продиктованы описаниями ведьм в средневековых трактатах и упоминаниями трех типов ведьм: черных, серых и белых. Цвет соотносился с мерой их потенциального вреда для их жертв [ср. Williams, (1865) 2022: 54–56].

Согласно словарным данным⁹, в современном английском *weird* имеет отрицательную семантику именно благодаря этой пьесе В. Шекспира. Ранее у него не было значения «неприятно странный, сумасшедший, больной на голову». Оно означало «обладающий способностью контролировать судьбу», одновременно присутствовало существительное *wurd* — «доля, рок, судьба, жребий, фатум», восходящее к протогерманскому **wurthiz* — «судьба» и протоиндоевропейскому **wert* — «поворачивать, крутить», в котором легко увидеть русское *вертеть*. Т.е. это сестры, поворачивающие путь, судьбу, способные вертеть жизнью других. Все, что мы показали выше, очень важно для понимания графического материала карикатур.

В пьесе У. Шекспира Странные Сестры воплощают в себе темные силы и хаос, предательство, подвох, желание играть на политических амбициях и, как результат, помутнение рассудка, убийство, преступления на политической почве и несбывшиеся амбициозные мечты (ср. *fair is foul, and foul is fair, double, double toil and trouble*). В третьей сцене первого акта при первой встрече с сестрами Банко говорит: «What are these / So wither'd and so wild in their attire, / That look not like the inhabitants o' the earth, / And yet are on't? Live you? Or are you aught / That man may question? You seem to understand me, / By each at once her choppy finger laying / Upon her skinny lips. You should be women, / And yet your beards forbid me to interpret / That you are so». — «Кто эти? / Они так чахлы, так чудно одеты, / Что непохожи

⁸ Shakespeare W. Macbeth — Макбет (двуязычный текст: в оригинале и на русском языке; перевод М. Лозинского) <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/shakespeare/macbeth.htm> (accessed: 15.03.2025).

⁹ Webster's Online Etymological Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 15.03.2025). См. также выше.

на жильцов земли, / Хоть и стоят на ней. — Вы люди? Можно / Вас вопрошать? Вам речь моя понятна, / Раз каждая подносит черствый палец / К сухим губам. Я счел бы вас за женщин, / но отчего же бороды у вас?»¹⁰.

Т.е. у Шекспира Странные Сестры обретают черты мужчины, что, если соотнести это с исследованиями В.Я. Проппа, позволяет усмотреть в них похожие черты Бабы-Яги [ср. Пропп, (1928) 2021]. Эти персонажи, сливаясь с другими образами мудрецов и колдунов, начинают формировать единый архетип с лингвокультурными особенностями. Этому способствовало и использование пьесы В. Шекспира в качестве основы для интертекстуальности. Так, в 1742 г. Г. Уолпол, младший сын премьер-министра от партии вигов Р. Уолпола, пытаясь оправдать отца, использует имя и текст Шекспира для создания пародии под названием «The Dear Witches». В частности, поднимается тема политического предательства и проблем в политических интригах, использование связей в своих корыстных целях. Таким образом, в XVIII в. единый архетип старого мудреца и ведьмы закрепляется в отношении политических интриг и политики в целом. Эта тема проявляется и в изобразительном искусстве, создавая единый поликодовый контекст. В 1783 г. появляется картина Г. Фюсли «Три ведьмы», а 14 мая 1787 г. Дж. Гилрей изображает в виде трех ведьм членов королевской семьи (рис. 1¹¹). Карикатура называется «Monstrous Craws, at a New Coalition Feast» и изображает в виде Странных Сестер королеву Шарлотту, принца Уэльского и самого короля Георга III. Судя по рисунку, зелье уже сварено и состоит в основном из крови Джона Булла. При проведении анализа отдельное внимание стоит обратить этому образу, который тоже можно отнести к своеобразным лингвокультурным архетипам. Джон Булл воплощает в себе черты типичного англичанина, обычно торговца или зажиточного фермера. Поводом для создания карикатуры послужило изменение финансирования королевской семьи, принятое парламентом. Одновременно были введены новые налоги. Учитывая те революционные настроения, которые уже царили во Франции и активно поддерживались оппозицией в Англии, такое поведение Сестер иначе как странным и неразумным не назовешь, что и отражает карикатура.

¹⁰ *Shakespeare W. Macbeth* — Макбет (двуязычный текст: в оригинале и на русском языке; перевод М. Лозинского) <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/shakespeare/macbeth.htm> (accessed: 15.03.2025).

¹¹ URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-10314 (accessed: 15.03.2025).

Рис. 1. «Monstrous Craws, at a New Coalition Feast», Дж. Гилрей. 14 мая 1787 г.

Рис. 2. «Wierd Sisters; Ministers of Darkness; Minions of the Moon», Дж. Гилрей. 23 декабря 1791 г.

Рис. 3. «A Phantasmagoria; — Scene — Conjuring up an Armed Skeleton», Дж. Гилрей. 5 января 1803 г.

Рис. 4. Фрагмент карикатуры «Charon's boat — or — the ghost's of "All the Talents" taking their last voyage», Дж. Гилрей. 16 июля 1807 г.

Рис. 5. «Charon's boat — or — the ghost's of "All the Talents" taking their last voyage», Дж. Гилрей.

Следующий прецедентный образ Странных Сестер появляется в прессе 23 декабря 1791 г., когда вновь возникает вопрос о способности короля управлять страной. Дж. Гилрей создает другую известную карикатуру, совмещая образные линии В. Шекспира, Г. Уолпола и Г. Фюсли (рис. 2¹²). Карикатура уже напрямую называется «Wierd Sisters; Ministers of Darkness; Minions of the Moon» — «Странные Сестры; Министры Тьмы; Слуги Луны» и посвящена Г. Фюсли. На ней в образе Странных Сестер изображены ведущие политики Великобритании: лорд-канцлер Э. Терлоу, премьер-министр У. Питт, мл. и Г. Дандас, 1-й виконт Милвилл, занимавший пост министра внутренних дел. Они должны определить, как сложится судьба королевского дома Ганноверов, опираясь на движения планет. В образе небесных светил изображены королева Шарлотта и король Георг III, чье прогрессирующее расстройство когнитивных функций все чаще заставляло задуматься о смене власти и поиске подходящего преемника. На тот момент рассматривалась именно королева Шарлотта как возможная кандидатура на пост регента, но в итоге ее низкий уровень образования и зависимость от других заставили поменять решение в пользу принца Уэльского, будущего Георга IV. В данном случае при проведении анализа со студентами стоит напомнить, что образ луны в тот период часто ассоциировался с сумасшествием. При проведении параллелей с сюжетом «Макбета» возможно сопоставление ролей леди Макбет и королевы Шарлотты. Еще один важный элемент символизма проявляется в накидке на голове Г. Дандаса, имитирующей традиционные шотландские рисунки. На других карикатурах Г. Дандас мог изображаться с шотландским пледом на плечах или как собака в попонке с шотландскими рисунками. Это должно было подчеркнуть его политические пристрастия и связи, то влияние, которое имел этот «некоронованный король Шотландии». В данном случае это дает дополнительную интертекстуальность с сюжетом «Макбета». На другой карикатуре Дж. Гилрея, «A Phantasmagoria; — Scene — Conjuring up an Armed Sceleton», созданном 5 января 1803 г., в образе Странных Сестер изображены уже совсем другие политики: премьер-министр Г. Аддингтон, 1-й виконт Сидмут, министр иностранных дел Р. Дженкинсон и глава оппозиции Ч. Фокс (рис. 3¹³).

¹² URL: <https://www.npg.org.uk/collections/search/portrait/mw17034/Wierd-sisters-ministers-of-darkness-minions-of-the-moon?search=sp&sText=Edward+Thurlow%2C+1st+Baron+Thurlow&firstRun=true&rNo=13> (accessed: 15.03.2025).

¹³ URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-7073 (accessed: 15.03.2025).

Они решают судьбу Англии через заключение вынужденного Амьенского мира с Францией. Ведьмы или Странные Сестры вызывают вооруженный скелет. Как показала история, именно так потом и произошло. Англия не смирилась с условиями Амьенского мира и потерей своих новых колоний; война разразилась снова. В котле политиков, заключивших этот мир, варится Британский лев, а на его отрубленной голове сидит маленький французский петух, ассоциируемый с Наполеоном. В варево потоком льется золото, что передает то тяжелое финансовое положение, в котором находилась Англия. В данном случае отсылки сделаны к акту 4, сцене 1, когда Странные Сестры в вересковой пустоши варят свое зелье для обмана и предсказания новых бед. У них в котел идет все, что есть под рукой, включая самые отвратительные вещи. Эти смыслы наложены Дж. Гилреем на предполагаемую политическую неразборчивость и недальновидность политиков, выступавших за мир любой ценой. И, подобно сцене в волшебном фонаре, эти планы должны смениться иной, более благополучной, перспективой.

Четвертый рисунок называется «Charon's boat — or — the ghost's of "All the Talents" taking their last voyage» (рис. 5¹⁴). Он создан 16 июля 1807 г., когда в очередной раз встал вопрос об эмансипации католиков. Если бы это произошло, то одним из последствий могло бы стать признание в качестве законной супруги принца Уэльского Мэри Энн Фицгерберт и их предполагаемых совместных детей в качестве наследников. Одновременно это означало усиление политического влияния шотландских и ирландских кланов. Поэтому не случайно на мачте реют перья плюмажа принца и красуется его девиз «Ich Dien». В лодке Харона оказывается кабинет т.н. «Министерства всех талантов», во многом, состоявшего из представителей клана барона Гренвиля с его многочисленной родней. Политика этого кабинета действительно оказалась провальной и привела к огромным растратам, в том числе в угоду своих собственных личных и политических страстей политиков, входивших в этот кабинет. Странные Сестры изображены вверху слева над Цербером (рис. 4¹⁵), и здесь их роль больше напоминает роль Парок, обрезавших нить жизни, в данном случае злополучного министерства, которое должно отправиться в отставку. В образе сестры слева представлен будущий премьер-министр, а на тот момент министр иностранных дел Дж. Каннинг. Вторая сестра в центре — это С. Персиваль, который в 1807 г. занимал пост канцлера казначейства. Позднее он сменит Дж. Каннинга

¹⁴ URL: <https://www.james-gillray.org/pop/charon2.html> (accessed: 15.03.2025).

¹⁵ URL: <https://www.james-gillray.org/pop/charon2.html> (accessed: 15.03.2025).

на посту. Еще один возможный вариант трактовки того, кто мог быть второй ведьмой следующий. Это мог быть Р. Стюарт, виконт Каслри, министр по военным и колониальным делам. Третья ведьма это Р. Дженкинсон, барон Хоксбери, который уже появлялся на рис. 3. После поста министра иностранных дел он получил портфель министра внутренних дел. Все эти политики занимали резко оппозиционную сторону и выступали против действий кабинета. Учитывая их влияние, в том числе в парламенте, очевидно, что нить судьбы министерства всех талантов будет очень короткой. Каждая из этих «Странных Сестер» в последствии превратится в «Старого Мудреца», заняв пост премьер-министра. Рисунок построен на сложных интертекстуальных связях с античной мифологией, политическими документами и пародиями тех лет, произведениями Данте и В. Шекспира.

Привлечение такого материала в учебный процесс предполагает, что на этапе предварительного снятия трудностей, студентам нужно предложить проблемно-поисковые задания, в том числе на предварительный этимологический и компонентный анализ лексем, которые ложатся в основу создания ключевых переносных значений анализируемого поликодового текста. После такой предтекстовой работы, способствующей формированию первичных умений распознавания прагматики поликодовых компонентов, можно переходить к текстовому этапу. В данном случае при декодировании и углубленном анализе в зависимости от конкретного предмета профессионального цикла акцент может смещаться либо на страноведческий компонент, исторические события, роль отдельных личностей, либо на потенциальную семантику компонентов поликодовых текстов, их символизм. Если речь идет о дисциплинах, связанных с аналитическим чтением, стилистикой, филологическим анализом, историей и теорией литературы, то мы предлагаем сделать выбор в пользу анализа интертекстуальных связей. В этом случае изучение и трактовка классических текстов получают дополнительное направление, а привлечение поликодового текста с ярко выраженным аксиологическим содержанием позволяет оптимизировать формирование навыков интерпретации, дополнительно способствуя формированию исследовательской компетенции обучающихся.

На послетекстовом этапе проблемные задания и задачи могут выстраиваться на основе интерпретации других текстов, в том числе поликодовых, которые предлагают универсальные для изучаемой лингвокультуры и авторские образцы подачи того или иного архетипа. В отношении Странных Сестер и Старого Мудреца допол-

нительным источником материала могут стать рассказы Р. Брэбери, романы Дж. Апдайка «The Witches of Eastwick» и Дж. Харрис «Chocolat», произведения Т. Прачетта, Дж. Толкина, Н. Геймана, и их экранизации, мультипликация Т. Бертон. Поскольку анализ роли Р. Шеридана в драматургии обычно не предполагает обращения к его политическим пристрастиям и карикатурам на него как на рупор оппозиции, привлечение такого материала позволит иначе подойти к трактовке его пьес, в частности «The School for Scandal». Отдельное направление в рамках лексикологии и спецкурсов по когнитивной лингвистике может быть связано с использованием архетипа в рекламе разных типов. Часть работы можно перенести в формат групповых или индивидуальных проектов, в том числе курсовых и выпускных квалификационных работ. Тем не менее, во время аудиторной работы преподавателю нужно всегда быть готовым к возможным сложностям декодирования и прочтения предъявляемого материала. Поэтому анализ обязательно должен предполагать предварительное и последующее снятие трудностей. В то же время такие виды лингводидактических работ всегда приводят к другому восприятию студентами сложных семиотических комплексов современности, а последовательное сопоставление прагматики, символики, графических метафор, продиктованных лингвокультурными особенностями развития того или иного архетипа, позволяют оптимизировать и улучшить введение сложного исторического и языкового материала.

Эксперимент по внедрению подобных видов дидактических работ в учебный процесс носил долговременный характер (2008–2025 гг.) и продолжается сейчас. Экспериментальной базой выступали отделения, факультеты и департаменты профессиональной языковой подготовки Уральского государственного педагогического университета, Российского государственного профессионально-педагогического университета и Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). Участниками эксперимента выступали студенты 3–5 курсов специалитета и бакалавриата, а также 1–2 курсов магистратуры. Фокус-группа в 2023–2024 гг. составила 187 человек с уровнем иноязычной лингвистической компетенции в диапазоне уровней B2+ — C1.

В итоге 100% студентов, посещавших занятия, узнавали и проводили интерпретацию разных типов как отдельных черт архетипических образов в различных жанровых разновидностях текста, так и комплекса характеристик, присущих лингвокультурным разновидностям архетипов. В числе наиболее популярных архетипов были

архетипы Великой Матери и Дитя, Персоны или Маски, Анимы, Тени, Самости, Старого Мудреца или Духа. Обращаясь к выбору жанровых разновидностей текста при определении темы для индивидуального научного проекта, стоит отметить, что студенты предпочитали изучать проявления архетипов в дискурсе коммерческой рекламы, песенном и политическом дискурсе. Проявления архетипа в традиционных литературных жанрах уступали в популярности, но обязательно вводились во время аудиторной работы и служили основой для выполнения индивидуальных проектов. Одна из причин такого выбора студентов, как нам кажется, связана с отсутствием широкой графической полимодальности в традиционном литературном материале, в то время как современный дискурс бытового и сетевого общения построен именно на ней. Поэтому студенты, выбирая материал для своих проектов, склонны взять то, с чем, как им кажется, им будет интереснее работать.

Суммируя вышесказанное, подчеркнем, что такие умения и навыки декодирования и интерпретации сложных иноязычных поликодовых систем будут сформированы на высоком и продвинутом уровне при обращении к поликодовому тексту разных типов как непосредственно на аудиторных занятиях, так и при выполнении индивидуальных научных проектов, а также в результате привлечения комплекса проблемно-поисковых и проблемно-исследовательских заданий и задач на таком материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Геворкян Е.Н., Савенков А.И.* Инновационные практики подготовки будущих педагогов в педагогическом университете // Инновационные процессы в высшем и среднем профессиональном образовании, и профессиональном самоопределении. Коллективная монография. М.: Экон-Информ, 2023. С. 346–358.
2. *Гришкова Л.В.* Использование компьютерных технологий при обучении лексике по РКИ на начальном этапе // Педагогическое образование в России. 2024. № 4. С. 281–289.
3. *Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования.* Коллективная монография / отв. ред. Е.В. Караваева. М.: Геоинфо, 2018.
4. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019.
5. *Каст В.* Динамика символов. Основы юнгианской психотерапии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
6. *Киричек А.В.* Архетип Анимы в неоромантической прозе Александра Грина (на материале романа «Бегущая по волнам») // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4 (24). С. 115–122.

7. *Комаров В.В.* Архетипические образы лидера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 84–89. DOI: 10.18500/1819-7671-2024-24-1-84-89
8. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1 (48). С. 3–21.
9. *Мелетинский Е.М.* Литературные архетипы и универсалии. М.: РГГУ, 2001.
10. *Молчанова Г.Г.* Искусственный интеллект как вызов и как проблема (аналитический обзор) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 9–17.
11. *Молчанова Г.Г.* Роль когнитивной интертекстемы в метафорической деривации древних мифов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 4. С. 9–20.
12. *Молчанова Г.Г.* Смыслопреобразующая роль метафоры в контексте радиального расширения концепта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 9–23.
13. *Постникова Е.Г.* Архетипическое начало женских образов в видеопозии // Libri Magistri. 2024. № 1 (27). С. 78–91.
14. *Пропи В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Миф, 2021.
15. *Реморенко И.М., Савенков А.И., Романова М.А.* Кандидатные подходы и методика использования специализированных систем генеративного искусственного интеллекта при изучении педагогики студентами университета // Вестн. МГПУ. Сер. Педагогика и психология. 2024. Т. 18 (3). С. 76–90.
16. *Сафонова В.В.* Лингводидактические основы моделирования проблемно-ориентированной образовательной среды в университетском языковом образовании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 9–25.
17. *Серова Т.С., Гураль С.К., Бердникова А.А.* Предметное содержание и структурная организация учебного дискурса при обучении доказательному монологическому высказыванию // Язык и культура. 2022. № 57. С. 240–257.
18. *Сысоев П.В.* Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33.
19. *Сысоев П.В., Филатов Е.М., Сорокин Д.О.* Обратная связь в обучении иностранному языку: от информационных технологий к искусственному интеллекту // Язык и культура. 2024. № 65. С. 242–261.
20. *Титова С.В.* Иерархия современных теорий, методов и подходов к обучению иностранным языкам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 27. № 4. С. 85–102.
21. *Титова С.В.* Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам: аналитический обзор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 18–37.
22. *Франц М.-Л. фон.* Архетипическое измерение психики. М.: Клуб Каспаталия, 2017.

23. Чудинов А.П., Сегал Н.А. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг. // Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105). С. 42–48.
24. Юнг К.Г. Психологические типы. Минск: Харвест, 2017.
25. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. СПб.: Питер, 2020.
26. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2021.
27. Aldreabi H., Dahdoul N.K.S., Alhur M., Alzboun N., Alsalhi N.R. Determinants of Student Adoption of Generative AI in Higher Education // The Electronic Journal of e-Learning. 2025. Vol. 23 No. 1. P. 15–33. URL: <https://academic-publishing.org/index.php/ejel/article/view/3599> (accessed: 15.03.2025).
28. Bibauw S. François T., Desmet P. Dialogue Systems for Language Learning: Chatbots and Beyond // The Routledge Handbook of Second Language Acquisition and Technology. UK: Routledge: Abingdon, 2022. P. 121–135.
29. Copley L. 12 Jungian archetypes: the foundation of personality // Positive Psychology. April 8, 2024. URL: <https://positivepsychology.com/jungianarchetypes/> (accessed: 15.03.2025).
30. Fuller K.R. Mastering the Craft of Diverse and Inclusive Screenwriting. Find Your Screenwriting Superpower. UK: Taylor & Francis. 2024.
31. Griffiths P., Cubric M. EJEL Editorial 2024: Special Issue on AI in Education: Opportunities and Challenges (Parts 1 & 2) // The Electronic Journal of e-Learning. 2024. Vol. 22 No. 6. Special Issue: Artificial Intelligence (AI) in Education. Part 2. P. 82–87. URL: <https://academic-publishing.org/index.php/ejel/article/view/3831/2308> (accessed: 15.03.2025).
32. Guo K., Wang D. To resist it or to embrace it? Examining ChatGPT's potential to support teacher feedback in EFL writing // Education and Information Technologies. 2023. P. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10639-023-12146-0> (accessed: 15.03.2025).
33. Hillman J. Archetypal Psychology: A Brief Account. Dallas, Spring Publications, 1983.
34. Lyons J. Writing and the archetypes: are they the best for developing characters? Part 1. Script. March 3, 2023. URL: <https://scriptmag.com/screenplays/writing-and-the-archetypes-are-they-the-best-for-developing-characters-part-1>
35. Mills J. Archetype, psyche, word: From experience to cosmopsychism // International Journal of Jungian Studies. 2023. Iss. 15. P. 32–51.
36. Mizumoto A., Eguch M. Exploring the potential of using an AI language model for automated essay scoring // Research Methods in Applied Linguistics. 2023. No. 2(2), p. 100050. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rmal.2023.100050> (accessed: 15.03.2025).
37. Riker C. Jung's Red Pill: Archetypes, R.E.M. Science, and Spiritual Masculine Order. UK: Taylor & Francis. 2024.
38. Schwartz S.E. A Jungian Exploration of the Puella Archetype: Girl Unfolding. UK: Taylor & Francis. 2024.
39. Storm L. A Re-Appraisal of Jung's Acausal Connecting Principle with a Focus on Psi. UK: Taylor & Francis. 2024.
40. Stošić L., Guillén-Gámez F.D. The potential of IT tools in foreign language acquisition: A comparative assessment // Training, Language and Culture. 2024. No. 8 (4). P. 95–108.

41. *Swallow D., Tomalin B.* Design thinking in education: A paradigm shift in language learning // *Training, Language and Culture*. 2024. No. 8 (4). P. 86–94.
42. *Williams H.* *The Superstitions of Witchcraft*. Global Grey, (1865) 2022. URL: globalgreybooks.com/superstitions-of-witchcraft-ebook.html (accessed: 15.03.2025).
43. *Whitlock D.* *English Historical Documents c. 500–1042*. London: Eyre and Spottiswoode, 1955.
44. *Wirtz U.* Traumatic experiences and transformations of consciousness. In S. Carpani (Ed.) *Anthology of contemporary clinical classics in analytical psychology*. NY: Routledge, 2023. P. 221–236.
45. *Yorke B.* *Wessex in the Early Middle Ages*. London: Leicester University Press, 1995.

Elizaveta V. Shustrova

ARCHETYPICAL CHARACTERISTICS OF POLYCODE TEXT IN PROFESSIONAL LANGUAGE TRAINING

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
shustrovaev2@bk.ru

Abstract. The purpose of the paper is to discuss and point out the urgent necessity to constantly introduce modern linguistic methods into classrooms when teaching foreign languages at a university level. In particular, one of the problems, which characterises modern educational environment as far as professional linguistic training is concerned, comes as a result of both constant upgrading of professional standards and changes in communication media and environment. One possible way to address the problem is to introduce into the process analytical methods based on shared theoretical foundations in psychological and pedagogical sciences as well as in philology. The paper illustrates the step-by-step analysis of the British polycode (multimodal) text heavily loaded with double meanings. The latter require students' cultural awareness. As the basic theoretical ground, C. Jung's archetypes were chosen. When applied to lexicographic data, "Macbeth" by W. Shakespeare and British political cartoon by J. Gillray, this theory allowed to demonstrate the changes. Thus, the archetype of the Sage (Old Wizard) became blended with the image of the witch, which also obtained certain archetypal features. The research offers etymological analysis of the key lexemes. All these further serve as the ground for constructing problem-based tasks, aimed at developing polycode competence and cultural awareness of students in the course of their professional linguistic training. Some experimental data are also provided.

Keywords: polycode competence, polycode text, archetype, professional training, professional foreign language competency, teaching foreign languages at the university level

For citation: Shustrova E.V. (2025) Archetypical characteristics of polycode text in professional language training. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 41–63. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-3 (In Russ.)

About the author: Elizaveta V. Shustrova — Dr. Habil. in Philology, Professor of the Department of German Philology, Eltsin Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Doctoral Student of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; shustrovaev2@bk.ru.

REFERENCES

1. Gevorkyan E.N., Savenkov A.I. 2023. Innovatsionnye praktiki podgotovki buduschikh pedagogov v pedagogicheskom universitete. [Innovative practices in training future teachers at a pedagogical university]. In *Innovatsionnye protsessy v vysshem i srednem professional'nom obrazovanii i professional'nom samoopredelenii* [Innovative processes in higher and secondary vocational education and professional self-determination]. Collective monograph. Moscow: Ekon-Inform, pp. 346–358. (In Russ.)
2. Grishkova L.V. 2024. Ispol'zovanie komp'yuternykh tekhnologii pri obuchenii leksikepo RKI na nachal'nom etape [Use of computer technology in teaching vocabulary in RFL at the initial stage of training]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 4, pp. 281–289. (In Russ.)
3. *Issledovatel' XXI veka: formirivaniye kompetentsiy v sisteme vysshego obrazovaniya* [Researcher in XXI c.: Competences Formation in the System of Higher Education]. 2018. Moscow: Geoinfo.
4. Karasik V.I. 2019. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motive* [Linguistic spiral: values, signs, motifs Moscow: Gnozis. (In Russ.)
5. Kast V. 2020. *Dinamika simvolov. Osnovy jungianskoy psikhoterapii* [Dynamics of symbols. Essentials of Jungian psychotherapy]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)
6. Kirichek A.V. 2021. Arhetip Animy v neoromanticheskoy proze Aleksandra Grina (na materiale romana “Begushhaja po volnam”) [The Archetype of the Anima in the Neo-Romantic Prose of Alexander Grin (on the material of the novel “Running on Waves”)]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovanija* [Bulletin of Humanitarian Education], no. 4 (24), pp. 115–122. (In Russ.)
7. Komarov V.V. 2024. Archetypal images of a leader. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 24, iss. 1, pp. 84–89. (In Russ.)
8. Korolenko C.P., Dmitrieva N.V. 2018. Osnovnye arhetipy v klassicheskikh jungianskikh i sovremennykh predstavleniyah [The main archetypes in classical Jungian and modern representations]. *Medicinskaja psihologija v Rossii* [Medical psychology in Russia], vol. 10, no. 1 (48), pp. 3–21. (In Russ.)
9. Meletinskiy E.M. 2001. *Literaturnye arhetipi i universalii* [Archetypes in Fiction and Universals]. Moscow: RGGU Press. (In Russ.)

10. Molchanova G.G. 2024a. Iskusstvennyi intellekt kak vyzov i kak problema (analiticheskii obzor) [Artificial Intelligence as Challenge and Problem (Analytical Review)]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 9–17. (In Russ.)
11. Molchanova G.G. 2024b. Rol' kognitivnoi intertekstemy v metaforicheskoi derivatsii drevnikh mifov [Cognitive Metaphorical Intertextuality As a Key Means of Old Myth Renovation]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 4, pp. 9–20. (In Russ.)
12. Molchanova G.G. 2023. Smyslopreobrazuyushchaya rol' metafory v kontekste radial'nogo rasshireniya kontsepta [Sense-creating role of cognitive metaphor in text/discourse analysis]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 2 (26), pp. 9–23. (In Russ.)
13. Postnikova E.G. 2024. The archetypical origin of female images in video poetry. *Libri Magistri*, no. 1 (27), pp. 78–91. (In Russ.)
14. Propp V.Y. 2021. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of magic fairy-tale]. Moscow: Mif. (In Russ.)
15. Remorenko I.M., Savenkov A.I., Romanova M.A. 2024. Candidate approaches and methodology of using specialised generative artificial intelligence systems in the study of pedagogy by university students. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, vol. 18 (3), pp. 76–90. (In Russ.)
16. Safonova V.V. 2024. Linguodidactic Fundamentals of Modeling a Problem-Oriented Educational Environment in University Language Education. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27 (1), pp. 9–25. (In Russ.)
17. Serova T.S., Gural S.K., Berdnikova A.A. 2022. Subject content and structural organization of learning discourse in teaching evidence-based monologue statement. *Language and Culture*, 57, pp. 240–257. (In Russ.)
18. Sysoyev P.V. 2023. Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: osvedomlennost', gotovnost' i praktika primeneniya prepodavatelayami vysshey shkoly tekhnologii iskusstvennogo intellekta v professional'noy deyatel'nosti [Artificial Intelligence in education: awareness, readiness and practice of using artificial intelligence technologies in professional activities by university faculty]. *Vysshee obrazovanie v Rossii= Higher Education in Russia*, vol. 32, no. 10, pp. 9–33. (In Russ.)
19. Sysoyev P.V., Filatov E.M., Sorokin D.O. 2024. Feedback in foreign language teaching: from information technologies to artificial intelligence. *Language and Culture*, 2024, no. 65, pp. 242–261. (In Russ.)
20. Titova S.V. 2023. Hierarchy of modern theories, methods and approaches to teaching foreign languages. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 4, pp. 85–102. (In Russ.)
21. Titova S.V. 2024. Technological solutions based on artificial intelligence in teaching foreign languages: an analytical review. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 18–37. (In Russ.)
22. Franz M.-L. von. 2017. *Arkhetipicheskoe izmerenie psikhiki* [Archetypal dimensions of the psyche]. Moscow: Club Castalia. (In Russ.)
23. Chudinov A.P., Segal N.A. 2024. The Metaphorical Image of Russia on the Ukrainian Telegram Channels of 2022–2024. *Political Linguistics*, no 3 (105), pp. 42–48. (In Russ.)

24. Jung C.G. 2017. *Psikhologicheskie tipy* [Psychologic Types]. Minsk, Harvest. (In Russ.)
25. Jung C.G. 2020. *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of the Soul in Modern Times]. St. Petersburg, Piter, 2020. 326 p. (In Russ.)
26. Jung C.G. 2021. Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe [Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow, AST. (In Russ.)
27. Aldreabi H., Dahdouli N.K.S., Alhur M., Alzboun N., Alsalhi N.R. 2025. Determinants of Student Adoption of Generative AI in Higher Education. *The Electronic Journal of e-Learning*, vol. 23, no. 1, pp. 15–33. URL: <https://academic-publishing.org/index.php/ejel/article/view/3599> (accessed: 15.03.2025).
28. Bibauw S. François T., Desmet P. 2022. Dialogue Systems for Language Learning: Chatbots and Beyond. *The Routledge Handbook of Second Language Acquisition and Technology*. UK: Routledge: Abingdon, pp. 121–135.
29. Copley L. 2024. 12 Jungian archetypes: the foundation of personality. *Positive Psychology*, April 8. URL: <https://positivepsychology.com/jungianarchetypes/> (accessed: 15.03.2025).
30. Fuller K.R. 2024. Mastering the Craft of Diverse and Inclusive Screenwriting. *Find Your Screenwriting Superpower*. UK: Taylor & Francis.
31. Griffiths P., Cubric M. 2024 EJEL Editorial 2024: Special Issue on AI in Education: Opportunities and Challenges (Parts 1 & 2). *The Electronic Journal of e-Learning*, vol. 22, no. 6. Special Issue: Artificial Intelligence (AI) in Education. Part 2, pp. 82–87. URL: <https://academic-publishing.org/index.php/ejel/article/view/3831/2308> (accessed: 15.03.2025).
32. Guo K., Wang D. 2023. To resist it or to embrace it? Examining ChatGPT's potential to support teacher feedback in EFL writing. In *Education and Information Technologies*, pp. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10639-023-12146-0>
33. Hillman J. 1983. *Archetypal Psychology: A Brief Account*. Dallas, Spring Publications.
34. Lyons J. 2023. *Writing and the archetypes: are they the best for developing characters?* Part 1, Script, March 3. URL: <https://scriptmag.com/screenplays/writing-and-the-archetypes-are-they-the-best-for-developing-characters-part-1>
35. Mills J. 2023. Archetype, psyche, word: From experience to cosmopsychism. *International Journal of Jungian Studies*, iss. 15, pp. 32–51.
36. Mizumoto A., Eguch M. 2023. Exploring the potential of using an AI language model for automated essay scoring. *Research Methods in Applied Linguistics*, no. 2 (2), p. 100050. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rmal.2023.100050>
37. Riker C. 2024. *Jung's Red Pill: Archetypes, R.E.M. Science, and Spiritual Masculine Order*. UK: Taylor & Francis.
38. Schwartz S.E. 2024. *A Jungian Exploration of the Puella Archetype: Girl Unfolding*. UK: Taylor & Francis.
39. Storm L. 2024. *A Re-Appraisal of Jung's Acausal Connecting Principle with a Focus on Psi*. UK: Taylor & Francis.
40. Stošić L., Guillén-Gámez F.D. 2024. The potential of IT tools in foreign language acquisition: A comparative assessment. *Training, Language and Culture*, no. 8 (4), pp. 95–108.
41. Swallow, D., Tomalin, B. 2024. Design thinking in education: A paradigm shift in language learning. *Training, Language and Culture*, no. 8 (4), pp. 86–94.

42. Williams H. (1865) 2022. The Superstitions of Witchcraft. *Global Grey*. URL: globalgreybooks.com/superstitions-of-witchcraft-ebook.html (accessed: 15.03.2025).

43. Whitelock D. 1955. *English Historical Documents c. 500–1042*. London: Eyre and Spottiswoode.

44. Wirtz U. 2023. Traumatic experiences and transformations of consciousness. In S. Carpani (Ed.) *Anthology of contemporary clinical classics in analytical psychology*. NY: Routledge, pp. 221–236.

45. Yorke B. 1995. *Wessex in the Early Middle Ages*. London: Leicester University Press.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025;
одобрена после рецензирования 06.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 24.04.2025;
approved after reviewing 06.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

Е.М. Бутенина, А.В. Чернышев

**ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЛАТИНСКИХ ЭНТОМОСЕМИЗМОВ)**

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия; butenina.em@dvfu.ru

Дальневосточный федеральный университет, Национальный
научный центр морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН,
Владивосток, Россия; chernyshev.av@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен интердискурсивности на примере включения в художественный текст латинских энтомосемизмов (номинаций насекомых) с указанием наименования их вида и рода. Исследование показало, что такие энтомосемизмы нередки в художественной литературе, в частности в приключенческой, научно-фантастической и автобиографической прозе. На примере проанализированного материала можно увидеть, что латинские названия далеко не всегда подчеркивают научность текста, а могут придавать ему и гротескность, и ироничность. Кроме того, делается вывод, что этот прием более характерен для прозы XIX и XX вв., чем для современной литературы.

Ключевые слова: интердискурсивность, номинация насекомых, латинские энтомосемизмы, литературная энтомология

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-4

Благодарности. Выражаем благодарность читателям «Живого журнала», которые откликнулись на просьбу авторов и прислали интересные примеры использования латинских названий в художественной литературе. Также мы очень признательны профессору Хироси Кадзихара (Университет Саппоро) за перевод отдельных цитат из «Женщины в песках» с языка оригинала на английский язык и комментарии к роману.

Бутенина Евгения Михайловна — доктор филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет; butenina.em@dvfu.ru

Чернышев Алексей Викторович — доктор биологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, главный научный сотрудник Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН; chernyshev.av@dvfu.ru

© Бутенина Е.М., Чернышев А.В., 2025

Для цитирования: Бутенина Е.М., Чернышев А.В. Интердискурсивные маркеры в художественном тексте (на примере латинских энтомосемизмов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 64–80. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-4

Введение

Феномен интердискурсивности как использования элементов одного дискурса в пространстве другого уже не раз становился предметом отдельных исследований [см., например, Олизько, 2007; Вишнякова, Панькина, 2014; Папулова, 2015; Афинская, 2022; Грецкая, 2022; Кожанов, 2022; Полубиченко, 2025]. В данной статье он рассматривается на примере включения в художественный текст латинских энтомосемизмов (номинаций насекомых) с указанием наименования их вида и рода. Этот аспект представляет интерес как дополнение к существующим по данной научной проблеме исследованиям, в частности, к коллективной монографии «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка» [Мир насекомых..., 2020]. В монографии исследуется аллегорический потенциал мира насекомых в мифологии, фольклоре и литературе: прозе (Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Платонова, Б.Ш. Окуджавы, А.А. Кима, Дж. Фаулза, В.О. Пелевина) и поэзии (А.С. Пушкина, Я.П. Полонского, Б.Л. Пастернака). Большинство исследователей, занимающихся данной научной проблемой, — филологи (в упомянутой монографии их сорок четыре из сорока пяти авторов, и только один автор — биолог (К.А. Ефетов)). Настоящая работа — результат сотрудничества биолога и филолога, что повышает достоверность ее научных выводов.

Основная цель работы — показать значение латинских энтомосемизмов в художественных текстах. Известно более миллиона видов насекомых: это больше, чем всех других описанных организмов вместе взятых. Насекомые неоднократно упоминаются в Библии и становятся персонажами или символами в художественных текстах с начала XIX века: достаточно вспомнить приключенческий рассказ «Золотой жук» (1843) Эдгара По, сказки «Приключения пчёлки Майи» (1912) Вальдемара Бонзельса, «Приключения муравья Ферды» Ондржея Секоры (1936), сказки в стихах «Тараканище» (1921) и «Муха-Цокотуха» (1923) Корнея Чуковского, антиутопическую новеллу «Превращение» (1912) Франца Кафки, романы «Коллекционер» (1963) Джона Фаулза и «Жизнь насекомых» (1993) Вик-

тора Пелевина. Иногда в произведениях приводятся не народные, а латинские названия насекомых, что несет определенный смысл, который остается практически неизученным.

Латинские названия в биологии

Следует пояснить, что, согласно нормам биологической систематики, любой описанный организм от бактерий до позвоночных животных имеет латинское название, состоящее из родового имени и видового эпитета, и при этом первое, родовое, название всегда пишется с большой буквы, а второе, видовое, — с маленькой¹. Эти названия могут иметь разное происхождение: латинское (*Canis lupus*), греческое (*Papilio machaon*), японское (*Nipponia nippon*), русское (*Figyna melkaya*) и другие. Латинские названия, в отличие от народных (на разных языках), универсальны и используются во всем мире. Биноминальные названия видов были узаконены в середине XVIII века шведским натуралистом Карлом Линнеем, и вот уже более двухсот пятидесяти лет зоологи и ботаники используют эту систему.

После латинского названия вида могут приводиться фамилии тех ученых, которые его предложили (фактически — описали вид), при этом используются только буквы латиницы, то есть русские, японские, китайские и многие другие фамилии транслитерируются на любой другой европейский язык, в котором используется латиница. Например, *Homo sapiens* L. — означает, что это латинское название предложил Линней (его фамилия сокращается до буквы L). Имя открывателя вида таким образом навсегда «прикрепляется» к названию этого вида (хотя в тексте название вида можно приводить и без его автора), что нередко составляет мечту исследователя. Как замечает Кобо Абэ в романе «Женщина в песках»: «У энтомолога есть свои бесхитростные и непосредственные радости — обнаружение нового вида. Удастся это — и в энтомологическом атласе рядом с длинным ученым латинским названием найденного насекомого появится и твое имя, и не исключено, что оно останется там на века» [Абэ, 1988: 24].

Латинские названия в художественной литературе

Впрочем, писатели нередко иначе понимают то, каким образом ученый хочет увековечить свое имя. Жюль Верн в «Пятнадцатилетнем капитане» изображает смешного и до нелепости чудаковатого

¹ В работах XVIII и XIX вв. видовые латинские названия могли быть написаны с большой буквы — это, прежде всего, относится к видам, названным в честь людей.

энтомолога кузена Бенедикта (так, вероятно, тогда воспринимали всех любителей «букашек» — сравните с более серьезным и обстоятельным знатоком морских организмов профессором Аранаксом в романе «Двадцать тысяч лье под водой»), который на протяжении всей книги мечтает найти новое насекомое, и в самом конце его ожидания вознаграждаются. И что же он восклицает? «Ах, друзья мои, небо все-таки даровало мне это счастье! Наконец-то мое имя войдет в науку! Это насекомое будет названо *Hexapodes Benedictus!*»² Так, по мнению Жюль Верна, Бенедикт мечтает увековечить свое имя в латинском наименовании вида, который в переводе на русский язык будет называться «шестиног бенедиктовый». При этом, надо полагать, он сам и опишет названный в честь самого себя вид.

Сходный пассаж мы находим у Конана Дойла в «Маракотовой бездне», и касается он ракообразных: «Поразительно! — воскликнул Маракот, лихорадочно черкая в записной книжке. — Глаза на подвижных члениках, эластичные суставы — род crustaceae, вид неизвестен. *Crustaceus Maracoti*. Почему бы и не так, а?»³ Однако называть в честь самого себя новые виды считалось (и считается) неэтичным, хотя единичные примеры такой практики существовали [Хёрд, 2022]. Очевидно, что для писателей назвать вид в честь самого себя — признак неприкрытого, а в современных реалиях — гротескного тщеславия.

Совсем иное дело — назвать вид в честь другого человека. Но и здесь автор может преподнести это в комическом свете, как, например, А. Конан Дойл в «Затерянном мире». Профессор Челленджер предлагает назвать новый вид присосавшегося к журналисту Мелону клеща (вид паукообразных) *Ixodes maloni*: «Надеюсь, вы согласитесь со мной, мой юный друг, что маленькое неудобство, перенесенное вами, ничто в сравнении с увековечением вашего имени в бессмертных анналах зоологии»⁴.

Образ энтомолога (профессионала или любителя) неоднократно преподносился в комическом виде и в XX веке. Например, в сказке Туве Янссон зацикленный на насекомых Хемуль произносит латинское название бабочки вслух, принимая за нее комету: «Ума не приложу, — бормотал Хемуль. — Ни одной с красным хвостом! А что,

² Верн Ж. Пятнадцатилетний капитан / пер. И. Петрова // Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1985, с. 532.

³ Дойл А.К. Маракотова бездна / пер. Е. Толкачева // Затерянный мир. М.: Правда, 1990, с. 316.

⁴ Дойл А.К. Затерянный мир / пер. Н. Волжиной // Затерянный мир. М.: Правда, 1990. С. 150.

если это *Dideroformia archimboides*? Но это совсем обычная бабочка, и у нее вовсе нет хвоста»⁵. Писательница приводит несуществующее название бабочки, и ее цель — посмеяться над чудаковатыми и ограниченными собирателями насекомых, в мире которых нет ничего, кроме предмета коллекционирования.

Чудаковатых зоологов, увлеченных вымышленными объектами «исследования», можно найти не только в приключенческой и детской литературе. Так, в сборнике фантастических «рассказцев» Андрея Саломатова «Парамониана» встречается такой диалог:

«— Очень интересно, — разглядывая Покровского, сказал Дроф. — За пределами нашего мира мне приходилось наблюдать фей. Но чтобы здесь... Невероятно! А какой, простите, вид?

— Судя по всему, *Fata robustus*. Она крупная, — ответил Покровский.

— Зелененькая? — поинтересовался профессор.

— Нет, беленькая, — наблюдая, как горничная ставит на стол графин и рюмки, сказал писатель.

— А глазки красненькие?

— Нет, синенькие.

— В таком случае, Владимир Валерьевич, это не *robustus*, — торжественно произнес Дроф. — Это *Fata malitiosus*»⁶.

В диалоге обыгран нередко встречающийся среди энтомологов спор по поводу верности определения вида, но выглядит он псевдонаучно, поскольку речь идет о видах сказочных персонажей. Ученым словно нет разницы, кого они классифицируют, — бабочек или фей.

Однако в XX веке появляются и новые образы литературных энтомологов, отнюдь не комические. Вернемся к герою Кобо Абэ, который занимается мухами, и мы не знаем, описал ли он ранее новый вид (для энтомологов это обычная практика). Трепетное отношение японцев к насекомым не делает изучение «мошек» чем-то смешным — это тот же поиск нового, что открытие новых земель и астероидов. Герой и далее изучал бы своих двукрылых, но его жизнь круто меняет случай. Эпизод, связанный с названием вида, содержит переводческую ошибку и в русском, и в английском языках. Приведем его сначала в английской версии Э. Дейла Сондерса: «One day in the dry river bed near his house he discovered a smallish

⁵ Янссон Т. Муми-Троль и Комета / пер. В. Смирнова // Муми-Троль и комета. Шляпа волшебника. Волшебная зима. Наука: Сибирское отделение. 1992, с. 59.

⁶ Саломатов А. Парамониана. Рассказец № 48. URL: <https://www.litlib.net/bk/63728/read/21> (дата обращения: 25.10.2024).

light-pink insect which resembled a doublewinged garden beetle (*Cicindela japonica Motschulsky*)»⁷. В этом фрагменте приводится не только латинское название, но и автор вида (В.И. Мочульский), что подчеркивает и научный взгляд на находку, и то, что этот вид уже описан. Но английский переводчик исказил первоначальную латынь (в оригинале это *Cicindela japona* — другой реально существующий вид) и неверно дал английское название для этого жука — *doublewinged garden beetle*. На самом деле это жук-скаун, или *tiger beetle*.

Перевод В. Гривнина на русский язык еще сильнее отходит от оригинала: «Однажды в высохшем русле речки неподалеку от дома он увидел малюсенькое желтоватое насекомое, напоминавшее шпанскую мушку, принадлежащую к семейству жесткокрылых (*Cieindela Japonica, Motschulsky*)»⁸. Помимо того, что с ошибкой написано родовое название, появляется «семейство жесткокрылых» (тогда как это отряд), а жук-скаун превращается в «шпанскую мушку» — жука из семейства нарывников, который с античности использовался как афродизиак. Это придает фрагменту слишком откровенный эротический подтекст, а «шпанская мушка», не даваясь в руки энтомолога, недвусмысленно зовет его на поиски сексуальных приключений. В итоге герой стал выглядеть в глазах сведущего читателя нелепо. Причины такой ошибки могло стать то, что переводчик отталкивался не от латинского названия жука, а от японского слова «Напмүо», которое относится не только к жукам-скаунам, но и к жукам-нарывникам из рода *Mylabris* — родственникам «шпанской мушки»⁹. Возникает вопрос, насколько существенно, о каком жуке идет речь, но следует помнить, что символизм энтомосемиотики очень важен для японской культуры и разные виды жуков могут нести разный смысловой контекст [Гуревич, Изотова, 2019]. И только латынь в переводах «спасает» ситуацию, поскольку если бы не она (а переводчики нередко «избавляются» от нее), то понять, о каком именно насекомом идет речь, было бы просто невозможно.

Однако наше внимание привлекли даже не эти ошибки, а то, почему автор использует латинское название уже описанного жука, подчеркивая авторство Мочульского. Ведь ранее (и мы процитировали этот фрагмент) главный герой утверждает, что желанная цель

⁷ Abe K. *The Woman in the Dunes* / Tr. by E. Dale Saunders. Tokyo: Charles Tuttle Company, 1976, с. 11.

⁸ Абэ К. *Женщина в песках* / пер. В. Гривнина. М.: Худ. лит-ра, 1988, с. 24.

⁹ Публикация в блоге <https://kanjimushi.exblog.jp/240993717/> Авторы выражают благодарность профессору Хироси Кадзихара за перевод этой цитаты с японского языка на английский.

энтомолога — найти новый вид и дать ему новое имя, навсегда оставив о себе память как о первооткрывателе вида. Здесь же ситуация прямо противоположная: главный герой видит известного жука, а не неизвестную муху, и, теряя интерес к мухам, начинает поиски этого ускользнувшего жука. В энтомологии специалист занимается исключительно конкретной группой насекомых, например, мухами или жуками (обычно — только одним семейством), поскольку число видов огромно и изучать всё невозможно. Менять одну группу (например, мух) на другую (жуков) выглядит нереалистичным. Но герой действительно переключается на жука — более того, на конкретный описанный вид. Из десятка разных видов жуков-скакунов Японии Кобо Абэ выбирает более скромный в окраске вид *Cicindela japana*, а не яркую *Cicindela japonica*. Почему? Это те загадки, которые могут стать предметом отдельных исследований, но ключом для них служит именно латинское название.

Наименования бабочек у Набокова

Произведения Набокова давно стали объектами исследований не только филологов, но и энтомологов. Набоков — безусловный виртуоз использования латинских названий в художественном тексте. Недаром существует монография, в которой сведены и разобраны все данные о бабочках в его произведениях и неопубликованных материалах [Zimmer, 2012]. Просто упоминание латыни для Набокова слишком тривиально, латинизмы для него полны символического смысла. В автобиографии «Другие берега» Набоков точно описывает ощущения ученого, в честь которого назван тот или иной вид: «Признаюсь, вскипаю непонятым волнением, когда перебираю в уме свои энтомологические открытия — изнурительные труды, изменения, внесенные мной в систематику, <...> образ и вибрацию во мне всех редкостных бабочек, которых я сам и поймал и описал, и свою отныне бессмертную фамилию за придуманным мною латинским названием или ее же, но с малой буквы, и с окончанием на латинское “i” в обозначении бабочек, названных в мою честь»¹⁰. В приведенной цитате Набоков отнюдь не иронизирует над собой — для него вид, описанный им или названный в его честь, бесценный *дар*, ибо он способен пережить даже его произведения.

Если обратиться к стихотворению Набокова «Бабочка», то становится ясно, что он считал описание новых видов бабочек чуть ли не главным своим достижением.

¹⁰ Набоков В.В. Другие берега // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990, с. 206.

I found it and I named it, being versed
in taxonomic Latin; thus became
godfather to an insect and its first
describer — and I want no other fame.

Я вид открыл! Его назвал потом,
латынь научная так для меня важна!
Для бабочки я крестным стал отцом —
и мне другая слава не нужна!
(Перевод К.А. Ефетова [Мир насекомых..., 2020: 103]).

Примечательно, что Набоков очень редко использует латинские названия любимых им насекомых в своих произведениях — ему не нужно имитировать язык энтомолога, поскольку он и так является им. Даже в автобиографии он упоминает латинское название бабочки лишь однажды: «...я пробирался по берегу Оредежи, преследуя так называемых “черных аполлонов” (*Parnassius mnemosyne*), диковинных, древнего происхождения бабочек с полупрозрачными, глянцевиными крыльями и пушистыми вербными брюшками»¹¹. Упоминание латинизма рядом с поэтичным описанием создает интересное сочетание научного и художественного дискурсов, отражающее в данном случае две ипостаси автора.

В автобиографическом романе «Дар», вершине его русской-язычной прозы, Набоков тоже упоминает латинское наименование бабочки лишь один раз: «...мой отец открыл истинную природу роговистого образования, появляющегося под концом брюшка у оплодотворенных самок аполлонов, выяснив, что это супруг, работая парой шпательных отростков, налагает на супругу лепной пояс верности собственной выделки, получающийся другим у каждого из видов этого рода, то лодочкой, то улиткой, то — как у редчайшего темно-пепельного *orpheus* Godunov — наподобие маленькой лиры»¹². Здесь попытки угадать бабочку по видовому названию (родовое название автор не приводит, что также необычно) бессмысленны — это выдуманный вид, и на это указывает автор вида, отец главного героя. Однако видовое название «*orpheus*» и «лира» здесь сведены не случайно — это типичное для Набокова переплетение символов. Отец главного героя уподобляется Орфею, верному своей стезе поэта и находящемуся в поисках единственной Эвридики.

Другие упоминания бабочек в «Даре» представляют собой своеобразные элитарные ребусы: «На скабиозе <...> поместилась

¹¹ Набоков В.В. Другие берега // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990, с. 255.

¹² Набоков В.В. Дар // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990, с. 101.

красно-синяя, с синими сяжками, цыганка, похожая на ряженого жука»¹³. Специалисты пришли к выводу, что речь идет о бабочке пестрянке скабиозной. Латинское название — *Zygaena osterodensis*, родовое название можно прочесть и как Зигена, и как Цигена — автор видоизменил его до «цыганки». Другой пример: «То не лист, дар Борея, то сидит *arborea*»¹⁴. Автор использует лишь видовое название, предоставляя читателям самим догадаться, о какой бабочке идет речь. А это непросто, поскольку бабочек с видовым названием *arborea* немало. По предположению Д. Циммера, здесь речь идет о мотыльке *Phyllodesma japonica arborea* (триноним в данном случае говорит о подвиде), который в состоянии покоя имитирует сухой лист [Zimmer, 2012].

Биномиальные энтомосемизмы Набокова могут иметь скрытый характер и создавать иронический эффект. Так, в «Лолите» главный герой называет себя Humbert Humbert, и всякий, кто знает зоологическую номенклатуру, не без труда увидит здесь тавтономическое название вроде *Gorilla gorilla*, когда видовое и родовое названия совпадают. Традиционно такие названия переводятся на русский как «обыкновенный», то есть получается «Гумберт обыкновенный». Но такие виды являются типовыми в своих родах, и тогда перевод может быть «Гумберт типичный». Налицо авторский сарказм по отношению к герою, безосновательно претендующему на оригинальность своей личности.

Бабочки, Набоков и современная проза

Интересен рассказ современного писателя А. Лаврина «Бабочка», в котором объектом пародии становится сам Набоков. Рассказ начинается следующим пассажем об отце героя: «Когда на одном из политических митингов какой-то маньяк выстрелил в Махаона (*Papilio machaon*), его отец успел кинуться и прикрыть собою вожда парусников. Хрупкое тело подалирия (*Iphiclides podalirius*) разлетелось на мелкие части — и еще долго над потрясенными бабочками носились чешуйки крыльев и обрывки усиков, движимые восходящим воздухом»¹⁵. Обстоятельства гибели бабочки-отца практически воспроизводят гибель отца Набокова, который ценой своей жизни защитил П.Н. Милюкова от выстрела черносотенца. Бабочки в рассказе, как и Набоковы на момент гибели отца семейства, живут в эмиграции.

¹³ Набоков В.В. Дар // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1990, с. 120.

¹⁴ Там же, с. 85.

¹⁵ Лаврин А. Бабочка // Континент. № 67. 1991, с. 50.

Героя зовут Аполлон Парнасский (*Parnassius apollo*), но он предпочитает называться просто Бабочка, при том, «что род его был старинный и знатный — происходивший из Древней Греции, едва ли не от самого сына Зевса и отца Орфея; об этом, в частности, свидетельствует Книга Царств и Судеб»¹⁶. Набоков в своей автобиографии подробно излагает глубокие аристократические корни своей семьи.

Вскоре упоминается, что Бабочка явил миру скандальный роман «Куколка» — в тексте своего романа Набоков объясняет, что это одно из значений имени Лолита. Реальный литературный мир тоже включается в жизнь бабочек: упоминается «Улисс», цитируется строка Ахматовой, приобретающая новый смысл в инсектном коде рассказа: «“Все мы бражники здесь, блудницы...”»¹⁷. Жизнь бабочек в эмиграции так же непроста, как и жизнь настоящих русских эмигрантов: «Заговор Разнокрылых составил в Тыкобинском клубе; составили его Адмирал (*Vanessa atalanta*) и Мертвая Голова (*Aherontia atropos*)»¹⁸. Адмирал и Мертвая Голова скорее похожи на прозвища пиратов, и латинские названия в данном случае подчеркивают, что персонажи именно бабочки, пусть и антропоморфные.

Рассказчик заканчивает свое повествование, не коснувшись скандального романа, а лишь изложив эпизод, в котором Бабочка проявил благородство и смелость и, несмотря на арест, не выдал важный документ заговорщиков. Свою сдержанность рассказчик объясняет так: «Иначе кто прочтет эти воспоминания благополучно забытого нынешней литературной молодежью старого, нудного Голубянки Икара (*Polyommatus icarus*) с его вечным стремлением к моралите и обстоятельной описательностью, давно вышедшей из моды в наш динамический век? Мне хотелось осветить не скандальные страницы жизни Бабочки, а те, которые рисуют его высокие человеческие (*Homo sapiens*) качества»¹⁹.

Итак, рассказ Лаврина изобилует латинскими названиями, которые имеют уточняющий характер и не несут научного назначения, поскольку персонажи — бабочки разных видов, живущие в квазиреальном социуме. При этом в контексте рассказа автору чрезвычайно важно, чтобы имя героя не перевесило его энтомологическую сущность, и мир насекомых не увел нас в мир античных мифов,

¹⁶ Лаврин А. Бабочка // Континент. № 67. 1991, с. 50.

¹⁷ Там же, с. 56.

¹⁸ Там же, с. 56.

¹⁹ Там же, с. 70.

откуда пришли, например, имена Махаон и Подалирий. Интересно сопоставление текста Лаврина с романом «Жизнь насекомых» В. Пелевина, где нет никаких латинских названий, поскольку это мир людей, которые живут, как насекомые, в то время как у Лаврина насекомые живут, как люди.

Насекомые — персонажи иронического контекста

Рассказ Лаврина далеко не единственный пример, когда насекомые становятся заглавными персонажами в ироническом контексте. Как минимум два таких примера можно найти в творчестве Эдгара По. В рассказе «Золотой жук» упоминается вымышленное латинское название, что придает псевдонаучную достоверность насмешливому высказыванию героя: «В таком случае вы дурачите меня, милый друг, — сказал я ему. — Вы нарисовали довольно порядочный череп, готов допустить даже, хотя я и полный профан в остеологии, что вы нарисовали замечательный череп, и, если ваш жук на самом деле похож на него, это самый поразительный жук на свете. Жук с такой внешностью должен вызывать суеверное чувство. Я не сомневаюсь, что вы назовете его *Scarabaeus caput hominis* или как-нибудь еще в этом роде; естественная история полна подобных наименований»²⁰. Название *caput hominis* отсылает нас к бабочке *Acherontia atropos* (мертвая голова, death's-head hawkmoth), поэтому в него заложен элемент суеверия и мистицизма, которые так любил По.

«Мертвая голова» появляется и в рассказе «Сфинкс», однако в переводе В. Хинкиса сохранен подробный научный контекст, но не название на латыни: «Но позвольте для начала прочесть вам из школьного учебника описание одного из представителей рода сфинксов, — семейство бражников, отряд чешуекрылых, класс насекомых. Вот что здесь сказано: “Две пары перепончатых крыльев усеяны мелкими цветными чешуйками с металлическим отливом; ротовые органы имеют вид спирально закрученного хоботка, образованного удлинёнными челюстями, причем по бокам от него находятся недоразвитые челюстные придатки и ворсистые щупики; верхние крылья сцеплены с нижними посредством жестких щетинок; усики имеют продолговатую, призматическую форму; брюшко заострено книзу. Сфинкс вида Мертвая голова внушает простонародью суеверный ужас своим тоскливым писком, а также эмблемой

²⁰ По Э. Золотой жук / пер. А. Старцева // Убийство на улице Морг и другие рассказы. Нижний Новгород: Курьер, 1994, с. 246.

смерти на грудном покрове»²¹. Однако в оригинале латинское название присутствует: “the genus *Sphinx*, of the family Crepuscularia of the order Lepidoptera, of the class of Insecta”²². В переводе этих двух рассказов По налицо две противоположные стратегии: сохранение научного колорита оригинала (форенизация) и его упрощение (доместикация).

Латинские названия не только создают научный подтекст, но и показывают нам в саркастическом свете общество одержимых коллекционеров, готовых ради уникальных образцов на все. Это наглядно показано в рассказе Чапека «Похищенный кактус», где главный герой одержим увиденным во сне видом *Cephalocereus nymphea aurea* и готов за него пойти на преступление и даже умереть мучительной смертью на шипах... кактуса. Надо сказать, что тема одержимости коллекционеров неоднократно поднималась в литературе, но далеко не всегда авторы считали уместным приводить латинские названия объектов коллекционирования. Так, у Фаулза в «Коллекционере» латинские названия бабочек не упоминаются — для него научная составляющая увлечения главного героя отходит на задний план (а, фактически, сводится к нулю), поскольку в нем не осталось ничего от любителя-энтомолога, кроме фанатичной жажды обладания живой красотой, которую воплощает Миранда.

Из личного опыта общения автора (А.Ч.) с коллекционером бабочек можно упомянуть, что один любитель-энтомолог рассказал, как поймал хороший экземпляр дильсини (бабочка *Actias dulcinea*), и на ироничный вопрос «Тобосской?» заметил: «Надо наконец прочитать, кто это такая, а то мне часто задают этот вопрос». Мы видим два разных подхода к раскрытию зацикленности на объектах коллекционирования: в одном случае весь мир сужается и комета становится бабочкой (Янсон), и наоборот, объектами коллекционирования становятся уже не насекомые, а люди (Фаулз).

Заключение: динамика и эволюция

Латинские энтомосемизмы ожидаемы в географической прозе, и их немало, например, в работах Н. Пржевальского и В. Арсеньева, однако данное исследование показало, что они нередки и в художественной литературе, в частности в приключенческой

²¹ По Э. Сфинкс / пер. В. Хинкиса // Убийство на улице Морг и другие рассказы. Нижний Новгород: Курьер, 1994, с. 403–404.

²² Poe E.A. The Sphinx. URL: <https://classic-literature.co.uk/the-sphinx/> (дата обращения: 25.10.2024).

(Э. По, А.К. Дойл) и научно-фантастической прозе (Жюль Верн, А. Лаврин), а также в притче (Кобо Абэ) и автобиографии, в том числе автобиографическом романе (В. Набоков). На примере проанализированного материала можно увидеть, что латинские названия в художественной литературе далеко не всегда подчеркивают научность текста, а могут придавать ему и гротескность, и ироничность, демонстрируя, до чего может довести увлечение «букашками». И только латынь «спасает» ситуацию, поскольку если бы не она (а переводчики нередко «избавляются» от нее при переводе на русский), то понять, о каком именно насекомом идет речь, просто невозможно. Именно поэтому литературные энтомологи столь нелюбимы в научной среде, поскольку однобоко отражают суть биологической систематики как науки. В этом плане произведения Набокова остаются недостижимым эталоном сочетания научности и художественности в раскрытии темы энтомологии. В целом можно сделать вывод, что прием включения латинских энтомосемизмов в художественный текст более характерен для прозы XIX и XX вв., чем для современной литературы.

Нужно также отметить эволюцию образа энтомолога и вообще любителя насекомых в литературе. В стихотворении Ивана Крылова «Любопытный» (1814) любитель «букашек», «козявок» и «мушек» не приметил в Кунсткамере слона и стал символом посмешища. В романе Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан» (1878) энтомолог такой же комический персонаж, оторванный от реальной жизни, как и хемуль — коллекционер бабочек в сказке Туве Янссон «Муми-Тролль и комета» (1948), созданной несколько десятилетий спустя. Однако в романе Кобо Абэ «Женщина в песках» (1962) герой становится фигурой почти трагической. Абэ, помимо общего интереса к насекомым в японской культуре, о чем говорилось выше, могла вдохновить англоязычная автобиография Набокова «Память, говори» (*Speak, Memory*), опубликованная в 1951 году. В рассказе Лаврина, созданном в конце XX века, заглавный герой Бабочка — пародия на Набокова, но это не энтомолог, а насекомое, способное, однако, на благородный поступок.

С начала XX века в литературе появляются отрицательные персонажи, которые скрываются под личиной любителей насекомых. Первым таким персонажем, вероятно, был Джек Стэплтон в «Собаке Баскервилей» (1902), днем гонявшийся по болотам за редчайшей бабочкой из рода *Cyclopides* (до сих пор непонятно, о каком реальном виде бабочек писал Артур Конан Дойл), а ночью натрав-

ливавший гигантскую собаку на своих жертв. Позже тему любителя насекомых, ставшего преступником, развивает Джон Фаулз в «Коллекционере» (1963).

В конце XX и в начале XXI века образ энтомолога в литературе в каком-то смысле зашел в тупик и утратил актуальность в том контексте, в котором существовал на протяжении столетия, и латынь в привязке к этим героям перестала удивлять и проводить черту между миром простых людей и чудаков с сачками. Маргинализм увлечения насекомыми стал изображаться значительно более пугающе. Теперь мало изобразить бабочку «Мертвая голова», как это делает Эдгар По, — в романе Томаса Харриса «Молчание ягнят» (1988) маньяк разводит этих бабочек, чтобы засовывать их куколок в горло своих жертв. Насекомые как герои художественных произведений словно перестали нуждаться в латинских названиях, и Пелевина в этом смысле можно назвать анти-Набоковым или анти-Лавриным, который ставит мух и комаров в суровые условия взрослой жизни с реальными человеческими именами («Жизнь насекомых» написана в 1993 году). Любопытно, что «кризис» в использовании латинских названий в литературе совпал с острой дискуссией относительно целесообразности использования линнеевской бинарной номенклатуры в зоологии и ботанике. В каком виде вернуться латинские названия насекомых в литературу и вернуться ли они вообще? Эволюцию литературы невозможно предсказать, как и то, какой будет энтомология, скажем, через сто лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афинская З.Н.* Функция форманта квази/quasi в процессе интердискурсивного взаимодействия (на материале русского и французского языков) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 89–96.

2. *Вишнякова О.Д., Панькина Ю.А.* Интертекстуальные включения в когнитивно-прагматическом и переводческом аспектах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 71–80.

3. *Грецкая С.С.* Пространство как коммуникативный код и когнитивно-функциональное моделирование аккультурации в художественном тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 58–67.

4. *Гуревич Т.М., Изотова Н.Н.* Энтомологический код японской культуры // Японские исследования. 2019. № 1. С. 73–93.

5. *Кожанов Д.А.* Феномен интердискурсивности в англоязычной металитературе // Язык и культура. 2022. № 59. С. 37–53.

6. *Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка.* Коллективная монография / Отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2020.

7. Олизько Н.С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 15. С. 95–104.

8. Папулова Ю.К. Маркеры интердискурсивности в романах П. Акройда и проблема их сохранения в переводе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47). С. 132–138.

9. Полубиченко Л.В. Топология «чужого слова» в английских и русских аллюзивных заглавиях // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. XXII, Вып. 1. С. 208–217.

10. Хёрд С. Усоногий рак Чарльза Дарвина и паук Дэвида Боуи: Как научные названия воспевают героев, авантюристов и негодяев / пер. К. Рыбаков. М.: АНФ, 2022.

11. Zimmer D.E. A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths: Web version, 2012. URL: <http://www.d-e-zimmer.de/eGuide/PageOne.htm> (дата обращения: 25.10.2024).

Evgenia M. Butenina, Alexei V. Chernyshev

INTERDISCURSIVE MARKERS IN FICTION (A CASE STUDY OF LATIN ENTOMOSEMISMS)

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; butenina.em@dvf.u.ru

Far Eastern Federal University, A.V. Zhirmunsky National Scientific Center of Marine Biology Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia; chernyshev.av@dvf.u.ru

Abstract. The paper examines interdiscursivity in fiction and focuses on the inclusion of Latin entomosemisms (insect names) which indicate the name of the species and their genus. The study shows that these inclusions are not uncommon in fiction, in particular in adventure, science fiction and autobiographical prose. The analyzed material shows that Latin names do not always emphasize the scientific nature of the text, but can also impart grotesqueness and irony to it. In addition, it is noted that this technique is more typical of the prose of the 19th and 20th centuries, rather than of contemporary literature.

Keywords: interdiscursivity, Latin entomosemisms, insect nominations, literary entomology

Acknowledgements. We would like to thank the readers of LiveJournal who responded to the authors' request and sent many interesting examples of using Latin names in fiction. We are also very grateful to Professor Hiroshi Kajihara (Sapporo University) for translating the relevant quotes from the original text of "Woman in the Dunes" and commenting on the novel.

For citation: Butenina E.M., Chernyshev A.V. (2025) Interdiscursive markers in fiction (a case study of latin entomosemisms). *Lomonosov Linguistics and*

About the authors: Evgenia M. Butenina — Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Far Eastern Federal University; butenina.em@dvfu.ru; *Alexei V. Chernyshev* — Dr. Habil. in Biology, Associate Professor, Far Eastern Federal University, chief researcher of A.V. Zhirmunsky National Scientific Center of Marine Biology Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences; chernyshev.av@dvfu.ru

REFERENCES

1. Afinskaya Z.N. 2022. Funktsiya formanta quasi v protsesse interdiskursivnogo vzaimodeistviya (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [The function of the *quasi*-formant in interdiscourse interaction (based on the Russian and French languages)]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 89–96. (In Russ.)
2. Vishniakova O.D., Pankina Yu.A. 2014. Intertekstualnye vklucheniya v kognitivno-pragmaticheskom i perevodcheskom aspektakh [Intertextual inclusions in cognitive-pragmatic and translation aspects]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 71–80. (In Russ.)
3. Gretskaya S.S. 2022. Prostranstvo kak kommunikativnyi kod i kognitivno-funktsionalnoye modelirovaniye akkulturratsii v khudozhestvennom tekste [Space as a communicative code and cognitive and functional modeling of acculturation in a belles-lettres text]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 58–67. (In Russ.)
4. Gurevich T.M., Izotova N.N. 2019. Entomologicheskii kod yaponskoj kultury [The entomological code of Japanese culture]. *Japanese Studies*, no.1, pp. 73–93. (In Russ.)
5. Kozhanov D.A. 2022. Fenomen interdiskursivnosti v angloyazychnoy metaliterature. [The phenomenon of interdiscursivity in English metafiction]. *Language and culture*, no. 59, pp. 37–53. (In Russ.)
6. *Mir nasekomykh v prostranstve literatury, kultury i yazyka. Kollektivnaya monografija* [The world of insects in literature, culture and language]. 2020. Ed. by A. Smirnov. Moscow: Knigodel, Moscow State Pedagogical University. (In Russ.)
7. Olizko N.S. 2007. Interdiskursivnost kak kategoriya postmodernistskogo pisma [Interdiscursivity as the category of postmodern fiction]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 15, pp. 95–104. (In Russ.)
8. Papulova Yu.K. 2015. Markery interdiskursivnosti v romanah P. Akroyda i problema ikh sokhraneniya v perevode [Markers of interdiscursiveness in P. Akroïda's novels and the problem of their maintaining in translation]. *Philology. Theory & Practice*, no. 5 (47), pp. 132–138. (In Russ.)
9. Polubichenko L.V. 2025. Topologiya “chuzhogo slova” v angliyskikh i russkikh alluzivnykh zaglaviyakh [The Topology of “Others’ Words” in English and Russian Allusive Titles]. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. XXII, no. 1, pp. 208–217. (In Russ.)

10. Heard S. 2022. *Usonogij rak Charl'za Darvina i pauk Djevida Boui: Kak nauchnye nazvanija vospevajut geroev, avantjuristov i negodjaev* [Charles Darwin's barnacle and David Bowie's spider: How scientific names celebrate adventures, heroes, and even a few scoundrels]. Moscow: ANF (In Russ.)

11. Zimmer D.E. *A Guide to Nabokov's Butterflies and Moths*: Web version, 2012. URL: <http://www.d-e-zimmer.de/eGuide/PageOne.htm> (accessed: 25.10.2024).

Статья поступила в редакцию 30.03.2025;
одобрена после рецензирования 25.05.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 30.03.2025;
approved after reviewing 25.05.2025;
accepted for publication 27.06.2025

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.В. Денисова, Д.А. Шевлякова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕРТЕКСТА В ПЕРЕВОДНЫХ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМАХ 1960–1980-Х ГГ.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; g.v.denissova@gmail.com; scevliakova@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья представляет собой исследование специфики репрезентации феномена интертекстуальности в русскоязычных и итальянских кинематографических произведениях периода 1960–1980 гг., подвергшихся переводу. В работе рассматриваются трудности, возникающие вследствие различий историко-культурных фонов и социолингвистической спецификации двух национальных традиций. Подчёркивается особая роль механизма трансляции элементов интертекста, формирующей систему значащих культурных знаков (идеологем), отражающих национальные идентичности исследуемых сообществ. Ключевым аспектом исследования выступает проблема сохранения национальной культурной аутентичности при трансляционной адаптации, поскольку процедура перевода часто сопряжена с утратой этнокультурных констант. Анализируются случаи некорректности в реализации лингвистического преобразования киноконента, акцентируется важность учета когнитивной специфики воспринимающей аудитории и разработка оптимизированных стратегий транслатологического обеспечения.

Эмпирическая база представлена иллюстративным материалом, демонстрирующим типичные ошибки семантико-социокультурного порядка, выявленные в практике дублирования и субтитрования фильмов указанного периода. Выводы подчеркивают перспективность углубления теорети-

Денисова Галина Валерьевна — доктор культурологии, профессор кафедры семиотики и общей теории искусства факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова; g.v.denissova@gmail.com

Шевлякова Дарья Александровна — доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; scevliakova@mail.ru

© Денисова Г.В., Шевлякова Д.А., 2025

ческих исследований в области семиотики киноискусства применительно к ситуации поликультурного взаимодействия в современном мире.

Полученные данные представляют интерес для исследователей сферы межкультурной коммуникации, лингвокультурологов и профессиональных переводчиков, обеспечивая фундаментальное понимание процессов формообразования и восприятия кинотекстов в условиях глобальной медиакультуры.

Ключевые слова: интертекстуальность в кинематографе, идеологемы в лингвокультуре, кинокультурная адаптация, диалектные особенности перевода, культурно-специфичные маркеры в переводе, коммуникативная эффективность перевода

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-5

Для цитирования: Денисова Г.В., Шевлякова Д.А. Особенности передачи интертекста в переводных русских и итальянских художественных фильмах 1960–1980-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 81–95. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-5

Феномен интертекстуальности представляет собой ключевой элемент современного кинематографа, обуславливающий многослойную взаимосвязь различных культурных уровней и формирование сложной системы референций в рамках кинотекста. Эффективная передача кинопроизведения требует тщательного учета как вербального компонента (диалоги, закадровый голос), так и визуальной составляющей (образность, символика, культурные знаки), содержащих имплицитные ассоциативные связи и этнокультурные индикаторы. Указанный аспект порождает специфические проблемы при межкультурной адаптации фильма, способствуя утрате уникально выраженных этно- и историко-культурных коннотаций первоисточника. Таким образом, исследование алгоритмов декодирования и трансформационных процессов интертекстуальных отсылок выступает обязательным компонентом профессионально выполненного переводческого процесса, предотвращая смысловые деформации и обеспечивая адекватное восприятие художественного замысла целевой аудиторией иной лингвокультурной общности.

Цель статьи — выявить закономерности и проблемы передачи интертекстуальных связей и культурных идентификаторов в переводах кинематографических произведений, обеспечивающих эффективное межкультурное взаимопонимание. Соответственно, задачи статьи: 1) провести сравнительный анализ методов перевода интертекстуальных элементов в зарубежных фильмах с целью

выявления наиболее удачных стратегий адаптации; 2) исследовать влияние культурно-специфических маркеров на восприятие переведенных фильмов представителями иной лингвокультурной общности. В качестве методов исследования применяется интегративный подход, включающий методы контрастивного анализа, компаративистики и лингвокультурологического моделирования. В работе используется корпус переводов известных кинематографических произведений с последующим теоретическим осмыслением результатов.

По мысли Б.М. Эйхенбаума, когда традиционные литературные формы перестают осуществлять эстетическую функцию, значимым в культуре становится кино, которое превращается в «лабораторию новых композиционных приемов» [Эйхенбаум, 1927: 367]. Рубеж XX–XXI вв. — эпоха постепенного становления и актуализации иной картины мира на месте разложения некогда устоявшегося «Weltanschauung» — по интенсивности связей между вербальным и визуальными пластами искусства в определенном смысле напоминает эру модернизма. Неслучайно П.П. Пазолини указывал на тот факт, что кино более приспособлено, нежели литература, к изменению существующего канона, и в определенные эпохи именно это «выводит его на доминирующие в культуре роли» [Пазолини, 1984: 65].

Н.А. Хренов выделяет несколько уровней, на которых, по его мнению, происходит процесс визуализации культуры: уровень развивающегося во взаимодействии театра с высокой литературной традицией; уровень технических искусств (фотографии, кино и ТВ); уровень распространения слоя литературы, тесно связанного с картинками и называемого лубочной литературой; уровень представляющей косвенный способ демонстрации зрелищных структур литературы; уровень возрождения архаических зрелищных форм, имевших в поздней культуре низкий художественный и эстетический статус [Хренов, 2006: 147].

XX столетие положило начало неуклонному процессу актуализации в культуре зрелищности и сопутствующим ему проигрыванием, усвоением и внедрением в сознание новых структур восприятия. Начало изучения монтажного принципа в живописи, архитектуре и других видах искусства было положено С.М. Эйзенштейном, а в литературоведении развито формалистами — прежде всего Ю.Н. Тыняновым, В.Б. Шкловским, Б.М. Эйхенбаумом, которые, начиная с 1920-х гг., занимались изучением языка кино. Где-то с середины 1950-х гг. внимание советских ученых обращается к экра-

низациям, а уже в 1960–70-е гг. исследования по кино и его связям с другими видами искусства приобретают систематический характер: речь идет, прежде всего, о работах В.В. Виноградова, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Ю.Г. Цивьян, а также Р. Барта и У. Эко. Из более поздних исследований отметим работы И.А. Мартыановой, М.Б. Ямпольского, Э. Брэнигей, Л. Кардоне и Л. Куччи.

«Кинематографичность» как важная константа современной культуры восходит к эстетике постмодернизма, символом которой стал телевизионный экран, позволяющий любому путем переключения каналов создать собственную программу в соответствии с индивидуальным вкусом и настроением. Играя роль усилителя чувств, электронной нервной системы, телевидение стало «художественной квинтэссенцией постмодернизма, путеводителем по руинам современной культуры, символом паразитической культуры соблазнов» [Маньковская, 2000: 157]. Создаваемая на экране реальность так похожа на видимый нами мир, что медиополе уже давно перестало быть копией действительности, но превратилось в ее создателя или, по меньшей мере, в ее активного преобразователя. Ж. Бодрийар, уделявший огромное внимание вопросам массовой коммуникации в эпоху технического воспроизводства, писал, что «образ опережает реальность, навязывая ей свою имманентную эфемерную логику, логику уничтожения собственного референта, логику поглощения значения» [Бодрийар, 1992: 62].

Наблюдающийся процесс непрерывного взаимодействия визуальной и вербальной ветвей современной культуры ведет к необходимости признания, что нарастающая с эпохи Возрождения оппозиция зрелищных и литературных структур (с неизменно высоким статусом последних) уже себя изжила. Следуя логике М.Н. Эпштейна [Эпштейн, 2005: 220–227], лингвокультурную ситуацию сегодня можно образно назвать арьергардным состоянием в смысле растворения всего во всем, на смену которому неизбежно приходит другой метаязык культуры, вырабатываемый на основе нового синтеза языковых и риторических средств.

Киновок ознаменовал собой активное освоение языка визуального искусства как эффективного метода создания многоголосия, задающего альтернативные пути прочтения текста, и привнес в современное лингвокультурное сознание кинематографические фреймы. Действительно, в современной ассоциативно-метафорической системе кинематографические образы энергично притесняют традиционные для литературы аллюзии. Особого внимания в свете сказанного заслуживают цитаты из популярных фильмов. Кино

в данном случае выступает как контекст значений, опережающий фиксированную логику слова и лингвистических структур. Кино, по мнению А. Менегетти, — это не только социальный факт, но и дискурс, локализуемый в психических процессах человеческого бессознательного; это прошлое субъекта, отраженное и удерживаемое в образе [Менегетти, 2001: 33–39]. Сказанное является справедливым, поскольку именно кино обладает особенностью впитывать семиотику бытовых отношений, национальных и социальных традиций, что делает его более насыщенным разнообразными нехудожественными кодами эпохи [Лотман, 2000: 358], а киноцитаты (обычно сильные интертексты-мемы) — устойчивыми единицами в коллективной памяти, которые быстро переходят в разряд клише, прочно входят в лингвокультурный комплекс и в качестве демагогического приема ничуть не уступают по силе «убедительности» интертекстам из классической литературы.

Проведем сопоставительное исследование особенностей передачи интертекстов в переводных русских и итальянских художественных фильмах, способствующих выявлению универсальных и национально-специфичных характеристик разных культур, а также определяющих механизмы многоязычия. В качестве единиц исследования были выбраны фрагменты, содержащие интертекстуальную ссылку из популярных итальянских художественных фильмов «Развод по-итальянски» (П. Джерми) и «Укрощение строптивого» (Р. Кастеллано, Дж.М. Пиполо). В рамках настоящего исследования мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми замечаниями о возможности декодирования кинематографической информации и о ее последующей передаче в пространство другой лингвокультуры, не углубляясь в проблему стилистики, риторики и технических аспектов переводных фильмов (как, например, вопроса синхронности говорения или длины реплик).

Тексты культуры взаимосвязаны, и данное положение приобретает особую важность для понимания кинотекстов: язык фильма всегда интертекстуален, поскольку художественный фильм как тип текста связан с различными явлениями национальной лингвокультуры, а интертекстуальные связи выражаются при помощи разных знаковых средств на содержательном, жанровом и стилистическом уровне. Способы выражения интертекстуальных отношений в киноязыке обусловлены мультимедийной природой фильма и, в целом, сводятся к следующим: 1) кинематографические, литературные, образительные, музыкальные и телевизионные интертексты, 2) образ актера как интертекст, 3) цитаты и реминисценции, 4) вербальные

и сюжетные интертексты. Как справедливо отмечает Е.Б. Иванова, «фильм предельно интертекстуален и, помимо собственно кинематографических текстов, используемых для отнесения картины к определенной традиции, жанру или направлению в кино, привлекает источники, принадлежащие другим искусствам и областям знания» [Иванова, 2001: 8].

Лингвокультурологический анализ в переводном кино особенно актуален в силу следующих причин: 1) художественный фильм предоставляет интересные данные, которые позволяют судить о роли кинотекста в формировании картины мира как отдельного индивида, так и современного ему общества; 2) переводной кинотекст, независимо от его художественных достоинств или недостатков, является главным источником и одновременно средством создания образа «чужой» культуры»; 3) лингвокультурологическая процедура передачи художественного фильма в другую иноязычную культуру пока не разработана. Если экстраполировать данные утверждения в область перевода, это означает неизбежность потери данных и/или образности в передаче картины мира, о чем подробно пишет А.Д. Краснова: «переводчики сталкиваются с серьезными трудностями при воспроизведении культурных символов и этнических характеристик в новом языковом пространстве», и следовательно, многие важные аспекты национальной идентичности остаются незамеченными или недостаточно ясно интерпретированными при переводе [Краснова, 2024: 176].

Любой фильм есть сообщение: у него имеется отправитель (режиссер, автор сценария и актеры), получатель (т.е. зритель) и канал передачи, а поэтому к его анализу может быть применен метод, полученный от лингвистики. Сущность киноискусства заключается в синтезе нескольких типов повествования, и перечень уровней киноязыка составить весьма сложно, т.к. «элементом киноязыка может быть любая единица текста (зрительно-образная, графическая или звуковая), которая имеет альтернативу, хотя бы в виде неупотребления ее самой, и, следовательно, появляется в тексте не автоматически, а сопряжена с некоторым значением. При этом необходимо, чтобы как в употреблении ее, так и в отказе от ее употребления обнаруживался некоторый уловимый порядок (ритм)» [Лотман, 2000: 323]. Вместе с тем у кино есть и лексика — фотографии людей и предметов становятся знаками этих людей и предметов и выполняют функцию лексических единиц. Единицей киноязыка является монтажный кадр, а его элементами — звуковой эффект и вербальный компонент.

Таким образом, по причине своего тройного (как минимум) членения с сочетанием в синтагмы знаков разных семиотических систем, которые в совокупности образуют богатейшие контекстуальные связи, кинотекст оказывается необычайно насыщенным способом коммуникации.

Поскольку в художественном фильме на коннотации языковых единиц часто накладываются коннотативные значения образов и/или звуковых дорожек, также являющихся конвенциональными, кинематографические знаки могут раскрывать целое множество латентных означаемых и оказываются тесно связанными с «мифом» как социально детерминированным отражением опыта определенной лингвокультуры, который ложится в основу идеологем — минимальных значащих единиц, организующих работу сознания. Г.Ч. Гусейнов определять «идеологемы» как «минимальный отрезок письменного текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка — прямая или косвенная — к метаязыку, или к воображаемому своду мировоззренческих норм и фундаментальных идейных установок, которыми должно руководствоваться общество». Идеологему, замечает ученый, можно назвать «простейшим переключателем с естественно-частного на казенно-публичный режим речевого поведения и наоборот», сводя определение к метафоре [Гусейнов, 2004: 28]. Если понимать идеологемы в широком смысле слова, то к ним следует отнести и несловесные формы представления идеологии — традиционные символы, изобразительные и архитектурно-скульптурные комплексы, музыкальные фрагменты и т.д. Иными словами, в их область попадает абсолютно любой знак культуры/языка (включая даже буквы, если они несут в себе коннотативный заряд), определяемый критерием узнаваемости его в качестве такового представителя данной лингвокультуры (т.е. семантика идеологемы в конечном итоге исчерпывается прагматикой). О.В. Сергеева рассматривает процессы трансформации идеологем в переводческом пространстве, утверждая, что «идеологема как минимальная значащая единица способна менять свое значение в различных переводческих ситуациях, влияя на восприятие конечного продукта» [Сергеева, 2023: 215].

Несмотря на то что жизнь некоторых идеологем (особенно невербальных) коротка, они, тем не менее, являются кодами и как таковые подлежат дешифровке, для которой необходим контекст, наделяющий сигналы значениями [Михайловская, 2024]. Механизм превращения иконического знака в смыслообразующий элемент

киноязыка можно проследить, например, в фильме «Брат-2» (реж. А.О. Балабанов, 2000), где герои уходят от преследования на черном джипе, стреляя из музейного пулемета. Пулемет, как отмечает Ю.М. Лотман, должен восприниматься не просто как предмет, но в качестве знака определенной эпохи — Гражданской войны [Лотман, 2000: 231]. Стрельба же из джипа напоминает другой символ — тачанку, а взаимодействие этих двух ассоциаций (которое воскрешает в памяти еще и знаменитый фильм «Чапаев» (реж. братья Васильевы, 1934) подводит к параллели между действиями братьев и легендарных героев прошлого, фактически подсказывая оправдательно-положительную оценку их поведения.

Идеологемы, облегчающие процесс познания и категоризации мира, могут быть обращены к собеседнику как знак социальной и культурной близости и одновременно являются эффективным средством отчуждения. В этой связи полагаем, что при анализе переводного кино особого внимания заслуживают коннотации, которые легко узнаются носителями языка, но с трудом передаются в рамки иноязычной культуры.

Вслед за М.М. Бахтиным считаем, что текст никогда не может быть переведен до конца, поскольку его «подлинная сущность разыгрывается на рубеже *двух сознаний*, и сознание воспринимающего никак нельзя ни устранить, ни нейтрализовать» [Бахтин, 2000: 303]. Если условно разделить коммуникативный акт на четыре составляющих: 1) конситуацию (условия общения и его участники), 2) контекст (реально существующие смыслы, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного коммуникативного акта), 3) пресуппозицию (зону пересечения фоновых знаний коммуникантов, включая и их представление о конситуации) и 4) непосредственный продукт речепроизводства [Красных, 2003: 84], то в процессе перевода основную сложность представляет пресуппозиция, которая, в конечном итоге, обуславливает остальные уровни. Кроме того, если в переводе художественной литературы экстралингвистическая информация может поясняться в сносках, то перевод кино (как, впрочем, и драматического текста) в силу своей специфики практически исключает возможность компенсирующего комментария. Под переводом художественного фильма, таким образом, следует подразумевать не формальную передачу составляющих его элементов, а воссоздание сложного коммуникативного сочетания словесных, звуковых и иконических кодов, где вербальные и звуковые сообщения существенно влияют на денотативную и коннотативную

значимость иконических фактов и, в свою очередь, подвергаются обратному воздействию.

Перевод начинается с преодоления страха нарушить формальную симметрию исходного текста, который неизбежно гипнотизирует своей семантико-синтаксической и фразеологической структурой хотя бы потому, что она лежит на поверхности, в то время как симметрия прагматическая кроется в глубине, а поэтому нередко приносится в жертву формальной «точности». Например, дословный перевод на итальянский язык крылатых фраз и выражений из фильма «Москва слезам не верит» (реж. В.В. Меньшов, 1979), которые получили статус специфичных лингвокультурных интертекстов и обеспечили фильму долголетний успех, обернулись коммуникативной асимметрией, которая выражается в неестественных по-итальянски репликах или в высказываниях с иным смыслом [Денисова, 2003: 158–180].

Напротив, высокий профессиональный уровень перевода на русский представлен в «Укрощении строптивого» («Il bisbetico domato», 1980) режиссера Р. Кастеллано и Дж. М. Пиполо. Практически для всех блестящих реплик этого фильма при передаче на русский подобран функциональный эквивалент (за исключением, пожалуй, речи Мими, которая в оригинальной версии говорит с ярко выраженным иностранным акцентом). В данном случае интересно остановиться на способах передачи некоторых важных для понимания концептах, имеющих различное смысловое наполнение в русском и итальянском лингвокультурных сообществах. Например, сцена, где Лиза говорит, что у нее вилла на побережье в Портофино, а зимой она отдыхает в Кортине. Упоминание этих топонимов-мифов в данном контексте значимо: фильм демонстрирует разрыв в социальном положении между фермером и девушкой из богатой семьи, и утрата этих коннотаций неизбежно ослабила бы идейное содержание всего фильма. Но поскольку для перевода кино существуют более жесткие пределы и возможности адаптации, при дублировании этого фильма была избрана стратегия компенсации экстралингвистической информации особой изысканностью речи Лизы.

Важнейший вопрос перевода художественных фильмов с итальянского языка на русский — передача диалектных особенностей исходного языка. Вслед за работами К.И. Чуковского и А.В. Федорова в советской школе переводоведения установилась традиция, согласно которой иностранные диалекты и говоры передаются правильной литературной речью принимающего языка. Иллюстрацией к сказанному может служить «Развод по-итальянски» П. Джерми

(«Il divorzio all'italiana», 1961), который в оригинале характеризуется широким использованием диалекта Сицилии: языком народного балагана, связанного с понятной массовому итальянскому зрителю традицией комедии масок, П. Джерми рассказывает о серьезных проблемах современности [Лотман, 2000: 305]. На русский фильм переведен нормативно по принципу «voice over». Итальянский Юг с его колоритом, особенными семейными отношениями и традициями здесь недвусмысленно противопоставляется «Не-Югу», символизируемому афишей подвергнувшегося в свое время гонениям со стороны цензуры и католической церкви фильма «Сладкая жизнь» («La dolce vita», 1959), во время показа которого героиня сбегает с любовником. По-русски название картины Ф. Феллини не произносится в расчете на то, что зритель его узнает по кадрам. Однако, если принять во внимание значимость этого символа в общем замысле фильма, такой переводческий выбор представляется сомнительным. Название фильма, правда, один раз обыгрывается в речи отца Фердинандо («Три часа сладкой жизни в Риме — и можно умереть!»), но вряд ли этого упоминания вскользь достаточно. За условностью буффонады «Развода по-итальянски» кроется вызов вековым традициям, в частности, статье 587 Уголовного кодекса, согласно которому Фердинандо за убийство жены получает весьма легкое наказание, оправдываемое необходимостью «защиты чести». Отсутствие у русского зрителя необходимой экстралингвистической информации и утрата при переводе на русский многих значимых идеологем в результате превращает «Развод по-итальянски» просто в комедию о слишком темпераментных итальянцах.

Основная сложность перевода, на наш взгляд, заключается в возможности и степени адаптации текста к иноязычной культуре с иной системой ценностей и понятий, и именно этот фактор обуславливает неизбежную потерю в понимании переводных фильмов в контексте другой лингвокультуры. Анализ дублированных/переводных фильмов приводит к выводам, перекликающимся с заключениями современной психолингвистики в отношении коммуникативных сбоев в процессе межкультурного общения, основная причина которых кроется в различии когнитивных баз коммуникантов, в результате чего восприятие прямого значения языковых единиц воздействует на иные когнитивные структуры, подчас кардинально меняя смысловое содержание концепта. При этом в иностранных фильмах могут быть представлены ошибки на вербальном уровне перевода, например, в переводе с субтитрами на итальянский язык фильма «Родня» Н.С. Михалкова (1981), в част-

ности, наблюдается большое количество ошибок, которые создают иногда очень курьезные ситуации (например, переводчик неверно истолковал в речи Маруси выражение «тетя Даша», поэтому бывшая свекровь вдруг превратилась в «тетю» в смысле родства (ит. «zia»), а кабачковая икра — в «caviale» (которую Маруся при этом готовит в домашних условиях), однако такого рода неточности в целом не мешают пониманию поставленной в фильме проблематики.

Переводные иноязычные фильмы будут воспринимать адекватно при двух условиях: 1) тема такова, что может быть интересна и понятна также зрителю иного лингвокультурного сообщества (универсальность как принадлежность к разным культурам), 2) фильм не перенасыщен культурными символами и идеологемами исходной культуры (т.е. не апеллирует исключительно с национальному энциклопедическому коду). И наоборот: если фильм ориентируется исключительно на исходную культуру, базируясь на узконациональных представлениях и стереотипах, которые далеко не всегда могут компенсироваться и/или поясняться, то он часто обречен на коммуникативный провал даже при условии скрупулезной формальной передачи всех его вербальных знаков.

Анализ переводных художественных фильмов свидетельствует о том, что превращение идиом исходного кинотекста в скотомы является основной причиной возникновения прагматической асимметрии, что может быть причиной смыслового изменения текста-источника. Под «скотомой» мы, вслед за А. Эткиндо, подразумеваем «слепой участок в поле зрения, не связанный с его периферическими границами <...> Скотомы и идиомы чтения меняются — или повторяются — в зависимости от хода истории и уникальной позиции читателя» [Эткинд, 2001: 431].

Киноперевод представляет особую переводческую проблему по причине своего тройного членения с сочетанием в синтагмы знаков разных семиотических систем, которые в совокупности превращают художественный фильм в чрезвычайно насыщенный способ коммуникации. Кинотекст осознается значимым явлением культуры, при этом язык кино, будучи открытой системой, включает в себя не только вербальные знаки, но также знаки изобразительной и музыкальной природы. Успех киноперевода зависит от возможности и степени адаптации фильма в иноязычную культурную среду, при которой возникает особая проблема — соотношение разных культурных традиций; от культурной памяти и фоновых знаний представителей принимающей культуры (универсальная и индивидуальная энциклопедии).

Таким образом, исследование показало, что учет интертекстуальных связей и культурных идентификаторов является ключевым фактором успешной адаптации фильмов в различные лингвокультурные пространства. Это подтверждает первоначальную гипотезу о том, что сохранение культурных слоев и уникальных черт в процессе перевода способствует лучшему восприятию зарубежного кинематографа. Основные выводы статьи сводимы к трем положениям, первое из которых — необходимость комплексного подхода. Процесс перевода требует интеграции визуальных, аудиальных и вербальных компонентов, а также учета культурных реалий и исторической обстановки, представленных в оригинальном материале. Второе, не менее важное положение затрагивает проблему адаптивности. Наиболее эффективными оказались стратегии перевода, сохраняющие баланс между точностью передачи оригинального материала и адаптацией содержания к особенностям целевой аудитории. Оптимальный перевод достигается тогда, когда сохраняется национальная специфика оригинала, а языковые средства подобраны с учётом ожиданий зрителя, его культурного багажа и фоновых знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
2. *Бодрийяр Ж.* Злой демон образов // Искусство кино. 1992. № 10.
3. *Гусейнов Г.Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004.
4. *Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003.
5. *Иванова Е.Б.* Интертекстуальные связи в художественных фильмах: автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
6. *Краснова А.Д.* Проблемы перевода культурных символов в кинематографе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 176–185.
7. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
8. *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
9. *Маньковская Н. Б.* Эстетика постмодернизма. СПб.: Издательство Алетейя, 2000.
10. *Менегетти А.* Кино, театр, бессознательное. М.: ННБФ Онтопсихология, 2001.
11. *Михайловская М.В.* К вопросу о передаче функционального потенциала элементов вертикального контекста в синхронном переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 132–141.

12. Пазолини П.П. Поэтическое кино // Стрoение фильма; сост. К. Разлогова. М.: Радуга, 1984.
13. Сергеева О.В. Трансформация идеологем в переводческой практике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 215–224.
14. Хренов Н.А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М.: Аграф, 2006.
15. Эйхенбаум Б.М. Литература. Кино. Критика. Полемика. Л.: Прибой, 1927.
16. Эпштейн М.Н. Проективный лексикон русского языка // Дар слова. 2005. № 127.
17. Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Galina V. Denisova, Daria A. Shevliakova

SPECIFICS OF INTERTEXT TRANSFER IN TRANSLATED RUSSIAN AND ITALIAN FEATURE FILMS OF THE 1960S–1980S

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; g.v.denisova@gmail.com, scevliakova@mail.ru

Abstract. The aim of this study is to provide a comprehensive assessment of problems arising during the translation of feature films related to differences in cultural-historical contexts and sociolinguistic specificities across different countries. It examines mechanisms for transferring intertextual phenomena present in movies as well as processes involved in forming and functioning ideologemes—key symbolic constructs representing fundamental ethnic cultural values. Special attention is given to preserving the uniqueness of national cultural components in language transfer since adaptation often leads to loss of important ethnocultural characteristics. Specific examples of unsuccessful translation solutions applied to Russian and Italian films are provided, emphasizing the necessity of taking into account conceptual cultural specificity and developing effective methodologies for translating audiovisual materials that adequately preserve the author’s artistic intent. The findings highlight the importance of further development of theory and practice in analyzing cinema within modern global cultural environments. This research will be valuable for specialists working on issues concerning intercultural communication, linguistic-cultural studies, and translation science.

Keywords: intertextuality in cinema, ideologemes in linguistic culture, cinematic cultural adaptation, dialectal features of translation, culturally-specific markers in translation, communicative effectiveness of translation

For citation: Denisova G.G., Shevliakova D.A. (2025) Specifics of intertext transfer in translated Russian and Italian feature films of the 1960s–1980s.

About the authors: Galina V. Denisova — Dr. Habil. in Culturology, professor, Department of Semiotics and General Theory of Arts, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University; g.v.denissova@gmail.com; Daria A. Shevliakova — Dr. Habil. in Culturology, professor, Head of the Department of Italian, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; scevliakova@mail.ru

REFERENCES

1. Bahtin M.M. 2000. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk [Author and Hero. Towards the Philosophical Foundations of the Humanities]. Saint Petersburg, Azbuka Publishing. (In Russ.)
2. Bodrijar Zh. 1992. Zloj demon obrazov [The Evil Demon of Images]. *Art of Cinema*, no. 10. (In Russ.)
3. Denisova G.V. 2003. V mire interteksta: yazyk, pamyat, perevod [In the World of Intertext: Language, Memory, Translation]. Moscow, Azbukovnik. (In Russ.)
4. Ejhenbaum B.M. 1927. Literatura. Kino. Kritika. Polemika [Literature. Cinema. Criticism. Polemics]. Leningrad, Priboj Publishing. (In Russ.)
5. Epshtejn M.N. 2005. Proektivnyj leksikon russkogo yazyka [Projective lexicon of the Russian language]. The gift of speech, no. 127. (In Russ.)
6. Etkind A.M. 2001. Tolkovanie puteshestvij: Rossiya i Amerika v travelogah i intertekstah [Interpretation of travel: Russia and America in travelogues and intertexts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publishing. (In Russ.)
7. Gusejnov G.Ch. 2004. Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-h [Soviet Ideologemes in Russian Discourse of the 1990s]. Moscow, Tri kvadrata Publishing. (In Russ.)
8. Hrenov N.A. 2006. Kino: reabilitaciya arhetipicheskoj realnosti [Cinema: rehabilitation of archetypal reality]. Moscow, Agraf Publishing. (In Russ.)
9. Ivanova E.B. 2001. Intertekstualnye svyazi v hudozhestvennyh filmah: avto-ref. dis. kand. filol. Nauk [Intertextual Connections in Feature Films: Abstract of Cand. Philological Sciences Dissertation]. Volgograd. (In Russ.)
10. Krasnova A.D. 2024. Problemy perevoda kul'turnykh simbolov v kinematografii [Problems of translating cultural symbols in cinema]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 4, pp. 176–185. (In Russ.)
11. Krasnyh V.V. 2003. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili realnost? [“Ours” Among “Strangers”: Myth or Reality?]. Moscow, Gnozis Publishing. (In Russ.)
12. Lotman Yu.M. 2000. Ob iskusstve [About Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb Publishing. (In Russ.)
13. Mankovskaya N.B. 2000. Estetika postmodernizma [Aesthetics of Postmodernism]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Aletejya Publishing. (In Russ.)
14. Menegetti A. 2001. Kino, teatr, bessoznatelnoe [Cinema, Theatre, the Unconscious]. Moscow, NNBF Ontopsihologiya. (In Russ.)
15. Mihajlovskaya M.V. 2024. K voprosu o peredache funkcionalnogo potentsiala elementov vertikalnogo konteksta v sinhronnom perevode [On the issue of

transmitting the functional potential of vertical context elements in simultaneous translation]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 4, pp. 132–141. (In Russ.)

16. Pazolini P.P. 1984. Poeticheskoe kino [Poetic cinema]. Film structure; compiled by K. Razlogova. Moscow, Raduga Publishing. (In Russ.)

17. Sergeeva O.V. 2023. Transformatsiya ideologem v perevodcheskoy praktike [Transformation of ideologems in translation practice]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 215–224. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2025;
одобрена после рецензирования 10.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 05.05.2025;
approved after reviewing 10.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

Юньшэн Цзюй

**КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА
РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: МЕХАНИЗМЫ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ,
АББРЕВИАЦИИ И МЕТАФОРИЗАЦИИ**

Шанхайский университет иностранных языков,
Шанхай, КНР; 2023017@shisu.edu.cn

Аннотация. Статья посвящена когнитивным стратегиям перевода русской медицинской терминологии на китайский язык. Цель исследования — определить и классифицировать подходы, обеспечивающие точную и концептуально адекватную передачу медицинских терминов в условиях языковой и культурной асимметрии. В качестве методов использовались когнитивный и сопоставительный анализ, транслатологический подход, изучение лексических моделей, а также анализ корпусных данных и медицинских справочников.

В рамках исследования были рассмотрены четыре ключевых механизма формирования терминов: словообразование, терминологизация общеязыковых слов, аббревиация и метафоризация. Для каждого из них выделены релевантные когнитивные стратегии перевода, включая концептуальное развертывание, пояснительное калькирование, а также построение межъязыковых терминологических карт, отражающих различия в когнитивных моделях.

Особое внимание уделено трудностям, возникающим при переводе омонимичных и латентно-метафоричных единиц, а также единиц с выраженной культурной символикой. В исследовании вводится понятие концептуальной адаптации термина — как процесса включения медицинского понятия в иную языковую и культурную картину мира с опорой на когнитивные модели (в частности, фреймы и схемы прототипов).

Выводы подтверждают, что качественный медицинский перевод невозможен без интеграции лингвистических знаний, когнитивного подхода к моделированию значения и профессионального понимания предметной

Цзюй Юньшэн — доктор филологических наук, доцент Института российских и евразийских исследований, Шанхайский университет иностранных языков; 2023017@shisu.edu.cn

© Цзюй Юньшэн, 2025

области. Предложенные стратегии могут быть применены в образовательных программах подготовки переводчиков, а также в практике медицинского и научного перевода между русским и китайским языками.

Ключевые слова: медицинская терминология, когнитивные стратегии, китайский язык, терминологизация, аббревиатура, метафора, перевод, концептуализация, межкультурный подход

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-6

Для цитирования: Цзюй Юньшэн. Когнитивные стратегии перевода русской медицинской терминологии на китайский язык: механизмы словообразования, терминологизации, аббревиации и метафоризации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 96–119. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-6

Введение

Развитие российской медицинской терминологии сопровождается ростом лексической сложности, повышением плотности информации и расширением объема специализированных понятий, что делает ее перевод на китайский язык не только лингвистической, но и когнитивной задачей. Межъязыковая асимметрия, различия в словообразовательных моделях (в частности, в префиксальной деривации, морфемной компрессии и моделях латинского заимствования) и культурно обусловленная семантика требуют от переводчика не просто знания эквивалентов, а понимания глубоких концептуальных связей и механизмов формирования значения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью точной и адекватной передачи русскоязычных медицинских терминов в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации с китайскоязычной средой. Перевод медицинской терминологии предполагает активное участие когнитивных механизмов: концептуализации, категоризации и интеграции понятий, что делает необходимым применение когнитивных стратегий перевода.

Сложность структуры русской терминологической системы, наличие скрытых метафор, омонимов и многоступенчатых деривационных построений требуют выхода за рамки формального перевода и обращения к когнитивным стратегиям декодирования. В отличие от семантической интерпретации, ограниченной лексическим значением, когнитивная интерпретация предполагает воссоздание понятийной структуры термина с учетом фреймовой организации и концептуальных схем. Таким образом, перевод медицинских терминов не ограничивается лексической заменой: он

предполагает встраивание понятий в целевую языковую картину мира, что особенно важно в контексте усиливающегося взаимодействия между Россией и Китаем в научной, образовательной и клинической сферах.

Цель настоящего исследования — определить и систематизировать когнитивные стратегии, обеспечивающие адекватный перевод русской медицинской терминологии на китайский язык. В качестве задач ставится анализ структурных моделей русских медицинских терминов (включая деривацию, аббревиацию, калькирование и метафоризацию), а также разработка подходов к их концептуальной реконструкции в условиях межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Исследование направлено на выявление тех уровней языковой и когнитивной обработки, которые критически важны для точности перевода и терминологической согласованности.

Методологическую основу работы составляют когнитивный и сопоставительный подходы, а также элементы транслатологического анализа. В рамках когнитивной парадигмы перевод рассматривается как процесс реконцептуализации исходного текста в соответствии с ментальной моделью целевой культуры. Используются положения когнитивной лингвистики о фреймах, прототипах, ментальных пространствах и *embodied cognition*, а также подходы к переводу метафорических моделей. В работе также применяется концепт «когнитивной стратегии перевода» как осознанной последовательности ментальных операций, направленных на адаптацию и интеграцию сложного термина в целевой дискурс.

Материалом исследования послужили русскоязычные медицинские термины, активно используемые в клинической документации, образовательной и научной литературе. Особое внимание уделяется стратегиям перевода сложных терминов, скрытых метафор и омонимичных форм, с акцентом на их концептуальное развертывание, прагматическую адаптацию и создание параллельных терминологических карт.

Перевод медицинской терминологии — это не просто процесс языкового преобразования, но прежде всего когнитивная операция, включающая осмысление, категоризацию и интерпретацию терминов в контексте профессионального дискурса. Такой подход находит отражение в модели когнитивной переводологии, предложенной Вэнь Сюем и Сяо Кайжуном, в рамках которой перевод рассматривается как трехмерный процесс, включающий языковую, коммуникативную и культурную трансформации [Вэнь Сюй, Сяо Кайжун, 2019: 203]. В рамках данной модели, на практике перево-

да исходные и целевые категории проходят когнитивные процессы замены, интеграции, рекатегоризации и транскатегоризации. Это в равной степени применимо и к переводу терминов [Вэнь Сюй и др., 2019: 33–43]. В связи с этим автор данной статьи считает, что суть модели заключается в том, что переводчик, воспринимая исходный термин, не ограничивается его лексической подстановкой, а активизирует когнитивные механизмы декодирования: анализирует медицинское значение, выявляет прагматическую функцию термина, соотносит его с концептуальными структурами китайской медицинской картины мира и только затем производит реконструкцию смысла в целевом языке. Такой процесс требует не только языковой подготовки, но и высокой степени когнитивной гибкости — способности выстраивать соответствие между различными когнитивными категориями двух языков.

Заявленный в исследовании анализ когнитивных стратегий перевода непосредственно опирается на данную модель: он позволяет рассматривать перевод не как простую трансляцию, а как многоуровневую концептуальную перестройку. Навыки анализа грамматической структуры, понимание словообразовательной логики и знание происхождения терминов становятся здесь инструментами более глубокой задачи — создания терминологического эквивалента, вписанного в когнитивное пространство целевого языка и культуры. Такой подход повышает не только точность перевода, но и его нормативность, прозрачность и адаптированность к профессиональному дискурсу целевой аудитории.

1. Систематизация знаний о словообразовании русской медицинской терминологии и когнитивные пути стратегии ее перевода на китайский язык

Медицинские термины, как правило, имеют сложную морфологическую структуру, длинную форму и трудны для запоминания. Поэтому систематическое изучение их этимологии и словообразовательных моделей помогает не только ускорить переводческий процесс, но и сделать перевод более точным и осмысленным. Помимо грамматических структур, важную роль в переводе играет семантическая эволюция слов: термины, возникающие в результате терминологизации, часто перестают быть узнаваемыми по исходной лексике и требуют дополнительной семантической интерпретации. Лю Хуавэнь полагает, что когнитивная модель является психологическим обоснованием для преобразования языковых единиц, а также представляет собой основную форму языковой психиче-

ской деятельности [Лю Хуавэнь, 2003: 55–59]. В когнитивной модели, как правило, различают исходную когнитивную область и целевую когнитивную область [там же]. Медицинская терминология представляет собой не просто языковую форму передачи знаний, но и отражает особенности когнитивной модели той или иной медицинской системы. Например, термин «инфаркт миокарда» обозначает не только патологическое состояние некроза сердечной мышцы, но и активирует целостную когнитивную схему, связанную с анатомией сердца, патогенезом, триггерами и методами неотложной терапии. Аналогично, «остеохондроз» в русскоязычном медицинском дискурсе включает симптомы, диагностику и лечение дегенеративных изменений позвоночника. При буквальном переводе терминов, не учитывающем концептуальные особенности, может возникнуть семантическое и профессиональное несоответствие.

Следовательно, перевод и интерпретация медицинских терминов требуют не просто подбора языкового соответствия, а когнитивной реконструкции. Переводчик должен учитывать концептуальную структуру термина и адаптировать его в соответствии с понятийными рамками целевой медицинской системы, добиваясь как смысловой точности, так и профессиональной адекватности. Именно эта способность к когнитивной компрессии и переносу концептуальных схем делает когнитивную интерпретацию терминов ключевым аспектом межъязыковой медицинской коммуникации.

Как подчеркивает Буданова, в процессе перевода особые трудности вызывают случаи, когда общеязыковые слова приобретают терминологический статус — их значение стабилизируется и выходит за рамки обыденного употребления [Буданова, 2015: 298–302]. Несмотря на эффективность данного пути для пополнения терминологии, перевод таких слов требует специального подхода и глубокого понимания структуры терминологической системы.

Русская медицинская терминология обладает высокой степенью системности, ее производные механизмы строго регламентированы и логически организованы. Для того чтобы медицинский термин мог функционировать в профессиональном контексте, он должен быть воспроизводим — то есть порождать термины той же структуры. Это отражает самоорганизующуюся природу языка и делает термин структурной единицей знания.

Словообразование медицинских терминов происходит не изолированно, а в рамках системы, включающей семантические сети, стилистические нормы и логические категории. Основные модели включают:

- Сложение (компаративные термины): *многосахарид* (много- + сахарид), *белокровие* (бело- + кровь);
- Дериацию (префиксы, суффиксы, инфиксы): *гипергликемия* (гипер- + гликемия), *нефрит* (нефро- + -ит);
- Калькирование: *клетка-хозяин* (host cell), *несовместимость* (incompatibility);
- Фразеологизацию терминов: *острая сердечная недостаточность*, *артериальное давление* и др.

Для переводчика знание распространенных морфем и словообразовательных моделей — это важнейший когнитивный ресурс, позволяющий выстраивать гипотезы о значении незнакомых терминов. При встрече с новым или редким медицинским словом переводчик, опираясь на знакомые корни, аффиксы и словообразовательные паттерны, способен интуитивно восстановить его возможный смысл, грамматическую категорию и сферу употребления. Таким образом, морфологический анализ становится механизмом когнитивной догадки — активации ментальных схем и эвристических, позволяющих распознать структуру и содержание термина даже при отсутствии готового эквивалента.

Например:

- Префикс кардио-: *кардиомегалия*, *кардиопатия*;
- Суффикс -ит: *бронхит*, *нефрит* (воспалительные заболевания);
- Суффикс -ома: *меланома*, *лимфома* (новообразования);
- Суффикс -склероз: *артериосклероз* (уплотнение тканей).

Согласно концепции переводологии сознания Ван Инья, перевод следует рассматривать как управляемый когнитивный процесс, направленный на осмысление и реконструкцию значений на основе операций внимания, памяти, категоризации и интеграции знаний [Ван Инь, 2021: 357]. При встрече с новым или незнакомым термином переводчик, активируя когнитивные механизмы анализа, может опираться на известные словообразовательные модели, типовые структуры терминов, а также контекстуальные сигналы — и таким образом расшифровать значение, отнести его к определенной концептуальной категории и предложить логичный и нормативный вариант перевода.

Однако наличие формальных и структурных закономерностей не отменяет сложности когнитивной интерпретации. Например, механическое разложение термина *острая сердечная недостаточность* на составные части — «острая + сердечная + недостаточность» — не позволяет передать целостную концепцию патологического состоя-

ния, зафиксированную в профессиональной медицинской картине мира. Поэтому когнитивный перевод медицинской терминологии требует системного осмысления всей структуры терминосистемы, с учетом как лексико-семантических связей, так и прагматических функций терминов в дискурсе.

Дополнительно, большое количество русских медицинских терминов заимствовано или сконструировано на основе международной лексики (латинской или английской). Такие термины, как *несовместимость* (incompatibility) или *клетка-хозяин* (host cell), калькированы с английского языка и встроены в систему международной медицинской терминологии. Если переводчик не распознает источник и не восстанавливает концептуальное соответствие, возникает высокая вероятность фрагментации термина или семантической ошибки при передаче на китайский язык.

Таким образом, эффективная когнитивная стратегия перевода должна опираться на два взаимосвязанных когнитивных механизма:

1. Морфологическое прогнозирование через знание словообразовательных моделей. С точки зрения когнитивной лингвистики, это активизация схемного знания о типовых структурах терминов (фрейм, прототип, сценарий). Знание префиксов, суффиксов, корней и их комбинаций не просто облегчает анализ, но позволяет запускать ментальную операцию «догадки по форме», то есть реконструкции значения через когнитивные шаблоны. Подобные механизмы подробно рассмотрены в работах Вэнь Сюя и Лу Вэйчжуна, где подчеркивается роль ментальных моделей и категориальных структур в переводе сложной терминологии [Лу Вэйчжун, 2013].

2. Интеграция энциклопедических знаний в процессе интерпретации. Когнитивный подход трактует понимание как активацию концептуальных доменов. Использование научных источников, словарей и терминологических баз способствует построению межъязыковой концептуальной сети. Это позволяет переводчику не только находить эквиваленты, но и выстраивать системную семантическую карту, где каждый термин занимает свое место в медицинской картине мира. Как отмечает Чжан Гуанлинь, при передаче метафорических терминов требуется не буквальная замена, а концептуальное переосмысление и создание когнитивной изоморфной структуры в целевом языке [Чжан Гуанлинь, 2009: 185–188].

В целом механизмы словообразования русской медицинской терминологии демонстрируют тесное взаимодействие языка и структуры знаний. Для адекватного перевода таких терминов

переводчику требуется развитая многомерная когнитивная компетентность, включающая:

- морфологическую чувствительность — способность быстро распознавать структуру термина, выделять корни, аффиксы и типовые модели, что позволяет запускать процессы смысловой реконструкции даже при встрече с незнакомыми словами;
- навыки концептуальной классификации, то есть умение отнести термин к определенному когнитивному полю, определить его роль в системе понятий целевой культуры;
- культурную и прагматическую осведомленность, необходимую для точной передачи смысла с учетом различий в медицинских дискурсах;
- предметную компетентность, позволяющую избежать ошибок, связанных с нарушением логики или терминологических связей внутри профессионального поля.

Подобный подход полностью согласуется с когнитивной моделью перевода сознания, предложенной Ван Инем, согласно которой перевод является управляемым осмысленным процессом, включающим анализ, категоризацию и реконструкцию значений в другой языковой картине мира [Ван Инь, 2021: 358]. Кроме того, как отмечает У Ичэн, когнитивное направление переводоведения акцентирует внимание на активной деятельности сознания переводчика, направленной на взаимодействие между языковыми структурами и ментальными репрезентациями, что особенно важно в условиях специализированного перевода [У Ичэн, 2000: 55-61].

2. Терминологизация общезыковых слов в русской медицинской терминологии и путь концептуальной интеграции при переводе на китайский язык

Широко распространенное в русской медицинской терминологии явление терминологизации общезыковых слов представляет собой не только ключевой механизм построения профессиональной лексики, но и одну из самых серьезных проблем при переводе на китайский язык. Как подчеркивает Сюн Бин [Сюн Бин, 2014: 82–88], эффективность перевода зависит от четкого различения стратегии, метода и техники, что актуально и при переводе медицинских терминов.

Терминологизация по своей сути — это процесс концептуального переноса и семантической трансформации, в котором обыденные языковые единицы включаются в специализированный регистр

и получают устойчивое, однозначное профессиональное значение. В когнитивной парадигме концептуальный перенос понимается как ментальное перемещение единицы из одной концептуальной области в другую — с соответствующим переосмыслением ее значения и функцией в новой системе знаний [Лу Вэйчжун, 2013: 606–616]. При этом речь идет не только о метафоризации, но и о когнитивной перекалибровке — включении термина в новую категориальную сетку.

В процессе перевода медицинских терминов концептуальный перенос — это не просто языковая замена, а процесс глубокой когнитивной реконструкции. Например, термин *синдром раздраженного кишечника* охватывает комплекс функциональных расстройств желудочно-кишечного тракта без органических повреждений. При дословном переводе на китайский язык как «肠易激综合征» (букв. *синдром повышенной чувствительности кишечника*) — хотя формально он точен, — он может не передавать всей клинической картины для читателя, ориентированного на традиционную китайскую медицину, и вызвать искажения в восприятии.

Для обеспечения адекватности перевода можно использовать объяснительный подход, например: «无器质性病变的功能性胃肠紊乱综合症» (*синдром функционального желудочно-кишечного расстройства без органических изменений*) или «功能性而非器质性病变所致的胃肠道综合症» (*желудочно-кишечный синдром, вызванный функциональными, а не органическими нарушениями*). Такая формулировка точнее отражает клинические особенности и механизм патогенеза, способствуя лучшему концептуальному соответствию в принимающей медицинской системе.

Таким образом, успешный перевод медицинской терминологии требует учета не только формальных моделей, но и глубинных когнитивных механизмов — в частности, концептуальных моделей и понятийных рамок обеих культур. Это позволяет сохранить не только точность, но и функциональность термина в новом контексте.

Данная трансформация сопровождается следующими языковыми явлениями:

- Семантическое сужение (semantic narrowing): из набора значений выбирается одно строгое значение;
- Семантический сдвиг (semantic shift): изменение акцента и функций;
- Смена категории при сохранении формы (category shift): форма остается прежней, но слово переходит в иной понятийный класс.

Так, слова типа *фактор*, *путь*, *сдвиг* являются общеизвестными в русском языке, но, став медицинскими терминами, они приобретают жестко специализированное значение. При этом их внешняя форма не изменяется, что приводит к феномену омонимии — термин выглядит как обыденное слово, но по смыслу радикально отличается.

В переводческой практике терминологизация создает три основных проблемы:

1) Скрытость семантической трансформации — термин выглядит как повседневное слово, но имеет профессиональное значение, что может привести к ошибочному буквальному переводу.

2) Асимметрия терминологических систем — различия между русским и китайским языками в распределении понятийных полей.

3) Культурные барьеры семантической интерпретации — как, например, у слова *молочница*, чья символика белизны и инфекционного начала в русском языке не имеет прямого культурного аналога в китайской когнитивной модели.

Если переводчик полагается лишь на буквальный смысл или универсальные грамматические трансформации, он рискует допустить семантический откат (*semantic backsliding*) — ситуацию, при которой формально корректный перевод нарушает логику и точность исходной терминологической системы. Так, например, передача слова *фактор* как «причина» (вместо сохранения нейтрального научного значения) или перевод *путь* как «метод» (вместо точного «метаболического пути») ведет к дестабилизации понятийных связей и искажению профессионального смысла.

Во избежание таких искажений предлагается когнитивно-концептуальная стратегия перевода — подход, основанный на интеграции когнитивной переработки и концептуального анализа терминов. Такая стратегия объединяет семантическое моделирование, категоризацию, культурную адаптацию и работу с лексическими связями в сознании. Она включает следующие положения:

1. Приоритетное распознавание терминов и избегание обыденной интерпретации. При первом контакте с потенциально терминологической единицей переводчик должен исходить из гипотезы ее профессиональной природы — и лишь после этого проверять, не является ли она общеязыковой. Это снижает риск поверхностной трактовки.

2. Построение семантического и понятийного поля термина. Переводчик определяет сферу применения термина (например, *иммунология*, *патофизиология*, *микробиология* и др.), выявляет его

роль в системе понятий и только затем подбирает эквивалент. Это особенно важно при наличии междисциплинарных значений.

3. Системное сопоставление терминов с использованием двуязычных и многоязычных баз данных. Необходимо опираться на профессиональные справочники: *Энциклопедия медицинской терминологии*, *Медицинский толковый словарь*, *Русско-китайский медицинский словарь*, а также международные англоязычные ресурсы — *MeSH*, *ICD*, *PubMed Term Index* и др.

4. Культурная и когнитивная адаптация метафоризированных терминов. Некоторые названия болезней или симптомов могут содержать символику, понятную лишь в одном языке. Например, *молочница* может быть переведена как «鵝口瘡» (*острая молочно-белая инфекция полости рта у младенцев*, дословно: «гусиный рот»), но для обеспечения понимания важно добавить пояснение — 由念珠菌引起的白色膜状感染 (*белая плёнчатая инфекция, вызванная грибами рода Candida*).

5. Создание когнитивных терминологических карт (conceptual mapping). Это метод визуализации связей между терминами: *исходный термин — целевой термин — дисциплина — определение*. Особенно эффективен при переводе терминов из смежных и пограничных областей, где прямых эквивалентов может не существовать. Например, при переводе термина «*путь метаболизма*» важно понимать, что речь идет не о «способе» или «методе» (что возможно при поверхностной интерпретации слова «путь»), а о цепочке биохимических реакций. Корректным вариантом будет *代谢通路 (metabolic pathway)*, с сохранением научной точности. Аналогично, термин «*фактор некроза опухоли*» должен быть переведен как *肿瘤坏死因子 (TNF)*, относясь к области иммунологии. Ошибочный перевод этого термина как «*причина опухоли*» полностью меняет смысл и нарушает понятийную структуру. Важно подчеркнуть, что слово «*фактор*» здесь несет значение биологически активного элемента, а не этиологической причины.

Перевод медицинской терминологии в Китае имеет давнюю традицию, отраженную, в частности, в трудах Ли Чанбао и Ван Жожаня [Ли Чанбао, Ван Жожань, 2020: 45–48]. Таким образом, терминологизация общезыковых слов в русской медицинской лексике представляет собой систематизированный когнитивно-языковой процесс, который предъявляет к переводчику высокие требования по распознаванию значений, понятийной категоризации и межкультурной адаптации. Только при наличии языковых, профессиональных и культурных знаний, а также при применении

стратегии терминологической приоритизации, концептуального переосмысления и системного сопоставления возможно достижение высококачественного, точного и профессионального перевода русской медицинской терминологии на китайский язык.

3. Тенденция к экономичности в русской медицинской терминологии и пути декодирования при переводе на китайский язык

В последние годы в большинстве современных европейских языков отчетливо прослеживается тенденция к языковой экономии — стремлению передать максимум информации за минимальное время и при помощи минимального количества языковых средств. Одним из ярких проявлений этого принципа стало активное использование аббревиатур. Особенно остро эта тенденция ощущается в медицинской сфере, где высокая плотность информации и насыщенность терминологией требуют лаконичности и точности выражения.

Аббревиатуры представляют собой сокращенные формы слов или словосочетаний, отличающиеся региональной спецификой, профессиональной направленностью, принадлежностью к определенному историческому периоду, информационной насыщенностью и компактностью формы. В китайской научной традиции такие особенности были подробно проанализированы в работе Цзэн Цзяньпина, который подчеркивает системный характер и сложность перевода китайских сокращений при межъязыковой передаче [Цзэн Цзяньпин, 2003: 58–61].

Медицинские аббревиатуры — это результат лексической компрессии: они формируются путем усечения длинных конструкций, выделения начальных букв или ключевых морфем. Эти единицы обладают высокой степенью терминологичности, структурной упорядоченности и профессиональной специфичности. Как справедливо отмечают С.С. Барбазева и А.А. Авраменко, аббревиатуры в медицинском языке — это не просто сокращенные формы, а лексикализованные образования со своей внутренней системой, нормами и логикой [Барбазева, Авраменко, 2011: 911–918].

Проблемы грамматической и лексической эквивалентности при передаче медицинских сокращений в билингвальной коммуникации поднимаются также в китайской лингвистике, например, в работах Чжан Цзяхуа, где подчеркивается необходимость учитывать морфологические и семантические различия между языками при переводе аббревиатур [Чжан Цзяхуа, 2006: 132].

При переводе русских медицинских аббревиатур на китайский язык переводчик сталкивается не только с необходимостью формальной трансформации — то есть адаптации сокращенной формы под нормы китайского языка, — но и с более сложной задачей: когнитивной реконструкцией понятийной системы, стоящей за аббревиатурой. Эти сокращения, как правило, обладают высокой плотностью смысла и уровнем обобщения, что делает их перевод не просто технической, а когнитивной задачей.

Основные стратегии перевода медицинских аббревиатур можно представить следующим образом:

1) Концептуальное развертывание (семантическая экспликация)

Перевод аббревиатуры осуществляется путем полного раскрытия ее значения. Это позволяет максимально точно восстановить заложенный в ней профессиональный смысл. Например:

АДР (*агонисты дофаминовых рецепторов*) → 多巴胺受体激动剂; ИПС (*изолированный стеноз лёгочной артерии*) → 孤立性肺动脉狭窄. Такая стратегия обеспечивает точную передачу медицинской сущности и поддерживает логическую согласованность в терминологической системе.

2) Сохранение формы (транслитерация или калька)

Особенно актуально в условиях глобализации: международные аббревиатуры, такие как HPV (*乳头瘤病毒*), HIV, MRI, часто сохраняются в исходной форме и дополняются пояснением или переводом при первом употреблении. Это облегчает межъязыковую коммуникацию и усиливает узнаваемость терминов в профессиональной среде.

3) Объяснительный или адаптированный перевод (пояснительная передача)

Применяется в случаях культурной или семантической неэквивалентности. Например: *лёгкое фермера* («лёгкое фермера», дословно) → 农民肺病 (因吸入有机粉尘所致的肺部病变), что одновременно объясняет патологический механизм и добавляет контекст профессиональной среды.

С точки зрения словообразования, большинство русских медицинских аббревиатур образуется из:

- сложных многословных терминов (острая дыхательная недостаточность → ОДН);

- устойчивых терминологических сочетаний;
 - калькированных латинских или английских терминов.
- Для их корректного перевода переводчик должен обладать:
- системным знанием моделей сокращения;
 - способностью распознать предметную область и контекст (анатомия, физиология, фармакология и т.д.);
 - доступом к профильным словарям, корпусам и базам данных.

Кроме того, необходимо развивать интегративное мышление, при котором перевод рассматривается как:

- декодирование знака;
- восстановление понятия;
- встраивание в целевую терминологическую систему.

Особое внимание следует уделять полисемии и омонимии сокращений, частым в междисциплинарной медицинской практике. Один и тот же термин может означать разные понятия, и без учета контекста велика вероятность перевода с ошибкой.

В результате можно утверждать, что перевод русских медицинских аббревиатур на китайский язык требует трехуровневого подхода:

- 1) языкового анализа (форма и структура),
- 2) когнитивной реконструкции (восстановление значения),
- 3) семантического встраивания (включение в китайскую медицинскую терминологическую систему).

Только при сочетании языковой подготовки, способности к медицинской идентификации и контекстной интерпретации можно обеспечить точную и профессиональную передачу сокращенных медицинских терминов.

4. Метафоризация медицинской терминологии и пути ее деконструкции при переводе на китайский язык

Одним из наиболее сложных аспектов в переводе медицинской терминологии является работа с метафорами. Метафорические выражения, особенно в специализированной лексике, требуют от переводчика не только знания языка, но и глубокой когнитивной обработки, направленной на интерпретацию скрытого смысла и преодоление различий в концептуализации между двумя языками. Как подчеркивает Чжоу Хунминь, перевод метафоры представляет собой сложную когнитивную операцию, связанную с интерпретацией образного значения, а также с согласованием способов кодирования в языке-источнике и языке-переводе [Чжоу Хунминь, 2004: 60–63].

В русской медицинской терминологии такие метафоры образуются, как правило, не по стандартным словообразовательным моделям, а через междискурсивный, символический и культурно-когнитивный перенос. Они часто отражают обобщенные концепты, понятные в одном культурном поле, но требующие реконструкции в другом. О важности метафор как продуктивного средства терминообразования, особенно в области кардиологической лексики, писала также Е.В. Смирнова [Смирнова, 2011: 149–152]. Трудности перевода таких единиц заключаются не в техническом преобразовании формы, а в необходимости концептуальной реконструкции и поиска эквивалентов, обеспечивающих когнитивную адекватность в целевом языке.

Метафора в медицинской терминологии — это не просто риторический прием, а глубинный когнитивный механизм, основанный на универсальном способе осмысления незнакомого через знакомое. Как указывает Е.В. Бекишева [Бекишева, 2013: 260–264], метафора в медицинском дискурсе выполняет когнитивную функцию переноса структур из одной концептуальной области в другую. Такие термины, как *ветвь аорты* (主动脉分支), *сорочка сердца* (心包), *пятка лёгкого* (肺后底部) и другие, несмотря на кажущуюся стабильность структуры, требуют специального знания культурных моделей и профессионального фона для их корректной интерпретации.

С позиции когнитивной транслятологии, перевод метафорических медицинских терминов должен опираться на три принципа:

- 1) концептуальная интеграция;
- 2) когнитивная реконструкция;
- 3) прагматическая адаптация.

Переводчик в первую очередь должен:

1) Распознать исходную метафорическую структуру: определить источник метафоры (source domain) и целевую концептуальную область (target domain).

2) Восстановить термин как когнитивную модель: например, термин *резцовый канал* (резец + канал) не только описывает анатомический элемент, но и активизирует пространственно-функциональную схему «передача / канал», что в китайском языке может быть передано через 语义图式 «输送结构».

3) Найти эквивалент в целевом языке, максимально близкий по логике концептуализации.

Для обеспечения семантической адекватности и когнитивной эквивалентности при переводе метафорических медицинских терминов на китайский язык важно применять концептуально-компен-

саторные стратегии. Они направлены на воспроизведение не только значения, но и когнитивной структуры — образа, на котором основан термин в языке-источнике. Это особенно актуально, когда прямой перевод нарушает или стирает ассоциативный слой термина.

Среди таких стратегий выделяются:

- **Интеграция образа и научного описания** (形象 + 解释)

Эта стратегия сочетает образное восприятие термина с его клиническим или анатомическим значением, помогая читателю выстроить соответствие между визуальной метафорой и ее научным эквивалентом. Например, термин «*сорочка сердца*», употребляющийся в русском языке для обозначения перикарда, передает защитную, оболочающую функцию этого органа. При переводе можно использовать китайский термин «*心包膜*» (*xīnbāomó*, досл. «мембрана, оболочающая сердце»), а в аннотации — добавить пояснение «*形似包裹心脏的衣衫*», то есть «по форме напоминает одежду, оберегающую сердце». Это позволяет сохранить когнитивный образ (одежда → защита) и одновременно дать научную точность.

- **Комбинация транслитерации и смысловой адаптации**

Эта стратегия применяется в случаях, когда термин содержит антропоним (например, фамилию ученого) или культурно значимую составляющую. Важно не просто сохранить звуковой облик, но и обеспечить понимание сути. Например, «*канцер Баттера*» — форма злокачественного новообразования, названная в честь врача Баттера. Его можно передать как «*巴特氏癌*» (*Bātèshì ái*, досл. «рак господина Баттера»), сохранив распознаваемость термина, и при необходимости добавить пояснение: «*由巴特医生首次描述的一种胰腺癌变*» — «тип панкреатической карциномы, впервые описанный доктором Баттером». Таким образом, транслитерация сочетается с когнитивным раскрытием сути термина.

- **Прагматическая адаптация термина**

Под этим понимается добавление в перевод дополнительных семантических компонентов, указывающих на функцию, форму или локализацию объекта. Это особенно важно в китайском языке, где описание часто строится по модели: [функция] + [структура] + [анатомия]. Например, термин «*ветвь аорты*», будучи достаточно прозрачным по структуре, может быть переведен как «*主动脉分支*» (*zhǔdòngmài fēnzhī* — «ответвление аорты»), и для усиления когнитивного восприятия добавляется комментарий: «*形似树枝结构*» — «по форме напоминает ветвистую структуру дерева». Эта пояснительная вставка восстанавливает зрительно-пространственный

образ термина и облегчает его усвоение в китайской когнитивной системе.

Так, упомянутые стратегии позволяют сохранить когнитивную глубину и метафорическую природу русских медицинских терминов, адаптируя их к нормам и восприятию целевого языка. Ключевой задачей переводчика становится не просто передача содержания, а воссоздание ментального образа, заложенного в оригинале — с опорой на принципы концептуального соответствия, прагматического кодирования и когнитивного картирования.

Особое внимание заслуживают случаи, когда метафорические выражения в процессе терминологизации утратили образность и стали формально нейтральными. Эта латентная метафоричность требует от переводчика высокой этимологической осведомленности и способности к историко-семантической реконструкции. Если скрытая метафора не распознана, существует риск утраты концептуальной глубины термина или искажения культурных ассоциаций.

Таким образом, для качественного перевода русских метафорических медицинских терминов на китайский язык переводчик должен выстроить когнитивную траекторию перевода, включающую пять ключевых этапов:

1. Активация схемы и распознавание метафоры.
2. Интеграция понятий и языковая перестройка.
3. Комбинация транслитерации и пояснительной передачи.
4. Встраивание термина в профессиональный дискурс и системное соответствие.
5. Осознание процесса терминологизации и этимологический анализ.

Итак, перевод метафорических медицинских терминов — это не просто переводческий акт, а сложный процесс когнитивной обработки, межкультурного моделирования и междисциплинарного синтеза. Только в результате синергии языковых знаний, когнитивных стратегий и медицинской эрудиции можно обеспечить научную точность, культурную совместимость и межъязыковую транспарентность медицинской терминологии.

Когнитивная деконструкция медицинских метафор: примеры и стратегии

Чтобы показать, как работает когнитивная стратегия перевода метафор, рассмотрим примеры из реальных медицинских текстов. В каждом случае проведем анализ когнитивной структуры, возмож-

ной ошибки при дословном переводе и предложим оптимальное решение с пояснением.

Пример 1: «Сердце не справляется с нагрузкой»

Контекст: описание состояния при сердечной недостаточности.

Когнитивная модель в русском: сердце представляется как работник или механизм, который «перенапрягается» → схема «ОРГАН КАК ТРУЖЕНИК/МЕХАНИЗМ».

Потенциальный дословный перевод: 心脏不能胜任负荷 (*сердце не справляется с нагрузкой*) — вызывает недоумение, звучит неестественно, особенно в научном стиле.

Когнитивная стратегия: перекодирование метафоры с сохранением ее функционального значения.

Оптимальный вариант: 心力衰竭 (букв. «сердечная сила ослабевает»), при необходимости можно добавить пояснение: 即心脏泵血功能不足 — «то есть недостаточность насосной функции сердца».

- Стратегия: переконцептуализация + пояснительная калька, с акцентом на функцию органа, а не на образ «перегруженного работника».

Пример 2: «Органы пищеварения образуют единый тракт»

Когнитивная модель: пищеварение воспринимается как дорога, по которой движется пища → схема «ПИЩА — ПУТНИК / ТРАКТ — МАРШРУТ».

Возможный дословный перевод: 消化器官形成一个整体的管道 (*органы формируют единый канал*) — в китайском это может звучать избыточно или путано.

Оптимальный перевод: 消化道是一个连续的系统 (*пищеварительный тракт — это непрерывная система*).

Комментарий: здесь можно добавить сноску: «消化道”直译为» *пищеварительный путь/тракт*», 包含了“行走路线”这一图式, 但在中文中已习惯作为医学术语使用.

- Стратегия: сохранение метафоры + уточнение в комментарии, так как в китайской медицине термин «道» (путь) также символически нагружен.

Пример 3: «Печень фильтрует токсины»

Когнитивная модель: печень = фильтр / устройство очистки, токсины — загрязнения → схема «ОРГАН — МАШИНА / ТЕЛО — ЗАВОД».

Ошибочный дословный перевод: 肝脏过滤毒素 — может быть понят, но нарушает стилистическую норму китайского медицинского дискурса.

Корректный подход: 肝脏具有解毒功能 (*печень обладает функцией детоксикации*).

- Когнитивная стратегия: замена метафоры на функциональное определение, потому что китайская медицинская терминология предпочитает глагольные структуры с функцией, а не технические метафоры.

Пример 4: «Иммунитет дает сбой»

Когнитивная модель: иммунитет = программа / система / компьютер, «дает сбой» — технический сбой → схема «ТЕЛО — ТЕХНОЛОГИЯ».

Неподходящий дословный перевод: 免疫系统出错了 (*иммунная система ошиблась*) — звучит по-бытовому и недостаточно профессионально.

Профессиональный вариант: 免疫功能紊乱 (*нарушение иммунной функции*) или 免疫失调 (*дисрегуляция иммунитета*).

- Стратегия: семантическая нейтрализация метафоры с заменой на клинический термин.

Каждый из приведенных примеров показывает, что перевод медицинских метафор требует когнитивного анализа образа, его функционального значения и соответствия понятийной системе китайского языка. Применение стратегий — таких как переконцептуализация, пояснительная калька, сохранение культурно узнаваемых образов с пояснением — позволяет не только сохранить точность, но и сделать перевод понятным и профессиональным.

Заключение

Когнитивный подход к переводу русской медицинской терминологии на китайский язык позволяет рассматривать перевод не просто как техническую операцию, а как процесс глубокой концептуальной реконструкции. В ходе исследования было показано, что для точной передачи терминов переводчику необходимо не только знание лексических и грамматических структур, но и владение целым рядом когнитивных стратегий — от семантического анализа и морфологического прогнозирования до осмысленной интерпретации и межкультурной адаптации.

Каждая из рассмотренных моделей — словообразование, терминологизация, аббревиация и метафоризация — предъявляет особые требования к когнитивной компетенции переводчика. Успешный перевод невозможен без умения распознавать не только формальные признаки термина, но и встроенные в него знания, концепты и ассоциации. Особенно важно это при передаче метафор и терминов с высокой степенью образности или омонимии — в таких случаях дословный перевод может нарушить семантическую точность и концептуальную глубину.

Предложенные в работе стратегии — такие как концептуальное развертывание, пояснительное калькирование, прагматическая адаптация и построение терминологических карт — представляют собой гибкий и многоуровневый инструмент. Их применение позволяет не только обеспечить точность перевода, но и сохранить прозрачность и функциональность термина в рамках китайского профессионального дискурса.

Таким образом, профессиональный перевод медицинской терминологии требует синтеза лингвистической подготовки, когнитивного анализа и чувствительности к межкультурным различиям. Результаты данного исследования могут быть полезны в образовательных программах по подготовке медицинских переводчиков, при создании специализированных глоссариев, а также при разработке адаптированных методик обучения, учитывающих специфику когнитивных процессов в межъязыковой медицинской коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбаева С.С., Авраменко А.А. Особенности перевода аббревиатур в англоязычных медицинских текстах // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2. С. 911–918.
2. Бекшиева Е.В. Основные направления медицинского терминоведения // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. С. 260–264.
3. Буданова Н.А. Терминологизация как способ пополнения медицинской лексики русского языка XIX века // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 298–302.
4. Ван Инь. Переводология сознания. Кн. 2. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2021.
5. Ван Инь. Новый взгляд на процесс перевода с позиции когнитивной лингвистики = Wang Yin. A New Perspective on the Translation Process Based on Cognitive Linguistics // Перевод на китайском языке (中国翻译). 2017. № 6.
6. Вэнь Сюй, Сюэ Кайжун. Когнитивная переводология. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2019.
7. Вэнь Сюй, Юй Пин, Сы Вэйго. Категориальные преобразования в переводе и их когнитивное объяснение = Wen Xu, Yu Ping, Si Weiguo. Category Trans-

formation in Translation and Its Cognitive Interpretation // Перевод на китайском языке (中国翻译). 2019. № 3.

8. Чжан Цзяхуа. Общая теория современного русского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2006.

9. Ли Чанбао, Ван Жожань. К анализу вклада медицинских переводов Хэсинь в развитие западной медицины в Китае // Шанхайский перевод. 2020. № 1. С. 45–48.

10. Лу Вэйчжун. Новый исследовательский подход в переводоведении: обзор когнитивной переводологии = Lu Weizhong. A New Paradigm in Translation Studies: A Review of Cognitive Translation Research // Преподавание и исследование иностранных языков (外语教学与研究). 2013. Т. 45, № 4. С. 606–616.

11. Лю Хуа Вэнь. Интегративная и редукативная когнитивная проекция в англо-китайском переводе // Журнал Иностранных языков НОАК. 2003. № 5. С. 55–59.

12. Покровский В.И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Медицина, 2001.

13. Смирнова Е.В. Метафора как способ образования терминов в кардиологической лексике // Вестник Адыгейского госуниверситета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 149–152.

14. Сюн Бин. Путаница понятий в исследовании перевода (на примере стратегии, метода и техники перевода) // Китайский перевод. 2014. № 3. С. 82–88.

15. У Ичэн. Когнитивная направленность в исследованиях перевода = Wu Yicheng. Cognitive Orientation in Translation Studies // Иностранные языки (外国语). 2000. № 5. С. 55–61. (общий выпуск № 129).

16. Цзэн Цзяньпин. Аббревиатуры в китайском языке и их перевод // Китайский научно-технический перевод. 2003. № 2. С. 58–61. DOI: 10.16024/j.cnki.issn1002-0489.2003.02.017

17. Чжан Гуанлинь, Сюэ Яхун. Когнитивный взгляд на метафору и стратегии ее перевода = Zhang Guanglin, Xue Yahong. A Cognitive View of Metaphor and Strategies for Its Translation // Вестник Северо-восточного педагогического университета (философия и социальные науки) = Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences). 2009. № 4. С. 185–188 (общий выпуск № 240). DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.2009.04.011

18. Чжоу Хунминь. О когнитивном механизме метафорического перевода // Преподавание иностранных языков. 2004. № 1. С. 60–63. DOI: 10.16362/j.cnki.cn61-1023/h.2004.01.015.

Ju Yunsheng

COGNITIVE STRATEGIES FOR TRANSLATING RUSSIAN MEDICAL TERMINOLOGY INTO CHINESE

Shanghai International Studies University, Shanghai, China; 2023017@shisu.edu.cn

Abstract. This article explores cognitive strategies for translating Russian medical terminology into Chinese. The aim of the study is to identify and classify

approaches that ensure precise and conceptually adequate rendering of medical terms in the context of linguistic and cultural asymmetry. The research employs methods of cognitive and contrastive analysis, translation studies approaches, examination of lexical formation models, as well as analysis of corpus data and medical reference materials.

The study investigates four key mechanisms of term formation: word formation, terminologization of common language units, abbreviation, and metaphorization. For each mechanism, relevant cognitive translation strategies are identified, including conceptual expansion, explicative calquing, and the construction of cross-linguistic terminological maps that reflect differences in cognitive models.

Special attention is given to challenges arising from the translation of homonymous and latent metaphorical units, as well as culturally marked terms. The article introduces the concept of conceptual adaptation—the process of integrating a medical concept into a different linguistic and cultural worldview, based on cognitive models such as frames and prototype schemas.

The findings confirm that high-quality medical translation is only possible through the integration of linguistic knowledge, a cognitive approach to meaning modeling, and professional understanding of the specialized domain. The proposed strategies may be applied in translator training programs and in the practice of medical and scientific translation between Russian and Chinese.

Keywords: medical terminology, cognitive strategies, Chinese language, terminologization, abbreviation, metaphor, translation, conceptualization, cross-cultural approach

For citation: Ju Yunsheng (2025) Cognitive strategies for translating Russian medical terminology into Chinese. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 96–119. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-6 (In Russ.)

About the author: Ju Yunsheng — Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Shanghai international University; 2023017@shisu.edu.cn

REFERENCES

1. Barbazeva S.S., Avramenko A.A. 2011. Osobennosti perevoda abreviyatur v angloyazychnykh meditsinskikh tekstakh [Features of Translating Abbreviations in English-Language Medical Texts]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 2, pp. 911–918. (In Russ.)
2. Bekisheva E.V. 2013. Osnovnye napravleniya meditsinskogo terminovedeniya [Main Directions of Medical Terminology Studies]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 4, pp. 260–264. (In Russ.)
3. Budanova N.A. 2015. Terminologizatsiya kak sposob popolneniya meditsinskoy leksiki russkogo yazyka XIX veka [Terminologization as a Method of Enriching Russian Medical Vocabulary of the 19th Century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 3, pp. 298–302. (In Russ.)

4. Liu Huawen. 2003. Ying-Han fanyi zhong de renzhi yingshe yu huanyuan yingshe [Cognitive Mapping and Reverse Mapping in English-Chinese Translation]. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, no. 5, pp. 55–59. (In Chinese)
5. Li Changbao, Wang Ruoran. 2020. K analizy vkladu meditsinskikh perevodov Khesin' v razvitiye zapadnoy meditsiny v Kitae [On the Contribution of Heshin's Medical Translations to the Development of Western Medicine in China]. *Shanghai Translation*, no. 1, pp. 45–48. (In Chinese)
6. Lu Weizhong. 2013. Novyy issledovatel'skiy podkhod v perevodovedenii: obzor kognitivnoy perevodologii [A New Paradigm in Translation Studies: A Review of Cognitive Translation Research]. *Foreign Language Teaching and Research* (外语教学与研究), vol. 45, no. 4, pp. 606–616. (In Chinese)
7. Pokrovskiy V.I. 2001. *Entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov* [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms]. Moscow: Meditsina. (In Russ.)
8. Smirnova E.V. 2011. Metafora kak sposob obrazovaniya terminov v kardiologicheskoy leksike [Metaphor as a Way of Forming Terms in Cardiological Vocabulary]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 2, pp. 149–152. (In Russ.)
9. Xiong Bing. 2014. Putanitsa ponyatiy v issledovanii perevoda (na primere strategii, metoda i tekhniki perevoda) [Confusion of Concepts in Translation Research (Strategy, Method and Technique)]. *Chinese Translation*, no. 3, pp. 82–88. (In Chinese)
10. Zeng Jianping. 2003. Abbreviatury v kitayskom yazyke i ikh perevod [Abbreviations in Chinese and Their Translation]. *Chinese Scientific and Technical Translation*, no. 2, pp. 58–61. DOI: 10.16024/j.cnki.issn1002-0489.2003.02.017 (In Chinese)
11. Zhang Jiahua. 2006. *Obshchaya teoriya sovremennogo russkogo yazyka* [General Theory of Modern Russian Language]. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)
12. Wang Yin. 2017. Novyy vzglyad na protsess perevoda s pozitsii kognitivnoy lingvistiki [A New Perspective on the Translation Process Based on Cognitive Linguistics]. *Chinese Translators Journal* (中国翻译), no. 6. (In Chinese)
13. Wang Yin. 2021. *Perevodologiya soznaniya. Kn. 2* [Translation Studies of Consciousness. Vol. 2]. Beijing: Peking University Press. (In Chinese)
14. Wen Xu, Xiao Kaijun. 2019. *Kognitivnaya perevodologiya* [Cognitive Translationology]. Beijing: Peking University Press. (In Chinese)
15. Wen Xu, Yu Ping, Si Weiguo. 2019. Kategoriyal'nye preobrazovaniya v perevode i ikh kognitivnoe obyasnienie [Category Transformation in Translation and Its Cognitive Interpretation]. *Chinese Translators Journal* (中国翻译), no. 3. (In Chinese)
16. Wu Yicheng. 2000. Kognitivnaya napravlennost' v issledovaniyakh perevoda [Cognitive Orientation in Translation Studies]. *Foreign Languages* (外国语), no. 5 (Total Issue No. 129). (In Chinese)
17. Zhang Guanglin, Xue Yahong. 2009. Kognitivnyy vzglyad na metaforu i strategii yeye perevoda [A Cognitive View of Metaphor and Strategies for Its Translation]. *Journal of Northeast Normal University (Philosophy and Social Sciences)*, no. 4 (Total Issue No. 240). DOI: 10.16164/j.cnki.22-1062/c.2009.04.011 (In Chinese)

18. Zhou Hongmin. 2004. O kognitivnom mekhanizme metaforicheskogo perevoda [On the Cognitive Mechanism of Metaphorical Translation]. *Teaching Foreign Languages*, no. 1, pp. 60–63. DOI: 10.16362/j.cnki.cn61-1023/h.2004.01.015 (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 15.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 13.05.2025;
approved after reviewing 15.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

М.М. Раевская

КОММЕМОРАЦИЯ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО МОНАРХА: ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ И КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; mraevskaya@gmail.com

Аннотация. Коммеморативный дискурс государственного лидера, будучи средоточием мемориальной культуры национальной аудитории, являет собой концептуальное и языковое единство, способное определять векторы национальной идеологии и логику социального бытия. В фокусе исследования находятся коммеморативные акты институциональной коммуникации Филиппа VI, их коммуникативные параметры и дискурсивные компоненты. В статье предпринята попытка выявить особенности вербализации интенционально обусловленных лингвокогнитивных паттернов памяти в институциональном дискурсе Филиппа VI на уровне избираемых языковых средств (языковых форм и стратегий), а также определить принципы отбора мнемического содержания, обосновывающие его модификацию. Исследование выполнено с учетом теоретических положений, выдвинутых в работах, которые относятся к таким направлениям, как *memory studies* и *лингвомнемология*. За основу взято рассмотрение публичной коммеморации как целенаправленной государственной политики по актуализации референциального события/имени в национальной коллективной памяти, представляющей собой базисную составляющую коммуникативной практики монарха.

Ключевые слова: коммеморация, мемориальный дискурс, публичный дискурс, испанская монархия, Филипп VI, историческая коллективная память, исследования памяти, лингвомнемология

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-7

Раевская Марина Михайловна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; mraevskaya@gmail.com

© Раевская М.М., 2025

Для цитирования: Раевская М.М. Коммеморативные практики в дискурсе современного испанского монарха: языковая объективация и коммуникативно-прагматический контекст // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 120–136. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-7

Дискурс власти в исполнении первых лиц государства, по сути, представляет собой практику руководства, контроля и манипуляции чувствами, поведением и мышлением людей, в которую встроены когнитивные механизмы трансляции и актуализации образов прошлого. Данные цели прежде всего преследует так называемый коммеморативный дискурс государственного лидера, который, будучи средоточием мемориальной культуры национальной аудитории, является собой концептуальное и языковое единство, способное определять векторы национальной идеологии и логику социального бытия.

Обращение к памятным событиям, персоналиям и связанным с ними местам является закономерной традицией в коммуникативной практике любого политика и не только отсылает к коллективной исторической памяти, но, прежде всего, является ресурсом трансляции ценностных и идеологических установок общества. Именно поэтому *коммеморативный* дискурс, иначе называемый *мемориальным*, всегда подвержен политическим веяниям конкретной исторической эпохи и непосредственно соприкасается с исследованиями *коллективной исторической памяти* (в том числе *memory studies*), которые образуют особое междисциплинарное пространство, объединяющее лингвистику [Балан, 2023; Беседина, Буркова, 2018; Загряжская, 2019, 2021; Раевская, Селиванова, 2020, 2021; Русакова, 2019; Тивьяева, 2021 и др.], историю [Горин, 2007; Леонтьева, 2011; Лютов, 2017; Мазур, 2013; Макаров, 2014; Нора, 1989; Репина, 2006; Репина, Зверева, Парамонова, 2018; Хальбвакс, 2005; Хаттон, 2003 и др.], социологию [Бегунова, 2017, 2019; Дмитриева, 2015; Григорьев, 2015; Мысливец, Романов, 2018; Репина, 2016; Романова, 2017 и др.], культурологию [Ассманн, 2004; Бахтин, 1975; Брагина, 2007; Лотман, 1992, 2000; Шуб, 2018; Ярская, 2011 и др.], психологию [Выготский, 1982; Леонтьев, 1983; Лурия, 1974; Рикель, Федорова, Бовина, 2021; Роговин, 1966 и др.], философию и политологию [Аникин, 2016; Бараш, 2012; Малинова, 2017; Миллер, 2016; Наумов, 2019; Нелина, 2020; Рикёр, 2004; Русакова, 2022; Токарева, 2021; Шнирельман, 2003 и др.]. При этом *коммеморация* в целом понимается как «совокупность коллективных практик, нацеленных на формирование

согласованных ценностей и моделей поведения посредством их регулярного воспроизведения...» [Разливинская, Тивьяева, 2021: 104].

В рамках дискурсологии как одного из направлений лингвистики принято говорить не только о циркулирующих в национальном пространстве текстах, «за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир» [Степанов, 1995: 43], но и обо всей совокупности дискурсивных практик, реализующихся в устной и письменной формах, в связи с чем в фокус лингвистических и лингвокультурологических исследований по мемориальной тематике попадают все вербальные формы трансляции значимых для социума представлений о прошлом, воспроизводящих коллективную и индивидуальную память о значимых (в том числе и современных) событиях [Балан, 2023; Беседина, Буркова, 2018; Гаспаров, 1996; Загрязкина, 2019, 2021, 2023, 2024; Разливинская, Тивьяева, 2021; Романова, 2011; Шестакова, Котунова, 2021; Amberber, M., 2007; Chafe, 1973; Labov, 1972 и др.]. По мнению И.В. Тивьяевой, в настоящее время можно говорить о формировании *лингвомнемологии* (или *лингвистики памяти*) как нового научного направления, исследующего память во всем спектре ее проявлений как «лингвокогнитивную систему организации личного и коллективного опыта в едином предметном поле» [Тивьяева, 2021: 7]. В данном случае методологическая основа изучения лингвомемориальной проблематики будет базироваться «на принципах когнитивности коммуникации и коммуникативной детерминированности когнитивных процессов» и обеспечит качественное приращение нового знания [там же].

Принимая во внимание утверждение Ю.С. Степанова о том, что «в мире всякого дискурса действуют ... свои правила истинности, свой этикет» [Степанов, 1995: 43], закономерно предположить, что мемориальный дискурс также обладает своим набором характеристик, типологически отличающих его от других разновидностей. Так, например, У. Лабов выделяет следующие облигаторные элементы нарратива воспоминаний, являющие его инвариантный каркас: референт коммеморации (событие/персоналия), время, место, контекст, субъективную оценку [Labov, 1972]. Вариативность в данном дискурсивном типе присуща только лишь идеологически ангажированному выбору референта, отражающему ценностные ориентиры эпохи и политическое целенаправление отправителя, ориентирующегося на его общественную значимость.

Согласно мнению Н.А. Разливинской и И.В. Тивьяевой, мемориальный дискурс отличается «особым составом участников, набором

ценностей и тональностью взаимодействия» [Разливинская, Тивьяева, 2021: 105], а также имеет специфику языковой репрезентации и языкового оформления, коррелирующую с временным и пространственным контекстом его реализации. В частности, в рамках территориальной локации (городское пространство) коммеморативный нарратив, несущий имплицитный идеологический заряд, имеет фиксированный структурно-содержательный формат, предполагающий обязательные пространственную локализацию, временную соотнесенность и атрибуцию своего объекта.

Кроме того, представляется логичным предположение о том, что объект коммеморации может иметь ту или иную степень событийной конкретизации, а его атрибуция — отражать его различный функционал, также зависящий от индивидуального выбора автора устного/письменного текста: природу временных и пространственных указателей, личностные характеристики персоналии-референта, отражающие манеру и фокус взгляда/оценки. В свою очередь выбор тех или иных языковых средств коммеморации на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях также может иметь явную ситуационную и индивидуальную обусловленность.

Объектом настоящего исследования является институциональный дискурс Филиппа VI за период с 19.06.2014 по настоящее время¹, в котором звучит мемориальная тематика (56 текстов публичных выступлений монарха², размещенных на сайте испанского Королевского дома³), а его предметом — дискурсивные компоненты, образующие инвариантный каркас королевской коммеморации и формирующие ее структурно-функциональные и коммуникативные параметры. Цель исследования состоит в выявлении особенностей вербализации интенционально обусловленных лингвокогнитивных паттернов памяти в институциональном дискурсе Филиппа VI на уровне избираемых языковых средств (языковые формы и стратегии), а также определении принципов отбора мнемического содержания, обосновывающих его модификацию.

При этом следует учитывать такую присущую устным выступлениям любого государственного лидера особенность, как эмотивность, которая также может быть проявлена в мемориальном дискурсе на фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом

¹ Март 2025.

² Обычно это выступления, приуроченные к юбилейным/памятным датам, открытию выставок, посещению исторических мест, речи на торжественных церемониях награждения и поминовения, в том числе имеющие в рубрикации специальное название *el acto conmemorativo*.

³ <https://www.casareal.es/ES/Paginas/home.aspx>

и синтаксическом уровнях [Турбина, 2017]. Кроме того, при исследовании памятного дискурса в исполнении политика первого порядка необходимо исходить из того, что его основной целью является «делание» истории, что «придает исторической памяти этическое измерение» [Шестакова, Котунова, 2021: 21], предопределяющее выбор лексических единиц вполне определенной семантики.

В данном исследовании публичная коммеморация рассматривается как целенаправленная государственная политика по актуализации исторического события в коллективной памяти перед самой широкой — национальной — аудиторией, представляющая собой один из главных способов ее форматирования и базисную составляющую коммуникативной практики любого монарха. В этом случае король в силу своего институционального статуса выступает единственным агентом высказывания, говорящим от лица истины и выносящим оценку событиям согласно политически ангажированным представлениям о справедливости [Шестакова, Котунова, 2021: 26].

Для определения принципов отбора мнемического содержания прежде всего следует проследить, какие события находятся в фокусе мемориального нарратива современного испанского короля, так как именно в XXI веке (и конкретно — в 2017 г. после каталонского кризиса) в испанском обществе коллективная историческая память стала объектом, а коммеморативные практики — инструментом государственной политики [Jelin, 2021]. Вышеобозначенный ракурс предполагает рассмотрение коммеморативного дискурса Филиппа VI в рамках внутренней государственной политики в Испании, которая регулируется современным законодательством — *законом об исторической памяти* (*Ley de memoria histórica*, 2007) и *законом о демократической памяти* (*Ley de Memoria Democrática*, 2022), отражающими государственный заказ на формирование культурно-исторического сознания испанского общества в рамках вполне определенного идеологического вектора. По сути оба закона связаны с самым трагическим событием в испанской истории XX века — Гражданской войной 1936–1939 гг., память о которой фактически была изъята из общественного пространства и ограничена личным: закон об *исторической памяти* признал индивидуальное право каждого гражданина Испании на личную и семейную память⁴, а также на возмещение

⁴ Como expresión del derecho de todos los ciudadanos a la reparación moral y a la recuperación de su memoria personal y familiar, se reconoce y declara el carácter

ущерба путем объявления нелегитимности репрессивных органов режима Франко [Балан, 2023: 88]. Новый закон 2021 г. обозначает векторы государственной политики, в силу которого само понятие *демократической памяти* трактуется достаточно широко и «становится решающим элементом в продвижении открытых, инклюзивных и плюралистических форм гражданства...»⁵ [Ley de memoria democrática, 2022. Preámbulo, I].

Принимая во внимание вышесказанное, а также на основе анализа содержания исследуемого корпуса текстов можно констатировать, что испанский монарх сознательно обходит стороной эту тему, сместив вектор в сторону констатации трагических моментов в жизни испанского общества, находившегося в состоянии раскола и принесшего великую жертву. Иногда король подает эту идею в завуалированной форме, вынужденно констатируя «разделение общества, ставшее причиной многих ошибок в нашей истории»:

... la división, que ha sido la causa de muchos errores en nuestra historia; que abrió heridas, fracturó afectos y distanció a las personas (24.12.2023)

Единственный раз тема гражданской войны была одной из главных в выступлении монарха перед Конгрессом депутатов в 2017 году, на праздновании 40-летия всеобщих выборов 1977 г., когда он назвал Гражданскую войну и диктатуру (без имени Франко) огромной трагедией:

...la Guerra Civil y la dictadura eran ... una inmensa tragedia sobre la que no cabía fundar el porvenir de España (28.06.2017)

Исследование публичных речей Филиппа VI показывает, что тема Гражданской войны и диктатуры Франко присутствует в его институциональном дискурсе исключительно в ответ на запрос глубинного гражданского общества лишь на общем фоне упоминания о пережитых трагических событиях на протяжении всей истории Испании без личностного компонента (имя диктатора не упоминается, как, впрочем, и другие имена, в том числе и имя расстрелянного поэта Ф. Гарсиа Лорки). Фокус подачи информации смещен в сторону констатации связанных с этим отрицательных пережи-

radicalmente injusto de todas las condenas, sanciones y cualesquiera formas de violencia personal producidas por razones políticas, ideológicas o de creencia religiosa, durante la Guerra Civil, así como las sufridas por las mismas causas durante la Dictadura (Ley de memoria histórica, 2007. Artículo 2. Reconocimiento general).

⁵ La memoria se convierte así en un elemento decisivo para fomentar formas de ciudadanía abiertas, inclusivas y plurales, plenamente conscientes de su propia historia, capaces de detectar y desactivar las derivas totalitarias o antidemocráticas que crecen en su seno (Ley de memoria democrática, 2022. Preámbulo, I).

ваемых эмоций — чувства раскола, разобщенности, потерянности, неуверенности, разделяемой скорби и необходимости воздаяния исторической справедливости.

Для создания позитивного эмоционального настроения испанский монарх обращается к более отдаленным событиям, опираясь на их роль в создании государственности и мировой масштаб: в истории Испании таковыми являются *Реконкиста*⁶, открытие Нового Света 1492 г. и кругосветное плавание 1519–1522 гг., чья важность объясняется их основополагающей значимостью для национальной коллективной памяти. Тем не менее темы Реконкисты и открытия Нового Света не присутствуют в текстах королевских речей в силу своей политической неоднозначности: до сих пор эти вопросы вызывают болезненные ощущения у некоторых членов испанского и латиноамериканского общества.

Консолидированное общественное мнение наблюдается по отношению к Кругосветной экспедиции 1519–1522 гг., обозначившей роль Испании для всемирной истории. Король максимально использует это событие как исключительный повод для национальной гордости, называя его *великим и дерзким подвигом, великим достижением всемирной истории*, что является убедительным примером актуализации исторической памяти сквозь призму беспримыслия исторического образа:

No cabe duda, pues, de que la hazaña de Magallanes y Elcano se inscribe en la relación de las grandes conquistas de la Historia universal (08.09.2022)

...conmemoramos una gesta formidable; la de Juan Sebastián Elcano, quien, hace 500 años... completaba la 1ª circunnavegación del globo y abría los horizontes de la Era Moderna... (29.09.2022)

Примеры мемориального дискурса, посвященного известным именам, встречаются в коммуникативной практике современного короля (в том числе и на церемониях вручения национальных премий в сфере литературы и искусства), только если их деятельность/творчество имеет всемирную и национальную проекцию: помимо исторических личностей (Ф. Магеллан, Х. Элькано), в фокусе институциональных речей короля также находятся персоналии, упоминаемые в контексте гражданского движения защиты мира и поддержки жертв терроризма; деятели культуры и искусства — великие поэты, писатели, художники (М. Сервантес, Х. Ортега-и-Гассет,

⁶ Военные действия между христианами и мусульманами в течение почти 800 лет (718–1492 гг.) по отвоеванию земель и восстановлению христианских королевств на территории Пиренейского полуострова.

художник-импрессионист Х. Соролья и др.). Кроме того, в последние четыре послепандемийных года в коммуникативной практике короля появилась такая жанровая и тематическая разновидность институциональных выступлений, как речи на церемонии поминовения жертв пандемии коронавируса, дающие повод не только для коммеморации, но и для демонстрации личной сопричастности с каждым членом социума.

В центре институциональной коммеморации Филиппа, имеющей событийную референцию, значатся памятные даты, связанные с имеющими всемирную и национальную проекцию исторически и сакральными событиями (*Acto institucional posterior al Pleno de la Comisión Nacional del V Centenario, Ofrenda Nacional al Apóstol Santiago, Acto de conmemoración del Año Jacobeo en Roncesvalles*); даты, связанные со вступлением на престол (*19 de junio de 2014*); даты и события, связанные с демократической повесткой дня (*Conmemoración del XL Aniversario de las Elecciones Generales del 15 de junio de 1977, Inauguración de la Conferencia Internacional para conmemorar el “Día Internacional del Parlamentarismo”*), а также культурной и научной деятельностью; юбилеи экономических и коммерческих организаций (*Acto conmemorativo del 40º Aniversario de ICEX*), а также государственных и частных учреждений в сфере науки, просвещения и культуры (*ATENEO de Madrid, universidades*); деятельность благотворительных организаций в области образования, здравоохранения и социального развития; учреждения, реализующие национальные академические исторические и культурные проекты (*Real Academia de Historia*); национальные и частные фонды развития и поддержки культуры, науки и искусства (*Fundación Ortega-Marañón*); памятные даты дворянских и рыцарских организаций Испании (*el 450º Aniversario de la Real Maestranza de Ronda*).

В центре институциональной коммеморации Филиппа, связанной с пространственной локализацией, значатся памятные места, связанные с историческими и сакральными событиями; демократической повесткой дня; культурной и научной значимостью.

Содержательный и структурно-композиционный формат коммеморационного нарратива в публичном институциональном дискурсе испанского монарха включает следующие обязательные позиции:

- темпоральную и пространственную референцию,
- описание объекта коммеморации (лица/события/организации),
- описание заслуг перед обществом,

- благодарность референту коммеморации (лица/организации),
- обращение к обществу.

Результаты исследования структурно-функциональных компонентов, составляющих инвариантный каркас коммеморативных нарративов в публичных речах испанского монарха, позволяют сделать вывод о том, что темпоральная соотнесенность и пространственная локализация получают в них языковую объективацию за счет стереотипных средств. Так, например, темпоральная ориентация эксплицируется при помощи таких разноуровневых единиц, как традиционные лексемы темпоральной семантики (*época, momento, día, década, mañana, mes, semana, instante, lustro, verano, entonces...*); обороты времени (*hace ... años, un año después, desde entonces, desde hace ya casi ... décadas, a las ocho de la tarde*), иногда включающие интенсификаторы параметрической (*hace exactamente ... años*), релятивной (*un momento especial, aquellos días interminables*) и качественной (*estos 25 años de gran trabajo; un día lleno de emoción y recuerdo, de gratitud y de orgullo, y también de esperanza; esas semanas únicas de competición, de concordia y amistad, de tantos valores humanos*) семантики в целях усиления эмоциональной составляющей коммеморативного высказывания; дейктические и посессивные темпоральные локализаторы (*aquella época, esa época, aquellos tiempos, su Bicentenario, en su día...*); выражения, актуализирующие отдаленное во времени событие (*un día como hoy...*); числительные, репрезентирующие даты (*el 10 de agosto de 1519; en 2013; el 27 de diciembre de 2020; una fecha que marca, desde hace 7 años, el inicio de este reinado ...*), исторические номинации (*aquel Año Jacobeo*). Предлогами, по преимуществу оформляющими подобного рода высказывания, являются: *en, a, durante, entre, desde, hasta (desde entonces, durante todo este tiempo...)*.

Средствами пространственной локализации объекта коммеморации в институциональном дискурсе Филиппа выступают такие традиционные лексемы, как *lugar, tierra, casa, sede, cuna, calle, ciudad, camino, enclave, monasterio, palacio, entorno, valle, Fundación, entidad, institución parlamentaria* и другие, иногда имеющие уточняющий адвербиальный или детерминативный элемент (*precisamente aquí, en este mismo lugar, en estos mismos muros, este mismo salón*), номинации самого объекта (*el Espacio Cultural, estas Cámaras, este puerto de Sevilla, el Camino de Santiago, las Cortes leonesas, León, esta Plaza de la Armería del Palacio Real de Madrid, la Ruta Jacobea, esta histórica Catedral Mayor, Barcelona '92, la Real Colegiata y Basílica de San Isidoro ...*), которые за-

частую получают пространственную детализацию (*esta querida tierra extremeña, este mismo lugar, estas paredes, aquí en León*), качественную (*tierra abierta, solidaria, orgullosa de su pasado y comprometida con el futuro; el Ateneo de Madrid ha sido siempre vanguardia de la cultura y la ciencia, refugio para el pensamiento libre, espacio de debate y de encuentro intelectual, emblema de su tiempo*), а также ценностную и иногда одновременно историческую атрибуцию (*este enclave histórico al pie de los Pirineos; Yuste, uno de los lugares clave de la historia de España, de Europa y del mundo...*).

Описание объекта коммеморации (лица/события/организации) представляет собой самую эмоционально насыщенную часть нарратива, которая достигается за счет максимально широкого спектра наиболее ярких характеристик (*apasionante, arriesgado, trágico, formidable, osado, grande, impactante, ambicioso, solidario, el mejor, fructífero, humilde, valiente, mágico, inigualable ...*), несущих позитивный эмоциональный заряд. При этом часто используются приемы преимущественно трехчастного повтора номинаций, объединенных семантикой совместных достижений, действий, общих ценностей и чувств, а также синтаксического параллелизма, вызывающие наиболее сильный эмоциональный резонанс у аудитории:

Todos ellos, supervivientes de una travesía tan apasionante y arriesgada como trágica (08.09.2022)

Barcelona'92 fue un grandísimo éxito colectivo ... un acontecimiento deportivo inigualable ... Barcelona fue una fiesta (26.04.2024)

Отметим, что во всех речах короля четко прослеживается тенденция вписывать коммеморацию религиозных и исторических событий в современный формат и оценивать их в европейской проекции:

El diálogo intercultural entre los peregrinos y las poblaciones locales a lo largo del Camino ha sido siempre “un símbolo de fraternidad” y “un auténtico eje vertebrador” de la conciencia europea (12.07.2021)

Кроме того, в событийных описаниях обращает на себя внимание употребление прошедшего времени Pretérito Imperfecto вместо Pasado Indefinido, обеспечивающее эффект высокого литературного стиля:

Juan Sebastián Elcano ... hace 500 años ... completaba la 1ª circunnavegación del globo y abría los horizontes de la Era Moderna (08.09.2022)

Следующий обязательный компонент коммеморационного нарратива — описание заслуг перед обществом — может иметь как национальную, так и мировую проекцию:

...la hazaña de Magallanes y Elcano se inscribe en la relación de las grandes conquistas de la Historia universal (08.09.2022)

Delors, el arquitecto visionario que ayudó a construir una Europa con alma y que sentó las bases de algunos de los logros más destacados del proyecto europeo... (14.06.2024)

Благодарность референту коммеморации (лица/организации) обычно выражается как в начале выступления — в связке с приветствием, так и в заключительной части в рамках конвенциональных форм:

Antes de nada, muchas felicidades por estos 25 años de gran trabajo (28.05.2024)

A todos ellos ... queremos transmitirles nuestro sincero reconocimiento (12.07.2021)

Обращение к обществу, в обязательном порядке предусмотренное форматом коммеморативного нарратива, реализуется в рамках дискурсивных стратегий, коррелирующих с тематикой памятного события, и эксплицируется в публичной институциональной коммуникации Филиппа в глагольных формах 1 лица множественного числа для выражения коллективной благодарности. Так, например, на церемониях поминовения жертв пандемии COVID-19 и терроризма, имеющих трагическую тональность, доминируют стратегии *помним и скорбим, помним и благодарим, помним и не забудем*:

...el homenaje sentido y emocionado de una Nación que nunca olvidará a las víctimas de la pandemia... Aquellos aplausos de gratitud son hoy aplausos para el recuerdo (15.07.2022)

Todos en nuestras sociedades debemos agradecer la generosidad y el enorme esfuerzo de las víctimas... Todas ellas cuentan con nuestro máximo respeto (11.03.2024)

В подобного рода выступлениях, являющихся примером *дискурса солидарности* в современной коммуникативной практике монарха, высшая степень патетического накала достигается за счет развернутой линейки лексем *бенефактивной оценочной и эмотивной* семантики, придающих речи исключительную эмоциональную модальность. В них максимальное психологическое созвучие адресанта с аудиторией достигается за счет стилистического приема повтора семантически близких лексем и идей [Раевская, 2021: 102]:

Quiero recordar, en 1er lugar, a los fallecidos; transmitir a sus familiares nuestro profundo pesar y consuelo más sincero; todo nuestro afecto y el abrazo más emocionado. No están solos en su dolor; es un dolor que compartimos; su duelo es el nuestro, que aquí se hace presente ante todos los españoles (16.07.2020)

Кроме того, обращает на себя внимание повышение градуса эмоционального воздействия при выражении признательности гражданскому обществу за счет встроженных в конвенциональные формулы благодарности лексем-интенсификаторов параметрической семантики (*infinito, profundo, grande, mayor, inmenso, total, todo, muy sentido, emocionado, de corazón*) [Раевская, 2021: 101]:

A todos os envío especialmente hoy mi mayor ánimo y afecto (24.12.2020)

В публичных речах по случаю юбилеев, награждений и других памятных событий, связанных с культурой, искусством и историей Испании, ярко проявлены стратегии *помним и гордимся, ценим и гордимся*:

Y este es el sentido que queremos dar a esta fecha: un día para el reconocimiento y la gratitud a las personas que ... sirven ejemplarmente a la sociedad de la que forman parte (18.06.2021)

...en España se valora o valoramos enormemente y de manera muy amplia este ámbito al que se dedica la Fundación (28.05.2024)

При этом во всех коммеморационных речах короля мысль о ценности всегда сопряжена с трудом на благо Испании:

A lo largo de los siglos las Maestranzas habéis contribuido al bienestar de sus habitantes ... Habéis sido ejemplo de lealtad a la Corona y de servicio a España ... (19.04.2023)

Призыв работать на благо общества всегда звучит в заключительной части после обращения к современным референтам коммеморации:

...lo primero que quiero hacer es daros la enhorabuena por alcanzar esa edad con pleno provecho en el ejercicio de vuestra importante tarea y responsabilidad buscando el bien común, el beneficio de toda España (28.11.2022)

Animo a todos a seguir trabajando por dichos valores (26.04.2024)

Os animo pues, a continuar con vuestro objetivo fundacional ... por un genérico beneficio mutuo... que tengáis, al menos, otros 25 años de éxitos (28.05.2024)

Результаты проведенного исследования показывают, что мемориальный дискурс современного испанского монарха прежде всего нацелен на регулирование межпоколенческой коммуникации в обществе и является отражением исторической политики правящей элиты, при которой некоторые события намеренно не освещаются. Референт коммеморации представляет собой вариативный компонент, детерминированный историко-политическим контекстом.

Отбор событийных референтов для публичной коммеморации осуществляется с учетом политического целеполагания, в силу чего до настоящего времени в речах короля не были представлены две темы — Реконкиста и Гражданская война 1936–1939 гг. В институциональном дискурсе испанского монарха отдается предпочтение исторически беспроектным событиям, не вызывающим негативных чувств, с обязательным учетом их переживаемости в проекции на поколенческую структуру современного испанского общества, поскольку прошлое связано с различным опытом каждой генерации. При этом несмотря на то, что историческая память испанского общества сопряжена как с позитивными, так и негативными эмоциями, пережитый травматический опыт не персонализирован и передается в коллективной проекции. Целью публичной коммеморации исторического события является поддержка у социума примирительного унастроения на фоне бесконфликтного эмоционального состояния.

При отборе персоналий и институциональных референтов для публичной коммеморации тематический вектор смещен в сторону политически немаркированных имен и названий (деятелей и корпораций), преимущественно представляющих гражданское общество, сферу культуры, искусства и науки, либо лиц и организаций, связанных с демократической политической повесткой. В данном случае основной целью публичной коммеморации испанского монарха является поддержка у социума чувства национальной гордости и патриотического настроения.

Особое место в институциональном дискурсе испанского монарха занимают акты публичной коммеморации на церемониях поминовения жертв терроризма и пандемии, отмеченные максимальной эмоциональной и эмотивной насыщенностью, которая по преимуществу проявлена на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях, чьи средства в совокупности образуют текстометрические параметры данного дискурсивного типа.

В целом исследование лингвокогнитивных паттернов памяти в институциональном дискурсе Филиппа VI позволяет говорить о структурно и композиционно обработанной коммеморативной практике, в которой помимо обязательно обозначенного объекта и его атрибуции задействованы стереотипные языковые формы темпоральной и пространственной локализации, а также вполне определенные дискурсивные стратегии, которые могут демонстрировать интерференцию и сообщать соответствующую тональность выступлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балан Е.Г.* Языковая репрезентация культурно-исторической памяти в концептосфере испанского языка // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2023.
2. *Загряжкина Т.Ю.* Динамика символизации культуры: от мест памяти к местам перехода (на примере франкоязычных научных дискурсов) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 37–48.
3. *Загряжкина Т.Ю.* Аспекты культурной идентичности французов сквозь призму языка (на примере лексем PAYS-PAYSAGE-TERROIR-VILLAGE) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 106–123.
4. *Раевская М.М.* Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 95–108.
5. *Раевская М.М., Селиванова И.В.* Институциональный дискурс современной испанской монархии: стратегии и тактики воздействия в публичных выступлениях Филиппа VI // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 4. С. 810–830.
6. *Разливинская Н.А., Тивьяева И.В.* Коммеморативные практики в дискурсивном пространстве города: историко-политический аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 104–113.
7. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
8. *Турбина О.А.* Лингвистическая дискурсология и единицы дискурс-анализа: дискурс-компонент // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2017. Т. 14, № 2. С. 44–49.
9. *Шестакова М.А., Котунова О.В.* Формирование исторической памяти этико-дискурсивными средствами // Ценности и смыслы. 2021. № 6 (76). С. 21–33.
10. *Jelin E.* Los trabajos de la memoria / E. Jelin. — 1ª ed. — Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2021. <https://www.uepc.org.ar/conectate/wp-content/uploads/2015/04/Trabajos-de-memoria-jelin.pdf> (дата обращения: 21.06.2024)
11. *Labov W.* The Transformation of Experience in Narrative Syntax. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
12. *Ley 20/2022*, de 19 de octubre, de Memoria Democrática. <https://www.boe.es/buscar/pdf/2022/BOE-A-2022-17099-consolidado.pdf> (дата обращения: 10.06.2024)
13. *Ley, 52/2007*, de 26 de diciembre, de Memoria Histórica. <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-22296> (дата обращения: 10.06.2024)
14. *Тивьяева И.В.* Linguistic Memory Studies: Track Record and Prospects. *Ezikov Svyat*. 2021. № 19 (2). Pp. 7–14.

Marina M. Raevskaya

**COMMEMORATIVE PRACTICES OF THE MODERN
SPANISH MONARCHY: LINGUISTIC OBJECTIFICATION
AND COMMUNICATIVE-PRAGMATIC CONTEXT
IN FELIPE VI'S SPEECHES**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
mraevskaya@gmail.com

Abstract. The commemorative discourse of the state leader, reflecting the memorial culture of the national audience, is a conceptual and linguistic unity capable of determining the vectors of national ideology and the social existence logic. The study focuses on the commemorative acts of Philip VI's institutional communication, their communicative parameters and discursive components. The present article attempts to identify the verbalisation peculiarities of the intentionally conditioned linguocognitive patterns of memory in the Philip VI's institutional discourse at the level of selected linguistic means (linguistic forms and strategies), as well as to determine the principles of mnemonic content selection that justify its modification. The research is carried out taking into account the theoretical approaches adopted in the *memory studies* and *linguomnemology*. Public commemoration as a basic component of the monarch's communicative practice is considered to be a purposeful state policy aimed at actualizing a reference event/name in the national collective memory.

Keywords: commemoration, memorial discourse, public discourse, Spanish monarchy, Philip VI, historical collective memory, memory studies, linguomnemology

For citation: Raevskaya M.M. (2025) Commemorative practices of the modern Spanish monarchy: linguistic objectification and communicative-pragmatic context in Felipe VI's speeches. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 120–136. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-7 (In Russ.)

About the author: Marina M. Raevskaya — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of Spanish Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, mraevskaya@gmail.com

REFERENCES

1. Balan E.G. 2023. *Yazykovaya reprezentaciya kul'turno-istoricheskoy pamyati v konceptsfere ispanskogo yazyka* [Linguistic Representation of Cultural and Historical Memory in the Spanish Conceptosphere]. Thesis for Candidate degree in Philological Sciences. Moscow. (In Russ.)

2. Zagryazkina T.Yu. 2023. Dinamika simvolizacii kul'tury: ot mest pamyati k mestam perekhoda (na primere frankoyazychnyh nauchnyh diskursov) [Dynamics of cultural symbolisation: from places of memory to places of transition (on the example of French-speaking scientific discourses)]. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 1, pp. 37–48. (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 2024. Aspekty kul'turnoj identichnosti francuzov skvoz' prizmu yazyka (na primere leksem PAYS-PAYSAGE-TERROIR-VILLAGE) [Aspects of French cultural identity through the prism of language (on the example of lexemes PAYS-PAYSAGE-TERROIR-VILLAGE)]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1, pp. 106–123. (In Russ.)
4. Raevskaya M.M. 2021. Diskurs vlasti v sovremennom mire: social'no-orientirovannaya kommunikaciya ispanskoj monarhii [Discourse of Power in the Modern World: Socially Oriented Communication of the Spanish Monarchy]. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 4, pp. 95–108. (In Russ.)
5. Raevskaya M.M., Selivanova I.V. 2021. Institucional'nyj diskurs sovremennoj ispanskoj monarhii: strategii i taktiki vozdejstviya v publicznyh vystupleniyah Filippa VI [Institutional discourse of the modern Spanish monarchy: strategies and tactics of influence in the public speeches of Philip VI]. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, no. 4, pp. 810–830. (In Russ.)
6. Razlivinskaya N.A., Tivyayeva I.V. 2021. Kommemorativnye praktiki v diskursivnom prostranstve goroda: istoriko-politicheskii aspekt [Commemorative practices in the discursive space of the city: historical and political aspect]. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, no. 4, pp. 104–113. (In Russ.)
7. Stepanov Y.S. 1995. Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i princip Prichinnosti [Alternative World, Discourse, Fact and the Principle of Reasoning]. *Language and Science at the End of the Twentieth Century. Collection of articles*. M.: RGGU, pp. 35–73. (In Russ.)
8. Turbina O.A. 2017. Linguistic discoursology and the units of discourse analysis: discourse-component [Linguistic Discoursology and Units of Discourse Analysis: Discourse Component]. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, vol. 14, no. 2, pp. 44–49. (In Russ.)
9. Shestakova M.A., Kotunova O.V. 2021. Formirovanie istoricheskoi pamyati etiko-diskursivnymi sredstvami [Formation of historical memory by ethical and discursive means]. *Values and Meanings*, no. 6 (76), pp. 21–33. (In Russ.)
10. Jelin E. 2021. *Los trabajos de la memoria* / E. Jelin. — 1ª ed. — Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica. <https://www.uepc.org.ar/conectate/wp-content/uploads/2015/04/Trabajos-de-memoria-jelin.pdf> (accessed: 21.06.2024) (In Spanish)
11. Labov W. 1972. *The Transformation of Experience in Narrative Syntax*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. <http://filosofia.dipafilo.unimi.it/bonomi/Labov%20I.pdf> (accessed: 15.06.2024)
12. Ley 20/2022, de 19 de octubre, de Memoria Democrática. <https://www.boe.es/buscar/pdf/2022/BOE-A-2022-17099-consolidado.pdf> (accessed: 10.06.2024) (In Spanish)

13. Ley, 52/2007, de 26 de diciembre, de Memoria Histórica. <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-22296> (accessed: 10.06.2024) (In Spanish)

14. Tivyayeva I.V. 2021. *Linguistic Memory Studies: Track Record and Prospects*. *Ezikov Svyat*, no. 19 (2), pp. 7–14. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.04.2025;
одобрена после рецензирования 10.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 17.04.2025;
approved after reviewing 10.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

Л.И. Богданова, Сюй Лиюнь

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЧЕРТЫ ОБРАЗА УЧИТЕЛЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; libogdanova1@mail.ru

Нанкинский университет, Нанкин, Китай; jsxuliyun@126.com

Аннотация. В статье рассматриваются этнокультурные черты образа учителя, выявленные на основе анализа языковых данных русского и китайского языков. Исследование выполнено на материале словарей и текстовых корпусов двух языков. Цель работы — определить общие и национально-специфические черты в формировании образа учителя в русском и китайском языках. Объектом исследования являются дефиниции слов *учитель/учительница* в словарях двух языков, а также сравнения, пословицы, поговорки, прецедентные высказывания об учителе в русской и китайской лингвокультурах. Национально-культурное кодирование образа учителя происходит также с помощью ряда культурных эталонов, которые по-разному отражают доминантные признаки данного понятия как социокультурной ценности, характеризующей русскую и китайскую культуры. В ходе исследования установлено, что в русском языке слова *учитель* и *учительница* имеют различия в плане оценочно-ценностной концептуализации. По сложившейся традиции обучение в современных российских школах в основном связано с образом женщины, т.е. учительницы. В китайской культуре учитель в гендерном плане по традиции нередко описывается как мужчина, благородный муж. В китайской культуре и в её языковом отражении образ учителя занимает прочные, незыблемые позиции, определяемые идеями Конфуция. В русской лингвокультуре образ учителя получает дополнительные коннотации, обусловленные социально-экономическими факторами. Результаты данного исследования могут быть использованы в лексикографической практике и при обучении русскому и китайскому языкам.

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; libogdanova1@mail.ru

Сюй Лиюнь — преподаватель Нанкинского профессионального института железнодорожных технологий, докторант Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР, г. Нанкин); jsxuliyun@126.com

© Богданова Л.И., Сюй Лиюнь, 2025

Ключевые слова: русский язык; китайский язык; образ учителя; культурный эталон; когнитивная метафора; национально-культурный компонент; культурная трансмиссия

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-8

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Богданова Л.И., Сюй Лиюнь. Национально-культурные черты образа учителя в русском и китайском языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 137–155. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-8

Введение

Учитель — одно из важнейших понятий, характерное ещё для древних цивилизаций. Уже тогда учитель имел высокий статус, пользовался уважением, поскольку обладал мудростью и знаниями, которые он передавал своим ученикам. В русской культуре тоже сложилась традиция относиться к учителю с глубоким почтением. Однако в настоящее время есть некоторые опасения, связанные с падением престижа профессии учителя / преподавателя в российском обществе. Деятельность педагога нередко рассматривается всего лишь как образовательная услуга. Кроме того, в новых условиях на формирование личности ребёнка в определённом смысле стал влиять искусственный интеллект. Всё это делает изучение образа учителя важной актуальной задачей. Особенно плодотворны в этом смысле сопоставительные исследования, в частности, сравнение с китайским обществом, в котором учитель, согласно конфуцианской традиции, всегда имел и продолжает иметь очень высокий социальный статус.

Роль учителя и преподавателя в образовательном (педагогическом, академическом) дискурсе может рассматриваться в научной литературе в рамках взаимодействия «Учитель — Ученик» [Карасик, 2000; Молчанова, 2022 и др.]. «Учитель» как концепт и как лингвокультурный типаж неоднократно становился предметом специального исследования в [Еркович, 2018; Кан, 2015 и др.], однако субъективные оценочно-ценностные смыслы, связанные с формированием образа учителя, далеко не всегда оказывались в центре внимания лингвистов.

В настоящем исследовании рассматриваются вопросы национально-культурного кодирования доминантных признаков, форми-

рующих образ учителя в русском и китайском языках. Учитываются лексикографический, гендерный, паремиологический, метафорический аспекты изучения данной проблемы. Кроме того, к анализу привлекается языковой материал национальных текстовых корпусов, описывающих социально значимое понятие «учитель» в двух неродственных языках. В задачи работы входит систематизация и обобщение представлений об учителе в двух языках на основе анализа культурных эталонов, способных в сжатом виде хранить и передавать информацию от поколения к поколению [Богданова, Сюй, 2024].

Одним из значимых способов закрепления эталонов в культуре, бесспорно, является метафора. Идеи Лакоффа и Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004], позволяющие выявлять национально-культурную специфику в метафорических моделях, получили развитие в современной лингвистике в трудах многих учёных [Kovecses, 2010; Musolf, 2019 и др.]. Плодотворными в этом плане оказываются результаты когнитивных исследований смыслообразования в теории метафоры [Молчанова, 2023]. Метафора, создавая новое знание, соотносит разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений [Арутюнова, 1990]. Метафоры, формирующиеся на основе стереотипов и образов народного сознания, «задают» культурные эталоны, которые, концентрируя в себе наивысшую степень проявления признака, свойства, качества, становятся знаком этого качества [Телия, 1996]. Метафора создаёт ассоциативное поле «притяжения» с помощью образов, символов, коннотативных намёков и тем самым участвует в закреплении культурного опыта человечества с помощью определённых фреймов [Lakoff, 1986], способствуя тем самым культурной трансмиссии [Богданова, 2022].

Результаты и обсуждение

Для понимания истоков формирования национально-культурной специфики образа учителя необходимо сначала обратиться к лексикографической интерпретации значения слова *учитель* в русском и китайском языках.

Лексикографическое представление слова учитель в русском языке

Учитель в современном русском языке представляет собой производное существительное от глагола *учить*, образованное

с помощью суффикса *-тель*. Этимологические словари¹ связывают происхождение слова *учить* с древнерусским словом *укъ* в значении 'учение'. Согласно М. Фасмеру, праславянское *učiti связано чередованием гласных с *уукнѣти (выкнуть), что, в свою очередь, может обеспечиваться за счёт упражнений. Древний корень *-ук-/-вык-* представлен в современных словах *наука, привыкнуть, привычка* и др. Слово *учитель* в Древней Руси обозначало духовного наставника, Учителя добродетели, и связывалось с именем Иисуса Христа. Людей, которые обучали грамоте, в древности называли *мастерами грамоты*.

В словаре В.И. Даля² слова *учитель / учительница* объясняются в словарной статье, посвящённой глаголу *учить*, значение которого толкуется через синонимы: '*наставлять, обучать, научать, преподавать, передавать знанье, умение свое другому*'. В этом синонимическом ряду явно обнаруживает себя иерархия отношений, более высокое положение в которой отводится тому, кто учит, а не тому, кто учится. К этому ряду В.И. Даль добавляет также единицы, подчёркивающие насильственно-принудительный характер обучения: '*школить, держать строго, часто наказывая, для нравственного образования, послушания*'. Данные значения в современных словарях признаются устаревшими. Ср. в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (СОШ)³: *учить* — 'бить, наказывать' (устар., прост.): *учить кулаками*. Слово *учитель* зафиксировано в следующих значениях: 1. 'Лицо, которое обучает чему-н., преподаватель'. 2. *высок*. 'Глава учения, человек, который учит, научил чему-н.'⁴ Слово *учительница* не имеет второго, более высокого значения, поэтому основоположника какого-либо учения, даже если им является женщина, нельзя назвать *учительницей*. Кроме того, два значения слова *учитель* в современном русском языке различаются способом образования множественного числа: *учитель — учителей*, если речь идёт о профессии, и *учитель — учителя*, если говорится о духовном наставнике, главе какого-л. учения.

В словаре Д.Н. Ушакова⁵ глагол *учить* имеет специальное значение: 'Быть профессиональным учителем или учительницей'.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь. Электронная версия: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 07.05.2025).

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1999.

³ СОШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

⁴ Там же.

⁵ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 2012.

Большой толковый словарь⁶, кроме стандартного значения ('тот, кто преподаёт какой-л. учебный предмет в школе; преподаватель'), отмечает и другое, оценочное значение: *Учитель* — 'человек, обладающий высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области, имеющий последователей'. В «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова (СРМ)⁷ также подчёркивается важная роль учителя и его высокий авторитет. *Учитель* определяется как 'высокоавторитетный наставник в определенной области науки, имеющий сторонников и последователей, способный передать свои знания ученикам и остаться для них личным примером'⁸.

Лексикографическое представление слова учитель в китайском языке

В китайском языке образ учителя соотносится со словом «师 shī». Обозначение учителя как «师» берёт своё начало в далёкой эпохе трёх самых ранних династий — Ся, Шан и Чжоу. Иероглиф «师» впервые появился в надписях на гадательных панцирях и костях во времена династии Шан (XVII–XIV вв. до н.э.). Первоначально слово «师» использовалось в военной сфере для обозначения одного из подразделений армии. Согласно историческим данным, в древнем Китае чиновники, занимавшие определенную должность, назывались также «师», например, «太师 taishī» — почётный титул старых авторитетных консультантов императора и «乐师 yuèshī» — музыкант при дворе. Одновременно и те, кто обладал специальными знаниями или хорошо разбирался в определенной технологии, также получили название «师», например, *агроном* (农师 nóngshī). Следовательно, некоторые из них обладали богатым опытом, некоторые — превосходными навыками и глубокими знаниями. Они имели потенциальную возможность научить этому других. Таким образом, слово «师» стало использоваться для обозначения человека, обладающего специальными навыками или знаниями, то есть того, кого мы называем учителем, наставником, мастером и т.д. Характерно, что переносное значение этого слова — 'модель, образец'. Используемое в качестве глагола, данное слово приобретает значения 'подражать' или 'учиться'.

С древних времен и до настоящего времени профессия учителя считается самой уважаемой в китайском обществе. Истоки этого

⁶ Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.

⁷ СРМ — Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В двух томах. СПб., 2014.

⁸ СРМ — указ. соч.

можно проследить, начиная с Конфуция (551–479 г. до н.э.), выдающегося китайского философа, который придавал большое значение образованию и роли учителя в этом процессе. Объектами китайских конфуцианских ритуалов были Небо (tiān天), Земля (dì地), Император (jūn君), Родитель (qīn亲) и Учитель (shī师). Учитель при этом воспринимался не только как человек, передающий знания, но и как тот, кто является духовным наставником, кто формирует ум ученика. Конфуций учил, что «из троих всегда найдётся один, у кого можно поучиться» (三人行，必有我师焉) («Лунь Юй»). Здесь слово «师» обозначает того, у кого можно поучиться. В 802 году Хан Юй, мыслитель, писатель и педагог эпохи династии Тан, дал определение слову *учитель*, представив его как ‘человека, который распространяет истину, передает знания и объясняет недоразумения’. В «Древнекитайском словаре»⁹ слово «师» имеет значение ‘учитель’: ср. в древние времена у тех, кто стремился к знаниям, должен был быть учитель (古之学者必有师) (Хан Юй «Ши Шуо»). Кроме того, оно имеет значение ‘образец и пример поведения’: *опыт прошлого — урок для будущего* (前事之不忘，后事之师). Одновременно оно может быть глаголом в значении: 1) ‘учиться и подражать’; 2) ‘следовать за кем-то, как за учителем’.

В «Словаре иероглифов Синьхуа»¹⁰ слово «师» определяется как ‘человек, который передаёт знания и навыки’, а его переносное значение — ‘образец и пример для кого-н.’ Кроме того, слово «师» также обозначает человека, владеющего специализированными технологиями или навыками, например, *инженер* (工程师), *врач* (医), *адвокат* (律师), *парикмахер* (理发师), — все они включают в свой состав элемент «师». В «Современном китайском словаре»¹¹ отмечается также, что слово 师 образует немало словосочетаний, выступающих в роли обращений, основанных на отношениях между учителем и учеником: «*先生 shīshēng* (师徒 shītú)» (учитель и ученики), «*师父 (师长)*» (отец-наставник — вежливое обращение к своему учителю), «*师母*» (магушка-наставница — вежливое обращение к жене учителя) и др. Кроме того, на основе слова «师»

⁹ Древнекитайский словарь (иллюстрированное издание). Коммерческая пресса, 2012. 古代汉语词典编写组.《古代汉语词典（四色插图本）》. 商务印书馆, 2012.

¹⁰ Словарь иероглифов Синьхуа (12-е изд.). Ин-т языкознания Китайской академии социальных наук, 2020. 中国社会科学院语言研究所.《新华字典（第12版）》. 商务印书馆, 2020.

¹¹ Современный китайский словарь (7-е изд.). Ин-т языкознания Китайской академии социальных наук, 2016. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室.《现代汉语词典（第7版）》. 商务印书馆, 2016.

образуются такие словосочетания, которые имеют значения: 1) 'поступать в ученики к кому-л. и учиться у кого-л.' — «拜师», «师承»; 2) 'подражать кому-л., быть последователем' — «师法»; 3) 'пройти обучение чему-л. и стать мастером' — «出师», «满师».

Образ учителя высоко оценивался в прошлом и не утратил своей значимости и ценности в настоящем. В китайском языке профессионала, мастера называют «大师dàshī», а основоположника учения или школы называют «宗师zōngshī» или «祖师zǔshī». Что касается обращения к учителю, то ученики используют «老师lǎoshī» или более вежливый вариант «恩师ēnshī» в значении 'глубокоуважаемый учитель', а также «导师dǎoshī» в значении 'научный руководитель', при этом учитель сам себя обычно называет «为师wéishī».

Итак, изучение способов лексикографической интерпретации слова *учитель* в двух языках показало, что понимание роли учителя, при несомненном её сходстве в двух культурах, имеет и различительные черты. В китайском языке акцент переносится на подражание учителю, а в русском, в соответствии с исторической внутренней формой слова, — связан с повторением, привычкой, упражнением.

В ряде словарей *учитель* получает определение *высокоавторитетный*, что подчёркивает его важную роль в передаче знаний. Особого внимания заслуживает тот факт, что количество единиц китайского языка, включающих элемент «учитель» значительно превышает активность этого слова в русском языке. Если в китайском языке многочисленные обращения строятся с использованием слова *учитель*, то в русском языке в роли обращения (*Учитель!*) это слово употребляется только в высоком смысле.

Гендерный характер образа учителя в русском и китайском языках

В русском языке слово *учитель* в значении духовного наставника традиционно связывалось и связывается до сих пор с мужчиной. В качестве человека, передающего знания, также изначально выступал учитель-мужчина. Однако следует отметить, что важной особенностью древнерусского образования (чаще всего это было монастырское обучение) была его относительная доступность для женщин. Надписи на русских пряслицах и других артефактах свидетельствуют о том, что в древности грамотными были женщины различных слоев населения. В сознании современных носителей русского языка профессия учителя ассоциируется в основном с женщиной, с учительницей. Для многих людей школьные годы

начинаются именно с учительницы, о которой потом с нежностью вспоминают: *Я вспомнил годы славные, / Любимые и милые края, / Тебя с седыми прядками / Над школьными тетрадками, / Учительница первая моя* (Песня «Школьный вальс», 1951).

В китайской культуре образ учителя изначально также был связан исключительно с мужчиной. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, в древнем Китае мужчины занимали доминирующее положение в социальной структуре и обладали большими ресурсами и властью, что наделяло их способностью распространять знания, быть представителями образования. Во-вторых, система императорских экзаменов была основным способом отбора чиновников в Древнем Китае. К экзаменам допускались только мужчины, которые и становились объектом обучения. В-третьих, традиционное социальное представление о женщине заключается в том, что главная обязанность женщин — заботиться о муже и воспитывать детей, а не участвовать в общественной деятельности или заниматься преподаванием. Такая концепция ограничивала доступ женщин к образованию, и в результате — профессия учителя стала преимущественно мужской, поэтому в традиционной китайской культуре учитель как символ культуры часто ассоциируется с такими обращениями, как «先生» и «夫子», которые по своей сути являются мужскими, поскольку словом «先生» в древности называли образованного и учёного мужчину, а «夫子» было уважительным обращением к учителю-мужчине.

В современном китайском языке образ учителя не имеет присущих ему гендерных характеристик, однако с точки зрения традиционных представлений он может быть наделён определёнными гендерными ассоциациями, хотя эти ассоциации не являются неотъемлемыми атрибутами образа учителя, а являются продуктом исторического развития.

Образ учителя в зеркале фразеологии и паремологии русского и китайского языков

Изучение образа учителя должно быть дополнено обращением к ценностям двух культур, отражённых в пословицах, афоризмах, фразеологизмах.

Русские пословицы об учителе охватывают широкую сферу его деятельности. С одной стороны, в пословицах отмечается, некоторая лёгкость труда учителя, поскольку, с точки зрения обычного человека, научить можно любого: *И медведя учат, не только человека*. С другой стороны, отмечают и трудности обучения: *Трудно тому*

учить, чего сам не знаешь. Более того, в словаре В.И. Даля¹² с помощью пословиц обосновывается и некоторый пессимизм, связанный с перспективами обучения: *Тупо сковано, не наточишь; глупо рожено — не научишь.* Ср. также: *Дурака учить, что мёртвого лечить.* В пословицах отмечаются также и возможные негативные последствия обучения: *Заучили его, и поглупел, затупили.* Привлекает внимание русская пословица, объясняющая своеобразную разницу между *учить* и *учиться* и в то же время дающая невысокую оценку профессиональной деятельности учителя: *Умный любит учиться, а дурак учить.* Пословицы и афоризмы демонстрируют также, что взаимодействие учителя и ученика определяется иерархией, в том числе и по возрасту: значение глагола *учиться* нередко понималось как 'слушаться старших, сохраняя связь между поколениями'. Ср.: *Что значит это учиться? В понятие «учиться» нашего времени входило также и «слушаться старших» (в смысле уважения культурной связи с людьми...).* (М. Пришвин)¹³. Ср. также: *Вот то-то, все вы гордецы! / Спросили бы, как делали отцы? / Учились бы, на старших глядя...* (А.С. Грибоедов). Отношения между учителем и учеником иерархически представлено следующим образом: *Учитель — тот, кто учит; Ученик — тот, кто учится, находясь под руководством и влиянием учителя.* При этом до последнего времени не предполагалось, что знания могут передаваться от младших — к старшим. Об этом говорят русские пословицы: *Яйца кур не учат. Учило яйцо курицу, да болтуном и осталось.*

Русские пословицы, отражая традиционные семейные ценности, показывают, что труд наставника, учителя может характеризоваться через семейную иерархию: *Учитель — второй родитель; Почитай учителя, как родителя.* В пословицах подчёркивается ценность результатов труда учителя: *По ученику и об учителе судят. Дерево и учитель познаются по плоду. Ученику — удача, учителю — радость*¹⁴. Афоризмы, прецедентные тексты подчёркивают значимость культурной трансмиссии: *Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться.* Источником данной «крылатой фразы» послужило стихотворение, написанное в 1961 году советским поэтом Евгением Винокуровым. В оригинале заключительные строки стихотворения обращены к художнику — в широком смысле этого слова: *Художник, воспитай ученика, / Чтоб было у кого потом учиться.* Однако в речевой оборот это выражение во-

¹² В.И. Даль. Указ. соч.

¹³ СРМ — указ. соч.

¹⁴ Берсенёва К.Г. Русские пословицы и поговорки. М., 2007.

шло именно как призыв к учителю, и в этом виде оно зафиксировано в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» (ЭСКСВ): *Учитель, воспитай ученика!* — эта крылатая фраза фигурирует в речи как призыв делиться знаниями, которые в итоге умножаются и служат всем — и учителю, и ученику¹⁵. Обращение к Учителю, в широком и высоком смысле этого слова, — не редкость в художественном дискурсе: *Учитель! Пред именем твоим / позволь смиренно преклонить колени* (Н.А. Некрасов — В.Г. Белинскому)¹⁶. В афоризмах об учителе получила отражение идея необходимости для учителя постоянного совершенствования, обогащения своих знаний: *Плох тот учитель, который не учится или учится мало* (М. Горький).

Что касается китайской культуры, то отношения между учителем и учеником в китайских пословицах нередко сравниваются с моделью семьи. Учитель несёт ответственность не только за успеваемость своих учеников, но и за их личное развитие и эмоциональное состояние. В Китае широко известна пословица: *Учитель на один день, отец навсегда* (一日为师, 终身为父). Она подчёркивает значимость учителя в жизни ученика. В этом контексте учитель рассматривается как отец или наставник, чьи указания и наставления должны восприниматься с таким же уважением и послушанием, как и родительские, при этом уважение к учителю является моральным принципом каждого ученика.

Следствием такой родительской роли учителя является и возложение на него ответственности за успехи в учёбе воспитанников. Как сказано в «Классике трёх иероглифов» (三字经), «Кормить, но не воспитывать — вина отца; учить, но не быть строгим — это лень учителя» (养不教, 父之过; 教不严, 师之惰). Таким образом, если ученики не достигают успехов в учёбе, это объясняется недостатком старания и ответственности именно со стороны учителя, а не со стороны ученика.

Концепция образования Китая, в которой важное место отводится роли учителя сформирована под влиянием идей Конфуция и народного просветителя Тао Син Чжи (陶行知), который утверждал: «*学高为师, 身正为范*» (Только тот, кто обладает большими знаниями, может стать учителем, и только тот, кто ведёт себя как порядочный человек, может стать образцом для подражания). В китайской культуре *учитель* признаётся обществом не только

¹⁵ ЭСКСВ — Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Авт.-сост. Вадим Серов. М., 2004.

¹⁶ Там же.

как человек с обширными знаниями, но и как личность с высокими моральными качествами. Об этом свидетельствуют такие словосочетания, как «*师范*» (учитель как образец для подражания), «*师德*» (профессиональная этика учителя), «*师风*» (манеры и стиль поведения учителя), а также фразеологизмы «*为人师表*» (служить образцом для людей), «*良师益友*» (букв. умный наставник и добрый друг). Необходимо подчеркнуть, что манеры и стиль поведения, этика учителя — это нормы, которым должен следовать учитель, и гарантия того, что учитель будет хорошо справляться с воспитанием высокоморальных учеников [Линь Чундэ, 2023].

Известный в Китае фразеологизм «*程门立雪*» (букв. Стоять на снегу у дверей учёного Чэна) описывает трогательную историю об уважении к учителю. Ученые Ян Ши и Ю Цзо были известными неоконфуцианцами в эпоху династии Северной Сун. Однажды, придя в гости к учёному Чэн И, одному из основателей неоконфуцианства, они увидели его сидящим в медитации с закрытыми глазами. Не желая его беспокоить, они почтительно встали у двери и ждали, пока снег не стал глубже китайского фута (*мера длины, равная 1/3 метра*).

Уважение к учителю и знаниям считается традиционной ценностью китайской лингвокультуры. Ср. фразеологизмы «*尊师重道*» (букв. уважать учителя и почитать его учение) и «*尊师重教*» (букв. уважать учителя и дело образования). В этом плане показательным известное высказывание Конфуция о необходимости уважения к учителю: «Самое трудное в учении — научиться чтить учителя. Но лишь чтя наставника, сможешь перенять его правду. И лишь перенимая правду, народ способен почитать науки. Поэтому, согласно ритуалу, даже призванный к государю учитель не совершает ему поклона — так высоко древние чтили учителя». Как учил Конфуций, «согласие между учителем и учеником, лёгкость учения и возможность для ученика думать самому и составляют то, что зовётся умелым наставничеством»¹⁷.

Учителю нужно обладать некоторыми ключевыми качествами, в том числе энтузиазмом, терпимостью и чувством ответственности. Ср. фразеологизмы «*诲人不倦*» (букв. наставлять, не зная усталости) («Лунь Юй»), «*循循善诱*» (букв. постепенно и методически прививать знания учащимся) («Лунь Юй»), «*耳提面命*» (букв. держать за уши и твердить в лицо) («Шицзин»). Кроме терпения, учитель должен обладать адаптивностью. Ср. фразеологизм *因材施教* (букв. обучать сообразно индивидуальным способностям учеников)

¹⁷ Конфуций. Беседы и изречения. Перевод «Луньей». И.И. Семенов. М., 2023.

(«Лунь Юй»). Авторитетность также считается необходимым качеством, о чём свидетельствуют фразеологизмы-синонимы «亲其师, 信其道» (Только тогда, когда ученик близок с учителем и его уважает, он поверит и примет истины и знания, передаваемые учителем) и «师道尊严» (Только тогда, когда уважают учителей, уважают и принципы, знания и навыки, которые они передают). В китайской лингвокультуре строгость учителя является общепринятым принципом традиционного обучения и играет особо важную роль в обучении учеников, что особенно чётко выражено в поговорке: «严师出高徒» (букв. у строгих учителей выдающиеся ученики): 严师出高徒。对孩子严格要求, 有利于孩子的成长。但严而失当, 便会适得其反 (《人民日报》, 1992): *Строгий учитель воспитывает отличных учеников. Строгие требования к детям полезны для их развития. Но если вы будете слишком строги, это приведёт к обратному эффекту* (газета «Жэньминьжибао», 1992).

В русском языке строгость учителя получила отражение не на уровне фразеологии, а в текстовых реализациях, где учитель может выступать эталоном строгости: *Через мгновение настоящий учёный попугай взлетел на верхушку мацты, строго, как учитель, поглядел на ребят* (Ю. Дружков, 1984); ... *Артур строго, как учитель, покачал головой...* (А. Варламов, 2000); *Он <...> погрозил ему пальцем уверенно и строго, как учитель ученику* (А.А. Фадеев).¹⁸

Метафорические модели как основа формирования культурных эталонов учителя в русском и китайском языках

Метафорически *учитель* может быть представлен в русском языке как дерево, дающее плоды (*Дерево и учитель познаются по плоду*), как сеятель, как творец. Особенно часто фиксируется и в пословицах, и в текстовом корпусе метафорическая модель: «Учитель — Сеятель». Ср.: *Учитель в школе, что посев в поле* (посл.); *Вся гордость учителя в учениках, в росте посеянных им семян* (Д.И. Менделеев). Учитель воспринимается как человек, который сеет «разумное, доброе вечное». Ср. *Сеятель знания на ниву народную! / Почву ты, что ли, находишь бесплодную, / Худы ль твои семена? / ... Сейте разумное, доброе, вечное, / Сейте! Спасибо вам скажет сердечное / Русский народ* (Н.А. Некрасов. Сеятелям). Антропоморфные метафоры создают эталоны, с помощью которых легче понять сущность труда учителя. Учитель нередко сравнивается

¹⁸ Здесь и далее, если нет особых ссылок, примеры из НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 25.04.2025).

с представителями других профессий, как правило, творческих. Разные грани мастерства учителя раскрывают следующие текстовые примеры: *Учитель как проектировщик образовательного пространства урока* (Н.Л. Галеева, О.А. Шклярова, 2019); *Учитель, как хороший художник, определяет композиционный центр учебного материала, создаёт канву* (С. Виноградов, 2009); *Учитель, как актёр, должен уйти вовремя. В этом достоинство профессии* (Е. Маркова, 1990–2000).

М.И. Калинин, характеризуя важную роль учителя, назвал педагога инженером человеческих душ: *Учитель работает над самой ответственной задачей — он формирует человека. Педагог — это инженер человеческих душ*. Это высказывание М.И. Калинина об учителе как «инженере человеческих душ» получило широкое распространение и признание в Китае именно в связи с тем, что в обеих лингвокультурах ценится роль учителя в формировании интеллектуального и духовного мира учащихся.

Для описания образа учителя в китайском языке используются разнообразные культурные эталоны, среди которых наиболее значимы следующие: *садовник* (园丁), *весенний дождь* (春雨), *человеческая лестница* (人梯), *свеча* (蜡烛). При анализе эталона *садовник* следует обратить внимание на то, что в китайском языке *персики* и *сливы* (桃李) — это метафора плодов воспитания, обозначающая учеников и воспитанников. Ср. фразеологизм «桃李满天下» (букв. персики и сливы рассеяны по всему миру), который используется в значении ‘повсюду и везде имеются ученики и воспитанники’. Таким образом, *садовник* символизирует учителя, который заботливо воспитывает учеников и даёт им возможность развиваться: 中国人常把孩子比作祖国的花朵, 把教师比作辛勤的园丁 (《人民日报》, 2011): *Китайцы часто сравнивают детей с цветами родины, а учителей — с трудолюбивыми садовниками* (газета «Жэньминь жибао», 2011).

Наряду с *садовником*, эталоном учителя может служить то, что влияет на рост и развитие растений. Общепризнано, что ученикам невозможно преуспеть без учителя, так же, как деревья не могут расти без живительной влаги — дождя, поэтому культурным эталоном учителя. служит *весенний дождь*: 人们把老师比作“春雨”, 把学生比作“春苗”, 春苗需要春雨去浇灌。我们的老师就如那绵绵的春雨, 用播洒的爱去滋润学生的心田 (网络语料, 2010): *Люди сравнивают учителей с «весенним дождём», а учеников — с «весенними саженцами», которым нужен весенний дождь для полива. Наши учителя подобны непрерывному весеннему дождю, питающе-*

му сердца учеников своей любовью (Интернет-корпус, 2010). Неслучайно фразеологизм «春风化雨» (букв. весенний ветерок и дождь) («Мэнцзы») выступает в качестве метафоры хорошего воспитания и подспудного влияния, которое воздействует на учеников тонко, как весенний ветерок и мелкий дождь.

Отсюда следует, что образ учителя, созданный средствами китайского языка, олицетворяет силу, помогающую ученикам в стремлении к знаниям. В древнем Китае человеческая лестница, т.е. лестница из людей (друг у друга на плечах) (人梯 *rén tī*) служила для того, чтобы взбираться во время боя на плечи других людей. В настоящее время *человеческая лестница* метафорически обозначает учителя, жертвующего собой ради благополучия и успеха учеников. Это подтверждают текстовые примеры:

1) 我们感恩敬爱的老师，因为他们甘为人梯，用肩膀托着可爱的孩子们，使他们一步步登上艺术的殿堂 (网络语料, 2010):

Мы благодарны нашим любимым учителям за то, что они готовы служить человеческой лестницей для наших прекрасных детей, поддерживая их своими плечами и помогая им шаг за шагом вступать в храм искусства (Интернет-корпус, 2010).

Ещё одним эталоном, представляющим национально-культурную специфику образа учителя, является *свеча*, которая характеризует его самоотверженность: «*нить шелкопряда обрывается только с его смертью; слёзы воска на свече высыхают лишь после того, как свеча сгорит*» (春蚕到死丝方尽，蜡炬成灰泪始干). Эти строки из стихотворения известного поэта эпохи династии Тан Ли Шаньинь первоначально использовались для обозначения верной любви, однако, поскольку профессиональные характеристики учителей в значительной степени соответствуют духу, выраженному в этих двух строках, их стали часто использовать для описания бескорыстной самоотверженности учителей: *老师们默默地工作着，是一支支照亮学生道路的蜡烛* (《人民日报》，1990): *Учителя работают тихо, свечой освещая путь развития ученикам* (газета «Жэньминьжибао», 1990).

Критика учителя в русском и китайском языках

Несмотря на зафиксированное в двух языках уважение к учителю, некоторые качества учителя, как показывает языковой материал, могут подвергаться критике. В русских пословицах, как уже отмечалось, даже процесс обучения может быть представлен как занятие глупого человека (*Умный любит учиться, а дурак учит*). Стремление поучать других, назидательность нередко вызывают не-

довольство. В русском языке можно найти немало примеров, в которых сравнение с учителем / учительницей будет иметь негативный оттенок: *говорить, как учитель; делать замечания, как учитель; одеваться, как сельская учительница* и т.п. Одно из порицаемых качеств учителя — высокомерие: *Не думаю, что Вы надо мной смеётесь, скорее — торжественно улыбаетесь, как победительница, как учитель **высокомерно** улыбается над неумехой-учеником, похлопывая покровительственно по плечу* (А. Мацанов, 2013). В русском языке довольно часто используются и оценочные номинации, образованные либо с помощью словообразовательных средств (*учителюшка, училка*), либо с помощью синонимов (*урокодатель* вместо *учитель*).

В китайском языке критика учителя может проявляться на уровне фразеологии, например, интерпретация слова «师» не всегда носит положительный характер. Ср. фразеологизм «师心自用» (букв. считать себя непогрешимым, упрямо стоять на своём), описывающий человека, который, отличаясь самоуверенностью, отказывается принимать правильное мнение других¹⁹. Ср. 故而千百年来, “好为人师”者便成了骄傲自满、目中无人、妄自尊大之辈, 为世人所诟病。当今的一些成语大词典也是把“好为人师”视作贬义成语, 释义为一个人不谦虚, 好在别人面前以教育者自居 (《人民日报》, 2013): *Поэтому на протяжении тысячелетий те, кто любит поучать других, становились самодовольными, высокомерными и самонадеянными людьми и подвергались критике со стороны всего мира.*

Фразеологизм «误人子弟» описывает безответственных учителей, которые запутывают учеников, дают им ложные знания. Однако критика некоторых гипертрофированных качеств учителя не отменяет и не умаляет важную роль учителя в китайском обществе. Профессия учителя — одна из самых почитаемых в Китае.

Выводы

Как показывает анализ, и пословицы, и прецедентные высказывания демонстрируют, как правило, высокую оценку роли и социального статуса учителя, заслуживающего преклонения перед ним. Изучение средств выражения образа учителя в русском и китайском языках обнаруживает неполное совпадение некоторых практически универсальных характеристик. Сравняя, в частности, рус-

¹⁹ Словарь идиом (онлайн). URL: <https://cy.pccsp.cn> (дата обращения: 17.04.2025).

скую и китайскую культуру, можно отметить, что обе эти культуры характеризуются высокой Дистанцией Власти, однако в китайском обществе статус преподавателя выше, чем в русской, в образе учителя подчёркивается ответственность, в китайском языке больше, чем в русском, фразеологизмов об уважении к учителю. В обеих культурах есть ориентация на семейную иерархию при описании учителя. Проведённое исследование выявило, что осмысление образа учителя, обладая несомненным сходством, получает далеко не одинаковое воплощение в языковых образах-эталонах, которые обнаруживают национально-культурную специфику. Однако для полноты картины необходимо обратиться и к другим источникам — медиа, кино, театру, что в перспективе может быть предметом отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сб. статей / Под общей ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 5–32.
2. Богданова Л.И. Оценки и ценности в культурной трансмиссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022, № 2. С. 9–19.
3. Богданова Л.И., Сюй Л. Культурные эталоны скромности в русском и китайском языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 3. С. 43–61.
4. Еркович П.С. Лингвокультурные типажи «учитель» и «teacher» в русской и американской лингвокультурах // Учёные заметки ТОГУ. 2018. Том 9. № 1. С. 116–122.
5. Кан Е.В. Концепт «учитель» в русской лингвокультуре // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.spauka.ru/2015/12/13263> (дата обращения: 07.05.2025).
6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М., 2004.
8. Молчанова Г.Г. 10-я Международная научно-практическая конференция «Учитель. Ученик. Учебник (в контексте глобальных вызовов современности)» // Вестник Московского университета. Серия 19. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2022. № 2. С. 177–184.
9. Молчанова Г.Г. Смыслопреобразующая роль метафоры в контексте радиального расширения концепта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 9–20.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
11. Линь Чундэ. Укрепление профессиональной этики, манер и стиля поведения учителя и управление восьмью отношениями. Науки по образованию в Китае. 2023. Т. 6. № 5. С. 61–66, 127. 林崇德. 加强师德师风建设必须处理好八个关系. 中国教育科学. 2023. № 6(5). С. 61–66, 127.

12. *Kovecses Z.* Metaphor: A practical introduction. Oxford university press. 2010.
13. *Lakoff G.* Frame semantic control of the coordinate structure constraint // Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory. Chicago. 1986. Pp. 152–167.
14. *Musolff A.* Creativity in Metaphor Interpretation // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23. No. 1. Pp. 23–39.

Liudmila I. Bogdanova, Xu Liyun

NATIONAL-CULTURAL FEATURES OF THE IMAGE OF THE TEACHER IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; libogdanova1@mail.ru
Nanjing University, Nanjing, China; jsxuliyun@126.com

Abstract. The article examines the ethnocultural features of the teacher's image, identified on the basis of the analysis of linguistic data of the Russian and Chinese languages. The study was carried out on the material of dictionaries and text corpora of the two languages. The purpose of the work is to determine the general and national-specific features in the formation of the teacher's image in the Russian and Chinese languages. The object of the study is the definitions of the words *teacher* / *female teacher* in the dictionaries of the Russian and Chinese languages, as well as comparisons, proverbs, sayings, precedent statements about the teacher in the Russian and Chinese linguistic cultures. National-cultural coding of the teacher's image also occurs with the help of a number of cultural standards that differently reflect the dominant features of this concept as a socio-cultural value characterizing Russian and Chinese cultures. The study revealed that in Russian the words *teacher* and *female teacher* differ in their evaluative and value-based conceptualization. By established tradition, education in contemporary Russian schools is predominantly associated with the image of a woman, that is, the female teacher. In Chinese culture, the teacher in gender terms is traditionally often described as a man, a noble man. In Chinese culture and its linguistic reflection, the image of the teacher occupies a strong, unshakable position, determined by the ideas of Confucius. In Russian linguoculture, the image of the teacher receives additional connotations due to socio-economic factors. The results of this study can be used in lexicographic practice and in teaching Russian and Chinese.

Keywords: Russian language; Chinese language; image of the teacher; cultural standard; cognitive metaphor; national-cultural component; cultural transmission

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Bogdanova L.I., Xu Liyun (2025) National-cultural features of the image of the teacher in the Russian and Chinese languages. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 137–155. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-8 (In Russ.)

About the authors: *Liudmila I. Bogdanova* — Dr. Habil. in Philology, Professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; libogdanova1@mail.ru; *Xu Liyun* — Teacher of Russian at the Nanjing Vocational Institute of Railway Technology; doctoral student at the Institute of Foreign Languages of Nanjing University; jsxuliyun@126.com

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. 1990. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In *Teoriya metafory. Sb. statei* [Theory of metaphor] / Ed. N.D. Arutyunova. Moscow, pp. 5–32. (In Russ.)
2. Bogdanova L.I. 2022. Tsennosti i otsenki v protsesse kulturnoj transmisii [Values and Estimates in Cultural Transmission]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.)
3. Bogdanova L.I., Xu L. 2024. Kul'turnye etalony skromnosti v russkom i kitayskom yazykakh [Cultural standards of modesty in the Russian and Chinese languages]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3, pp. 43–61. (In Russ.)
4. Yerkovich P.S. 2018. Lingvokul'turnye tipazhi «uchitel'» i «teacher» v russkoy i amerikanskoj lingvokul'turakh [Linguocultural types of “teacher” and “teacher” in Russian and American linguacultures]. Scientific notes of Pacific National University, vol. 9, no. 1, pp. 116–122. (In Russ.)
5. Kan Ye.V. 2015. Kontsept «uchitel'» v russkoy lingvokul'ture [The concept of “teacher” in Russian linguaculture] Humanitarian scientific research, no. 12. [Electronic resource]. URL: <https://human.snauka.ru/2015/12/13263> (date of access: 07.05.2025). (In Russ.)
6. Karasik V.I. 2000. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. Language personality: institutional and personal discourse, Volgograd, pp. 5–20. (In Russ.)
7. Lakoff G., Johnson M. 2004. *Metaphors we live by*. Moscow. (In Russ.)
8. Molchanova G.G. 2022. 10-ya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Uchitel'. Uchenik. Uchebnik (v kontekste global'nykh vyzovov sovremennosti)» [10th International Scientific and Practical Conference “Teacher. Student. Textbook (in the context of global challenges of our time)”]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 177–184. (In Russ.)
9. Molchanova G.G. 2023. Smyslopreobrazuyushchaya rol' metafory v kontekste radial'nogo rasshireniya kontsepta [The meaning-transforming role of metaphor

in the context of the radial expansion of the concept]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–20.

10. Teliya V.N. 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow. (In Russ.)

11. Lin' Chunde. 2023. 林崇德. 加强师德师风建设必须处理好八个关系. [Eight Relationships that Must Be Handled to Promote Teacher Morality and Teacher Style]. *Education Sciences in China*, vol. 6, no. 5, pp. 61–66, 127. (In Chinese)

12. Kovecses Zoltan. 2010. *Metaphor: A practical introduction*. Oxford university press.

13. Lakoff George. 1986. Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory*. Chicago, pp. 152–167.

14. Musolff Andreas. 2019. Creativity in Metaphor Interpretation. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 23–39.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025;
одобрена после рецензирования 18.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 12.05.2025;
approved after reviewing 18.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

Сюйчэнь Сюй

КОНЦЕПЦИЯ РИЗОМЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУБКУЛЬТУР: ОТ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ К СЕТЕВОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; xuchen1028@outlook.com

Аннотация. В статье рассматривается концепция ризомы как методологическая парадигма для анализа субкультурных явлений в контексте постмодернистской культурной реальности. Исходя из идей Жюлья Делёза и Феликса Гваттари, ризома осмысливается как децентрализованная и нелинейная структура, допускающая множественные точки входа, отсутствие иерархии и постоянную трансформацию. Акцентируется внимание на сетевом характере субкультур, их метасвязности, фрагментарности, гибридности, перформативности, пластичности и способности к самоорганизации. В фокусе исследования находятся примеры таких субкультурных сообществ, как готы, ролевики, трансгуманисты и киберпанк-группы, чья идентичность формируется через динамические взаимодействия, символические коды и перформативные практики. Анализируется эпистемологическая функция субкультур, проявляющаяся в альтернативных формах знания и восприятия, противопоставленных институциональной рациональности, универсалистским установкам и нормативным категориям. Отдельное внимание уделяется темпоральности субкультурного существования, основанной на событийной актуализации, ритмах локальной активности и сгущённости смыслов. Статья опирается на новейшие отечественные исследования в области культурологии, философии постмодерна, семиотики и социологии, предлагая актуальный теоретический инструмент для интерпретации современных культурных процессов и нестабильных форм идентичности в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: ризома, субкультура, постмодернизм, мировоззрение, идеологическое ядро, сетевое мышление, децентрализация, идентичность, социокультурная динамика, культурология

Сюйчэнь Сюй — аспирант, преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; xuchen1028@outlook.com

© Сюй Сюйчэнь, 2025

Для цитирования: Сюй Сючень Концепция ризомы в интерпретации субкультур: от децентрализации к сетевому мировоззрению // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 156–163. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-9

Введение

Исследование субкультур в постмодернистском дискурсе требует отказа от традиционной линейной модели интерпретации социальной динамики. Концепт ризомы, введённый Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, позволяет переосмыслить структуру культурных образований. Эта модель иллюстрирует множественность, открытость и отсутствие центра, становясь альтернативой арбореальной системе, где приоритет отдан иерархии и жёсткой упорядоченности [Полозова, 2024: 106].

Субкультурные образования, рассматриваемые через призму постмодерна, утрачивают прежнюю устойчивость. Их структура перестаёт быть цельной. Вместо этого возникает гибкая и фрагментированная сеть, сформированная под влиянием множества факторов. Концепт ризомы предоставляет аналитический инструментарий для рассмотрения субкультур как открытых, пересекающихся и постоянно модифицирующихся систем [Самсонова, 2024: 208].

Концепт ризомы как теория множественности

Ризома не опирается на начальную точку, фиксированный центр или иерархическую вершину. Она формируется через соединение элементов в произвольных конфигурациях. Такая структура отличается нелинейностью, полиморфизмом и равноправием компонентов. Субкультура в рамках этого подхода приобретает форму множества горизонтальных связей, а не централизованной конструкции [Бокова, 2024: 17].

Готическое сообщество иллюстрирует подобную структуру. Формирование групповой идентичности происходило за счёт взаимодействия музыкальных, философских, визуальных и эстетических компонентов. Эти элементы объединились не на основе идеологического центра, а через взаимосвязи, ассоциации и культурные конвергенции. Модель ризомы демонстрирует, как разнообразные и разрозненные элементы могут сосуществовать в рамках одного субкультурного пространства [Дёмина, 2024: 36].

Ризома как парадигма интерпретации субкультур

Сетевой подход к описанию субкультур отрицает фиксированность и жёсткость границ. Вместо центра — совокупность микроидентичностей, каждая из которых выражается в конкретной культурной форме. Субкультура предстает процессуальной структурой, подверженной постоянному усложнению. Её анализ требует выхода за пределы устойчивых дефиниций. Она является не объектом, а феноменом в состоянии непрерывного формирования [Ермакова, Суховская, 2024: 96].

В киберпанк-среде, например, идентичностная динамика реализуется через внедрение новых визуальных кодов, языковых конструкций и цифровых паттернов. Отсутствие жёсткого центра придаёт системе гибкость. Каждый элемент способен вступать во взаимодействие с иными, не нарушая целостности. Ризоматическая природа таких процессов исключает необходимость жёсткого иерархического порядка [Самсонова, 2024: 150].

Мировоззренческое ядро и его ризоматизация

Несмотря на гибкость, внутри субкультуры формируется смысловой центр. Ядро не статично — оно сжимается, расширяется, реагирует на изменения. Его функция — организация значений, символов, норм [Полозова, 2024: 84].

Ролевые сообщества иллюстрируют такую структуру. В них мировоззрение строится вокруг альтернативных реальностей, меняющихся под воздействием внешних факторов. Ядро выполняет функцию точки смыслового сбора, постоянно переосмысляемой [Елистратов, 2024: 218].

Ризоматический анализ выявляет не центр, а узел смыслов. Такая модель объясняет адаптивность субкультур и их устойчивость к внешнему влиянию.

Субкультура как эпистемологическое поле

Субкультуры, действующие как ризомы, развиваются через локальные узлы, не зависящие от центра. Распространение происходит децентрализованно, за счёт активности участников, генерирующих новые смысловые формы. Институциональные каналы при этом теряют значимость.

Цифровая среда обеспечивает циркуляцию мемов, знаков, визуальных и звуковых кодов. Перформативные действия, вирусный контент и символические образы формируют гибкую систему, устойчивую к стандартизации [Самсонова, 2024: 146].

Помимо культурных функций, субкультура выполняет эпистемологическую. В ней оформляется особая логика познания, основанная на ассоциациях, фрагментарности и отказе от универсализма. Данное знание противопоставляется институциональной рациональности.

Ризоматическое мышление проявляется как способность к синтезу и трансформации информации, к созданию смыслов вне жёстких категорий. Центром восприятия становятся образы, метафоры, символы [Дёмина, 2024: 38].

Философия радикальных сетевых групп, таких как трансгуманисты, строится на отказе от нормативных концептов — устойчивых, общепринятых представлений о том, как устроено общество, человек и нормы взаимодействия. Их культурная карта, то есть система символов, ценностей и смыслов, с помощью которой они интерпретируют реальность, представляет собой результат альтернативной познавательной модели, вписанной в ризоматическую логику.

Темпоральность субкультурного существования

В контексте ризоматического подхода представление о времени утрачивает линейную логику. Хронология заменяется фрагментарной системой событийной актуализации. Внутри субкультурного пространства хронология определяется не последовательностью, а интенсивностью. Флешмобы, фестивали, локальные акции становятся основными маркерами временной структуры. Они формируют плотности смыслов, не подчинённые хронологическим схемам [Бокова, 2024: 18].

Темпоральность субкультуры не закрепляется в исторической перспективе. Она оформляется как общественное время, обладающее пластичностью и способностью к локальной сгущённости, что сближает субкультурное бытие с моделью номадического субъекта, предложенной Делёзом [Делёз, 2011]. В данной модели субъект теряет точку устойчивости. Он перемещается между культурными конфигурациями, обживает промежуточные формы, создаёт временные режимы, не совпадающие с нормативными представлениями.

Гибридизация и метасвязность субкультур

Современные субкультуры включают элементы из разных культурных контекстов, формируя гибридные идентичности. Эстетика, символика, ценности сочетаются в новых структурах, не подчинённых линейной логике. Эти связи не механичны, а формируют сеть смыслов, устойчивую к переопределению [Елистратов, 2024: 215].

Киберпанк, фольклор, анимация, антикапиталистическая риторика соединяются без иерархии. Элементы обретают новые функции. Ризома в данном случае отражает не результат, а сам процесс смыслового формирования.

Метасвязность определяется множественностью и свободой комбинаций. Один человек может принадлежать нескольким субкультурам одновременно, что порождает гиперсубкультурное поле, где идентичность становится фрагментарной и модульной [Самсонова, 2024: 152].

Перспективы ризоматического анализа в культурологических исследованиях

Ризоматический подход исключает бинарные оппозиции и жёсткие классификации, утверждая необходимость сетевой интерпретации культурных процессов. Он отражает постмодернистскую фрагментарность, позволяя регистрировать изменчивость субкультурных форм [Лаврова, 2024: 117].

Субкультура в этом контексте утрачивает изолированность, превращаясь в узел смысловых потоков. Границы размыты, но смысловая плотность сохраняется. Ризоматический анализ выявляет взаимодействие и трансформацию элементов идентичности.

В условиях цифровизации линейные модели утрачивают эффективность. Цифровые и фанатские сообщества, трансмедийные формы требуют анализа, способного отразить множественность и нелинейность — свойства, фиксируемые именно ризомой.

Заключение

Рассмотрение субкультур сквозь призму концепции ризомы позволяет реконструировать их как гибкие, флуидные, децентрализованные образования. Они формируются не иерархически, а через сеть связей, соединений и пересечений. Множественность, метасвязность и перформативность становятся определяющими характеристиками таких структур. Субкультура в этом контексте утрачивает стабильность, однако приобретает эпистемологическую силу — она создаёт новые формы мышления, восприятия, социального взаимодействия. Подобный ракурс позволяет более точно понимать механизмы самоорганизации современного культурного пространства и предлагать адекватные аналитические стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бокова Т.Н.* Феномен ризоматического обучения в современном образовательном пространстве // *Иностранные языки в школе.* 2024. № 8. С. 16–21.
2. *Делёз Ж.* Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический Проект, 2011.
3. *Дёмина В.А.* Формирование у студентов ризоматического мышления как индивидуального способа переработки информации и выстраивания собственного текста // *Магия ИННО: перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях* : электрон. сб. науч. тр. М., 2024. С. 35–40.
4. *Елистратов В.С.* Русская «речевая ризома»: современные тенденции // *Слово. Грамматика. Речь* : сб. науч.-метод. ст. по преподаванию РКИ. М., 2024. С. 214–220.
5. *Ермакова Л.И., Суховская Д.Н.* Ризомизация культурных городских пространств в социокультурном аспекте // *Педагогика современности.* 2024. № 1-1 (28). С. 95–98.
6. *Лаврова Е.Н.* Интернет-культура как номадическая модель: репрезентация бессознательного // *Человек и культура.* 2024. № 4. С. 111–123.
7. *Лю Б., Перфильева Н.В.* Ризоматичность новостных заголовков цифровых медиа на русском и китайском языках // *Litera.* 2025. № 1. С. 41–50.
8. *Полозова И.В.* Ризома и «система»: концептуальное подобие и структурное сходство // *Соц.-гуманитар. знания.* 2024. № 4. С. 106–109.
9. *Полозова И.В.* Философия постмодернизма и молодежная субкультура: идейное влияние и структурное сходство // *Соц.-гуманитар. знания.* 2024. № 2. С. 83–86.
10. *Самсонова Е.А.* Дискурс новых медиа как структура ризомного типа (на примере мессенджера Telegram и соц. сетей «ВКонтакте», Ask.ru и Ask.fm) // *Медиа в совр. мире. 63-и Петербургские чтения* : сб. матер. Междунар. науч. форума. СПб., 2024. С. 207–208.
11. *Самсонова Е.А.* Социально-сетевой дискурс и социально-сетевая картина мира как структуры ризомного типа // *Теория и практика коммуникации: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. Филолог. фак., каф. русского языка и межкультур. коммуникации.* 2024. С. 145–155.

Xu Xuchen

THE RHIZOME CONCEPT IN THE INTERPRETATION OF SUBCULTURES: FROM DECENTRALIZATION TO NETWORK WORLDVIEW

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; xuchen1028@outlook.com

Abstract. The article explores the concept of the rhizome as a methodological paradigm for analyzing subcultural phenomena within the context of postmodern cultural reality. Drawing on the ideas of Gilles Deleuze and Félix Guattari, the rhizome is understood as a decentralized and nonlinear structure that allows for

multiple points of entry, the absence of hierarchy, and constant transformation. The author emphasizes the networked nature of subcultures, their metastructural connections, fragmentation, hybridity, performativity, plasticity, and capacity for self-organization. The study focuses on the examples of such subcultural communities as goths, role-players, transhumanists, and cyberpunk groups, whose identities are formed through dynamic interactions, symbolic codes, and performative practices. The epistemological function of subcultures is analyzed, revealing alternative forms of knowledge and perception that oppose institutional rationality, universalist frameworks, and normative categories. Particular attention is paid to the temporality of subcultural existence, based on event-driven actualization, local activity rhythms, and semantic density. The article draws on the latest Russian-language research in cultural studies, postmodern philosophy, semiotics, and sociology, offering a relevant theoretical tool for interpreting contemporary cultural processes and unstable forms of identity in the digital age.

Keywords: rhizome, subculture, postmodernism, worldview, ideological core, network thinking, decentralization, identity, sociocultural dynamics, cultural studies

For citation: Xu Xuchen (2025) The rhizome concept in the interpretation of subcultures: from decentralization to network worldview. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 156–163. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-9 (In Russ.)

About the author: Xu Xuchen — PhD student, Lecturer, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; xuchen1028@outlook.com

REFERENCES

1. Bokova T.N. 2024. Fenomen rizomaticheskogo obucheniya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Phenomenon of rhizomatic learning in the modern educational space]. *Inostrannyye yazyki v shkole*, no. 8, pp. 16–21.
2. Deleuze J. 2011. *The Logic of Sense* [Logika smysla]. Translated from French by Ya. I. Svirsky. Moscow: Academicheskyy Proekt.
3. Demina V.A. 2024. Formirovaniye u studentov rizomaticheskogo myshleniya kak individual'nogo sposoba pererabotki informatsii i vystraivaniya sobstvennogo teksta [Forming rhizomatic thinking as an individual mode of information processing]. In *Magiya INNO: perspektivy razvitiya lingvistiki i lingvodidaktiki v sovremennykh usloviyakh* [Magic INNO: Linguistics and Linguodidactics Development]. Moscow, pp. 35–40.
4. Elistratov V.S. 2024. Russkaya «rechevaya rizoma»: sovremennyye tendentsii [Russian “speech rhizome”: current trends]. In *Slovo. Grammatika. Rech'*, Moscow, pp. 214–220.
5. Ermakova L.I., Sukhovskaya D.N., 2024. Rizomizatsiya kul'turnykh gorodskikh prostranstv v sotsiokul'turnom aspekte [Rhizomatization of urban cul-

tural spaces in a socio-cultural context]. *Pedagogika sovremennosti*, no. 1-1(28), pp. 95–98.

6. Lavrova E.N. 2024. Internet-kul'tura kak nomadicheskaya model': reprezentatsiya bessoznatel'nogo [Internet culture as a nomadic model: the unconscious in digital representations]. *Chelovek i kultura*, no. 4, pp. 111–123.

7. Lyu B., Perfil'eva N.V. 2025. Rizomatichnost' novostnykh zagolovkov tsi-frovnykh media na russkom i kitaiskom yazykakh [Rhizomaticity of news headlines in digital media in Russian and Chinese]. *Litera*, no. 1, pp. 41–50.

8. Polozova I.V. 2024. Rizoma i «sistema»: kontseptual'noe podobie i strukturnoe skhodstvo [Rhizome and system: conceptual similarity and structural likeness]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 4, pp. 106–109.

9. Polozova I.V. 2024. Filosofiya postmodernizma i molodezhnaya subkul'tura: ideinoe vliyaniye i strukturnoe skhodstvo [Postmodern philosophy and youth subculture: ideological influence and structural similarity]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 2, pp. 83–86.

10. Samsonova E.A. 2024. Diskurs novykh media kak struktura rizomnogo tipa (na primere messendzhera Telegram i sots. setei «VKontakte», Ask.ru i Ask.fm) [New media discourse as a rhizomatic structure (Telegram, VK, Ask.ru, Ask.fm)]. *In Media in the Contemporary World: 63rd Petersburg Readings*, Saint Petersburg, pp. 207–208.

11. Samsonova E.A. 2024. Sotsial'no-setevoi diskurs i sotsial'no-setevaya kartina mira kak struktury rizomnogo tipa [Social network discourse and worldview as rhizomatic structures. *In: theory and practice of communication*]. *Teoriya i praktika kommunikatsii* [Theory and application of communication]. Philological Faculty, department of Russian Language and Intercultural Communication, pp. 145–155.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025;
одобрена после рецензирования 10.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 29.04.2025;
approved after reviewing 10.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АРЕАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

А.В. Павловская

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ СТУДЕНЧЕСКОГО БЫТА В МГУ (XVIII–XIX ВВ.)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; annapavl@mail.ru

Аннотация. История Московского университета достаточно детально и всесторонне изучена за 270 лет его существования. Одним из аспектов, обойденным вниманием исследователей, является бытовая сторона существования университета, в том числе связанная с проблемами питания. Вместе с тем она занимает важное место в университетском мире, и имеет не только естественно физиологическое, но и большое культуuroобразующее значение. Достаточно вспомнить прекрасную традицию изготовления и раздачи медовухи, которая стала своего рода символом обновленного университета нового времени. Или образ вечно голодного студента, являющийся неотъемлемой частью русской культуры XIX века. Существуют многочисленные источники, важнейшими из которых, пожалуй, являются мемуары и воспоминания бывших учеников университета, дающие довольно яркую и разнообразную картину повседневной жизни и быта московского студенчества, причем довольно отчетливо прослеживаются как общие тенденции, объединяющие различные эпохи, так и различия, обусловленные ходом истории. Они позволяют с большой степенью достоверности изложить особенности культуры повседневности студенчества, в том числе и в вопросах питания. В статье рассматриваются предложения М.В. Ломоносова по организации питания студентов, особенности повседневной жизни казеннокоштных студентов, находившихся до середины XIX века на полном государственном обеспечении, проблемы своекоштных, живущих и обеспечивающих себя питанием самостоятельно, а также дух товарище-

Павловская Анна Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; annapavl@mail.ru

© Павловская А.В., 2025

ства, который объединял студентов Московского университета вне зависимости от их социального и материального положения.

Ключевые слова: Московский университет, студенчество, культура повседневности, традиции питания, М.В. Ломоносов, быт, казеннокоштные, своекоштные

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-10

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Павловская А.В. От теории к практике студенческого быта в МГУ (XVIII–XIX вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 164–184. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-10

Повседневная жизнь студенчества традиционно находится на периферии исследований университетской истории, однако именно бытовые аспекты формируют фундаментальные условия, определяющие не только качество жизни студентов, но и эффективность образовательного процесса. Московский университет за свою долгую историю создал уникальную среду, в которой бытовые условия — в частности, проблемы питания — сыграли существенную культурообразующую роль, отражая социальные и экономические реалии своего времени. Целью настоящей статьи является комплексное изучение вопросов организации и практик питания студенчества Московского университета с момента его основания в 1755 году и до середины XIX века. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, систематизировать и критически осмыслить исторические источники, такие как мемуары, дневники, письма и официальные документы, отражающие бытовые условия студенчества, включая вопросы питания; во-вторых, проследить, как менялись условия питания и быта казеннокоштных и своекоштных студентов на протяжении рассматриваемого периода; в-третьих, рассмотреть вклад М.В. Ломоносова в организацию системы питания и быта университетского студенчества, акцентируя внимание на социальном и культурном контексте его предложений; в-четвертых, оценить значение бытовых и гастрономических практик для формирования студенческого товарищества и социальной идентичности в студенческой среде. Таким образом, статья направлена не только на реконструкцию повседневной жизни студентов Московского университета, но и на понимание того,

как бытовые практики отражали и одновременно формировали культурные и социальные реалии России XVIII–XIX веков.

Основанию Московского университета предшествовала тщательная подготовка. Встречи, переговоры, прошения, поиск союзников, лавирование между недоброжелателями. Событие такого масштаба, еще и требующее участия правительства, не могло быть простым. Основание Московского университета можно назвать результатом счастливого стечения обстоятельств, которое свело в нужное время и в нужном месте трех абсолютно разных людей. Сочетание мудрости и решительности государыни Елизаветы, дщери Петра, просвещенности и осторожности графа Шувалова, гения и страсти ученого Ломоносова привело к открытию в 1755 г. первого российского университета. Впрочем, нет никаких сомнений, что его появление было закономерным итогом развития Российского государства и все равно бы состоялось: к середине XVIII века Россия университет выстрадала, его открытие было неизбежно. Однако для России было удачей, что университет был создан по проекту столь просвещенных и неординарных деятелей.

Споры о том, кто внес больший вклад в основание университета, ученый граф или ученый мужик, не утихают вот уже несколько столетий, склоняясь то в одну, то другую сторону, в зависимости от политической обстановки в России. Из письма М.В. Ломоносова И.И. Шувалову, написанного летом 1754 года, мы знаем, что вероятно изначально идея была предложена Ломоносовым: «к великой моей радости, я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества». В этом же письме он предложил краткий план («мое мнение») основания, призывал не торопиться, «чтобы после не переделывать» [Ломоносов, т. 10, 1957: 508]. Набросок Ломоносова был переработан и дополнен в окончательном Проекте об учреждении Московского университета, так что А.С. Пушкин был как всегда предельно точен, написав, что «Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова» [Пушкин, 1949: 247].

Содержание проекта хорошо известно, в нем изложены основные положения, определившие в дальнейшем характер и суть российского университетского образования. Этапы большого пути первого университета России детально изучены. Одним из аспектов, обойденным вниманием исследователей, является бытовая сторона существования университета, в том числе связанная с проблемами питания. Вместе с тем она занимает важное место в университет-

ском мире, и не только естественное физиологическое, но имеет и большое культурообразующее значение. Достаточно вспомнить прекрасную традицию изготовления и раздачи медовухи, введенную ректором В.А. Садовничим, которая стала своего рода символом обновленного университета нового времени. Или образ вечно голодного студента, являющийся частью русской культуры XIX века. Можно проследить и некоторые общие тенденции, объединяющие различные эпохи, так же как и выявить различия, обусловленные историко-культурной ситуацией.

Существует довольно обширный пласт источников, позволяющих восстановить картину повседневной жизни московского студенчества, в том числе и ее гастрономическую составляющую. Среди них наибольшее значение имеют материалы личного характера — мемуары, воспоминания, дневники, переписка бывших учеников университета полнятся яркими, запоминающимися и порой весьма детальными зарисовками студенческого быта. Помимо этого, важная информация содержится в журнальных статьях, публицистике, источниках визуального характера (например, живописи), а также в государственных документах и статистических материалах. Все это позволяет с большой степенью достоверности представить особенности культуры повседневности студенчества, в том числе и в вопросах питания.

Уже в Проекте об учреждении Московского университета 1755 года довольно детально прописаны бытовые детали его существования. Конечно, он не затрагивает вопросов, непосредственно касающихся питания учащихся, но имеется указание на то, что Москва является оптимальным выбором для первого университета в числе прочего еще и потому, что в ней «содержание всякаго не стоит много иждивения» и в ней «почти всякой... себя квартирую и пищею содержать может» [ПСЗ РИ, 1830].

Сохранились свидетельства того, что М.В. Ломоносов разработал оптимальный план питания для университетских учащихся. Воистину многоплановая личность, он не обошел своим вниманием и сей важнейший вопрос, ставший со временем весьма важным для студенчества, влиявшим и на жизнь, и учебный процесс, частенько являвшийся поводом для студенческих бунтов. Безусловно, именно Ломоносов прекрасно понимал всю важность организации правильного питания для студентов. Ни граф Шувалов, ни «Высокоповеренные Ея Императорского Величества Члены Правительствующего Сената», князья и графья, рассматривавшие и обсуждавшие проекты указов, не могли в должной степени оценить всю важность

проблемы, потому что не знали, что такое голод. А Михайло Васильевич знал.

К слову говоря, у нас сохранилось свидетельство и пищевых пристрастий графа Шувалова, во многом благодаря тому же Ломоносову. Илья Федорович Тимковский (1773–1853), юрист, профессор, государственный деятель и автор воспоминания, в юности был лично знаком с основателем Московского университета, не раз встречался, беседовал и обедал с ним. Он писал, что Иван Иванович «стол любил умеренный и яствы мягкие, что и по летам было. Я заметил, что ему нравился печеный картофель при ананасах на столе. Любил очень, говорят, и грибы, что напоминает письмо Ломоносова в стихах: спасибо за грибы, челом за ананас» [Тимковский, 1847: 1459].

Тимковский дает отсылку на шуточное стихотворение М.В. Ломоносова, посвященное Шувалову и написанное около 1753 года. Очевидно, что оно является откликом на посещение дома Шувалова и показывает двух великих людей своей эпохи с новой стороны, как двух приятелей, которые вместе обедали и шутили.

Спасибо за грибы, челом за ананас,
За вина сладкия; я рад, что не был квас.
Российско кушанье сразилось с Перуанским,
А если бы и квас влился в кишки с Шанпанским,
То сделался бы в них такой же разговор,
Какой меж стряпчими в суде бывает спор [Ломоносов, т. 8, 1959: 544].

В соответствии со вкусами своей эпохи и своего сословия стол Шувалова представлял собой смешение традиционной русской пищи (грибы, квас) и иностранных влияний (сладкие вина, шампанское), в том числе экзотические блюда («перуанский» ананас).

За два года до открытия университета Ломоносов, уже известный ученый, профессор и академик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, в письме графу Шувалову (от 10 мая 1753 года) писал о том, что в юности «крайняя бедность, которую я для наук терпел добровольно, отвратить не умела». В юности, во время пребывания в «Спасских школах» (Славяно-греко-латинской академии), учиться было крайне трудно, так как были «отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели», главное среди них — «несказанная бедность» и голод, когда «имея один алтын..., нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу». Таково было питание Ломоносова во время его ученичества. Однако велико было стремление к знанию и Ломоносов

не без гордости («Не примите, ваше превосходительство, мне в самохвальство») сообщает: «Таким образом жил я пять лет и наук не оставил» [Ломоносов, т. 10, 1957: 479].

В документе, относящемся к 1761 году, Ломоносов составляет план оптимального питания для студентов¹. Из означенного набора блюд студентам в обед полагалось по пяти, а в ужин по три блюда. Первой в списке идет рыба, которую надо «варить и жарить», выбор впечатляет: осетрина, белужина, «треска сухая», лососина, «живая» (вероятно, то, что сейчас называется «улов дня»). Далее идет «хлебное», то есть каши, «грешневая», «просовая» (то есть пшенная), овсяная, а также пироги «с капустою с груздями с грешневою кашею и сметками». «Студеное», то есть холодные закуски, включают «вязигу, кисель овсяный с сытою, огурцы, студень, редьку, толокно, свеклу». Завершают список «похлебки», довольно разнообразные: «шти с соленою рыбою, с сушеными сметками, каша грешневая или овсяная с соленою рыбою, с потрохами, каша овсяная с сметками свежими или сухими, калья, селянка, горох, чечевица, грибовница, уха свежая, репница, лапша соковая, лапша гороховая, уха с клиотскими». В другом месте говорится о том, что студентов надо «довольствоваться... своим печеным хлебом и кислыми щами», особой разновидностью кваса [Ломоносов, т. 9, 1955: 572].

Небольшой комментарий к вышеуказанным блюдам. Снеток — мелкая озерная рыбка, продававшаяся сушеной и добавлявшаяся в первую очередь в похлебки, каши, начинку для пирогов для сытости («дешевая и питательная пища», как определяет ее Л.П. Сабанеев в своем знаменитом труде «Рыбы России»). Сушили как в соленом, так и в натуральном виде. Вязига — продукт из спинной струны (хорды) крупных осетровых рыб, была крайне популярна на Руси, считалась доступным деликатесом, в XIX веке в основном использовалась как начинка пирогов (В словаре В.И. Даля говорится, что используется «особо вареная в пироги»). В источниках упоминается с XVI века, в то время была и отдельным блюдом, например, встречается вязига под хреном, вязига в укусе (см. Роспись куша-

¹ Научной справедливости ради отметим, что программа эта составлялась для Академического университета и гимназии, которые он фактически возглавлял, будучи руководителем учебной и научной части Канцелярии. Однако нет сомнения, что о такой же программе Ломоносов мечтал и для другого его любимого детища — Московского университета. Документ был ответом на жалобу студентов, что характерно, поданную лично на имя Ломоносова, хотя формально хозяйственными вопросами занималось лицо ниже его по положению: «академические студенты и гимназисты приносят жалобу словесно, что им приготавливается пища всегда одинакая, что-де им уже наскучило, и просили, чтоб им впредь приказано было приготавливать есты разные».

ню боярина Морозова, Домострой). Кисель овсяный с сытою — древнейшее русское блюдо, упоминаемое еще в Повести временных лет под 997 годом. Кисель готовили густым, охлаждали и резали ножом, после чего поливали сытой — медом, разведенным водой. Калья, по определению Академического словаря 1792 года, наиболее близкого к описываемой эпохе, это «похлебка приготовленная изъ засольной икры съ огурцами» [Словарь АР, т. 3, 1792: 404]. В словаре В.И. Даля, составленном столетия спустя, значение расширяется: «род борща, похлебка на огуречном рассоле, с огурцами, со свеклой и с мясом, а в пост, с рыбой и икрой; похлебка из икры с солеными огурцами». Соковой лапши у Даля нет, зато встречается соковая каша, политая конопляным соком. Соком или иногда молоком называли то, что мы сейчас именуем маслом: миндальным, ореховым, маковым, конопляным и пр. Остальные похлебки понятны и носят название по своему главному ингредиенту.

Список этот естественным образом перекликается с основными принципами университетской системы, главным из которых был акцент на национальных началах. Европейские университеты признавали языком науки только латынь, а Московский университет с момента основания объявил возможность чтения лекций и на латинском, и на русском. Причем последний довольно скоро возобладал. Так и пища, предлагаемая студентам, традиционная русская, именно так питалось подавляющее большинство жителей нашей страны. Щи да каша и, конечно, хлеб были основой питания крестьянства, хотя и для многих помещиков эти блюда были самыми любимыми.

Заметны и личные предпочтения сына архангельского помора (Ломоносов себя помором не называл, но вся деревня занималась рыболовецким промыслом, а Двинский уезд Архангельской губернии был одним из поморских центров). В словаре В.И. Даля указывается, что название похлебки «репница» распространено в Архангельской области и даже приводится способ ее приготовления: «Вареную либо пареную репу разминают, мешают с солодом, иногда с толокном, наливают водой и ставят под крышкой на вольный дух». Ну и конечно впечатляет набор рыбы: в XVIII веке осетровые еще водились в Северной Двине, на берегах которой вырос будущий ученый, а лососевые и сегодня играют заметную роль в экономике региона. В другом месте упоминается «штокфиш» — сушеная треска, производимая исключительно поморами России и Норвегии.

Еще в одном сохранившемся документе, подписанном М.В. Ломоносовым, приводятся и мясные блюда, правда в праздничные дни:

«а в праздничные дни сверх того баранина или говядина, жаркое или окорок», в будние мясо было представлено солониной. И самое главное, Ломоносов прекрасно знал особенности российской системы снабжения, он подчеркивает, что «все помянутые припасы употреблять здоровые, а не затухлые, вонючие или гнилые» [Ломоносов, т. 9, 1955: 532–533].

Речь идет о питании тех студентов, которые получили наименование «казеннокоштных», то есть содержавшихся за казенный счет. Уже в изначальном Проекте об учреждении университета упоминается о «содержании студентов 20 человек записанных на жалование» для работы учителями в начальных классах университетской гимназии, таким образом решался вопрос и о помощи нуждающимся, и о кадрах для гимназии. Однако вскоре стало ясно, что для развития отечественного образования в России необходима более действенная помощь. В 1764 году члены Конференции Московского университета разработали детальное «Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и Гимназии в Москве». В нем указывалось на то, что «многим способным людям, учинившим в учении доброе начало, может тяжело быть продолжать оные на своем содержании» и в результате бедность может многих «принудить» бросить учебу и «избрать другой род жизни». В результате государство «лишилось бы многих полезных людей, которые дарования свои к общей пользе лучше употребить могли». Было заявлено, что способным («хорошим разумом»), но бедным ученикам необходимо назначить казенное содержание. Оговаривалось число таких учащихся по разным факультетам, примерно 150, а также необходимость обязать их проживать в стенах университета «под смотрением своих надзирателей», чтобы контролировать расход государственных средств [Мнение, 1875: 295]. Казеннокоштные студенты должны были после выпуска отработать 5–6 лет там, где была в них нужда, по своего рода обязательному «распределению».

Организовать такое сложное дело было непросто: нужны были не только средства, но и помещения, и люди. В 1781 году граф Шувалов, не оставлявший университет своими заботами, в то время его куратор, писал Екатерине II о том, что «ветхость и теснота дому не токмо не дозволяет умножить учеников, которые непрестанно сего требуют; но и находящиеся в тесных комнатах имеют классы своим жилищем и столовою» [Университет для России, 1997: 129]. То есть ученики спали, ели и учились в одних и тех же помещениях.

Сведений о том, как питались студенты в тот сложный период становления Московского университета у нас немного, но А.С. Пуш-

кин сохранил в своих «Застольных разговорах» исторический анекдот о поэте и переводчике Ермиле Ивановиче Кострове (1755–1796). Выходец из крестьянской семьи, Костров был одним из лучших студентов Московского университета, произведен в бакалавры и, по словам Пушкина, «от императрицы Екатерины именован *университетским стихотворцем*». История рассказывает: «Однажды в университете сделался шум. Студенты, недовольные своим столом, разбили несколько тарелок и швырнули в эконома несколькими пирогами. Начальники, разбирая это дело, в числе бунтовщиков нашли бакалавра Ермила Кострова. Все очень изумились. Костров был нраву самого кроткого, да уж и не в таких летах, чтоб бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали в конференцию. “Помилуй, Ермил Иванович, — сказал ему ректор, — ты-то как сюда попался?..” — “Из сострадания к человечеству”, — отвечал добрый Костров» [Пушкин, т. 8, 1978: 76].

Конечно, «казенное житье» пугало, особенно поначалу. Многие стеснялись, считали унижительным, отдавать свое дитя на казенное иждевение. Отец Александра Дмитриевича Боровкова (1788–1856) был состоятельный купец, мать — дворянка, дочь действительного тайного советника, члена Сената, московского вице-губернатора. К моменту поступления Александра в университет отец умер, и семья обеднела. Матери все советовали отдать сыновей на казенное содержание, но она не решалась, предпочитая распродавать последнее имущество. Не без юмора Боровков, ставший впоследствии известным государственным деятелем, членом Сената, одной из заметных фигур в Следственном комитете по делу декабристов, пишет о том, что мать его «страшилась строгости постороннего надзора и грубости казенного содержания; она знала, что там не дадут нам ни чаю, ни ватрушек; материнское сердце ее раздиралось от таких лишений» [Боровков, 1898: 559].

В университете же считали, что аскетизм и строгость содержания полезны для воспитания характера молодежи и для учения. Профессор Н.Н. Сандунов, одно время исполнявший обязанности инспектора казенных студентов (среди студентов он считался строгим, но справедливым), предупреждал поступившего в университет юношу: «Ты здесь должен забыть матушкины перинки, подушки, пирожки и лакомства, а сидеть и спать на жесткой подстилке, довольствуясь едой из общего котла. Не забывай старую русскую правдивую пословицу: “Сытое брюхо к учению глухо”» [Назимов, 1876: 129].

Мемуаристы XIX века дают довольно подробное описание своего быта вообще, и питания в частности, даже — в особенности;

вопрос этот был важнейшим для молодых растущих организмов. В целом «казенный» стол оценивался вполне положительно, хотя и без восторга. Михаил Леонтьевич Назимов (1806–1879), сын соляного пристава в Арзамасе, впоследствии советник правления Московского университета и московский врач, лечивший Н.В. Гоголя, был студентом в 1820-е годы. В своих мемуарах он подробно описывает студенческий быт: «В двенадцать с половиною часов был обед и в семь ужин. Тот и другой состоял из щей или супа, говядины с картофелем или огурцами и гречневой или пшенной каши; по праздникам подавались пироги и говядина заменялась телятиной. Черного хлеба можно было требовать сколько угодно, так что студенты в своих карманах приносили по несколько ломтей своим коридорным солдатам». Он старается быть объективным и не превозносить простую еду, которую давали в университете, хотя звучит ее описание вполне неплохо: «Но что сказать о кушанье? Без сомнения более бедные, которые может быть дома довольствовались часто и пустыми щами с черным хлебом, были довольны студенческим столом; но кто привык хотя не к роскошной, но порядочной, свежей, хорошо приготовленной пище, тот не скоро привыкал к новой университетской».

Десять лет спустя вспоминал свои счастливые «казеннокоштные» студенческие годы, пришедшиеся на 1830-е гг., профессор Московского университета, выдающийся русский филолог Федор Иванович Буслаев (1818–1897): «...мы были во всем обеспечены и, не заботясь ни о чем, без копейки в кармане, учились, читали и веселились вдоволь. Нашему довольству завидовали многие из своекоштных... Без нашего ведома нам менялось белье, чистилось платье и сапоги, пришивалась недостающая пуговица на вицмундире... Мы вставали в семь часов утра, в восемь пили в столовой чай с булками... Кормили нас недурно. Мы любили казенные щи и кашу, но говяжьи котлеты казались нам сомнительного достоинства, хотя и были приправлены бурой болтушкой с корицей, гвоздикой и лавровым листом» [Буслаев, 1989: 205]. Громкие имена бывших казеннокоштных студентов, прославивших впоследствии свою Alma mater, свидетельствуют от том, что государство не зря кормило неимущую талантливую молодежь, многие из них стали видными учеными и государственными деятелями и с благодарностью вспоминали свою «мать-кормилицу».

Раздавались и резко критические отзывы. Самое знаменитое принадлежит студенту Виссариону Григорьевичу Белинскому (1811–1848), учившемуся несколькими годами ранее оптимистич-

ного Федора Буслаева. В письме к своим родителям от 17 февраля 1831 года юный Белинский негодовал: «Пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть. Я удивляюсь, каким образом мы уцелели от холеры, питаюсь пакостною падалью, стервятиной и супом с червями». «Неистовый Виссарион» не зря получил свое прозвище, с одинаковой страстностью он критиковал условия жизни в университете («Столики стоят в таком близком один от другого расстоянии, что каждому даже можно читать книгу, лежащую на столе своего соседа, а не только видеть, чем он занимается»), организацию учебы («Сидя часов пять сряду на лекциях, должно и остальное время вертеться на стуле. Бывало я и понятия не имел о боли в спине и пояснице, а теперь хожу весь как разломанный»), выдаваемую ему одежду («в форменной одежде, кроме аудитории, нигде нельзя показаться, ибо она в Москве в крайнем пренебрежении; а я... не имею необходимой для всякого молодого человека хорошей фракной или сюртучной пары»). С его выводом в этом случае можно вполне согласиться: «я вправе назвать себя несчастнейшим человеком» [Белинский, 1956: 50]. Увы, как мы знаем, его здоровье уже подтачивала серьезная болезнь.

Удивительным образом, именно Виссариону Григорьевичу мы обязаны и крайне подробным, и чрезвычайно хвалебным описанием казенного быта и питания. Всего за год до своего разоблачительного письма он отправил своим родителям совсем другое мнение (от 5 января 1830): «Теперь я опишу вам наше казенное житье-бытье. ... Всех казенных студентов 150 человек. В каждом номере находится от восьми до 12 студентов. У каждого студента своя кровать, свой стол и своя табуретка. Кровати все железные, очень аккуратно сделанные. Мягкие, довольно высокие тюфяки, подушки, простыня, желтое байковое одеяло, к которому пришита другая простыня, и полосатый чехол составляют постель. Наволоки, простыни и одеяла всегда бывают белы, как снег, и переменяются еженедельно. ... Номера наши, можно сказать, отлично хороши... Чистота и опрятность необыкновенные. Для каждого номера определен солдат, которой метет пол, прибирает постели и прислуживает студентам. По уставу вставать должно в 6 часов, Впрочем, спать можно и до 8 с половиною. В семь часов бывает завтрак, который состоит из булки и стакана молока. ... По будням обед бывает в 2, а по праздникам в 12. Стол по будням состоит из трех блюд: горячего, холодного и каши. Горячее бывает следующее: щи капустные, огуречные, суп картофельный, суп с перловыми крупами, лапша и борщ; всё это бывает попеременно. Из горячего говядина вынима-

ется и готовится на холодное или жаркое. Хлеб всегда бывает ситный и вкусный, и кушанья вообще приготовлены весьма хорошо. По воскресеньям и прочим праздникам, сверх обыкновенного, бывают пироги, жаркое и какое-нибудь пирожное. Столы всегда накрываются скатертями, и для всякого студента особенный прибор, состоящий, как обыкновенно бывает, из тарелки, покрытой сложенной салфеткою, серебряной ложки, ножа и вилки. ... Порядок в столовой чрезвычайно хорош. Увидя столы, накрытые снеговыми скатертями, на которых поставлены миски, блюда, карафины с квасом, приборы в величайшем порядке, можно подумать, что это приготовлен обед для гостей какого-нибудь богача по случаю праздника, бала или чего-нибудь подобного. Миски у нас оловянные на поддонниках, блюда такие же, тарелки каменные. Миски и блюда блестят, как серебряные. Такая чистота во всех отношениях наблюдается» [Белинский, 1956: 33–34].

Надо думать столько резко поменялся не университетский быт, а обстоятельства жизни самого Белинского, который попал в опалу, стал «неблагонадежным», подвергся критике со стороны университетского начальства за попытку напечатать разоблачавшую крепостничество и господствовавший режим трагедию «Дмитрий Калинин», а чуть позднее еще и серьезно заболел.

О существовавшем недовольстве «казенным столом» свидетельствуют и периодические бунты, устраиваемые студентами. Об одном из них уже упоминалось в связи с поэтом Костровым, якобы кидавшемся пирогами. Рассказал о возмущении студентов и Михаил Назимов. Однажды «более бойкие» студенты «при худшей подготовке кушанья, взяв миску и блюда, отправились с жалобой к тогдашнему инспектору Сандунову, который задал им такую начальническую острastку, пригрозив исключением, что с тех пор эта история не повторялась». Уважавший Сандунова до крайности Назимов считал, что тот наверняка тайно от студентов «делал нагоняй тем, кто заведовал столом». Инспектор и сам нередко приходил в столовую, пробовал «кушанье и всегда его хвалил... говоря, что он сам в их года имел стол гораздо хуже» [Назимов, 1876: 135–136].

О случаях недовольства «котлетами», принимавших активные формы, писал и Федор Буслаев, отмечая, что зачинщиками всегда были медики: «Дело начиналось глухим шумом; дежурный субинспектор подходит и спрашивает, что там такое: ему жалуются на эконома, что он кормит нас падалью. Обвиняемый является на суд, и начинается расправа, которая обыкновенно ни к чему не приво-

дила». Буслаев отмечал, что эти истории запали ему в душу, так как ему и многим другим «они очень не нравились по грубости и цинизму» [Буслаев, 1989: 205].

Жизнь своекоштных студентов, проживавших самостоятельно, посещавших университет только для занятий, нередко была еще труднее. Как уже отмечалось, для многих родителей это был вопрос престижа, «казенная» жизнь для любимого дитятки казалась неприемлемой. Вместе с тем часто она оказывалась гораздо сложнее. Надо было найти приличную квартиру, обеспечить быт и питание. Далеко не все молодые люди, приехавшие из глубокой провинции и совершенно не приученные к самостоятельной жизни, могли справиться со сложной ситуацией. К тому же они часто были стеснены в средствах и не подготовлены к жизни в большом городе, со всеми его соблазнами. Именно эта категория студенчества чаще всего страдала от бытовых проблем и голода. Казеннокоштных, хорошо ли, плохо ли, но регулярно кормили.

Знаменитый врач и ученый Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) поступил в Московский университет уже достаточно взрослым, в возрасте 21 года, выйдя в отставку в чине подпоручика. Семья его не бедствовала, но он был младшим восьмым ребенком, отец его, дворянин и отставной военный, давно умер, деньгами распорядилась мать, бывшая крепостная крестьянка, и средства были ограничены.

В своих автобиографических записках будущий ученый пишет о том, что приходилось сильно экономить. В Москве он находился со своим верным слугою, которого торжественно величает Феофаном Васильевичем: «Не знаю, как ухитрился Феофан Васильевич — забота о прокормлении лежала на нем, — но еда нам обоим в течение месяца обходилась редко дороже 5 рублей. Возможно, что он питался на свои деньги или даже прикладывал их к моей пище, потому что отношения между нами были приятельские и он любил меня». Со скрупулезностью ученого, Сеченов фиксирует меню, соответствовавшее расходуемой сумме: «два раза в неделю щи с куском говядины, в прочие дни: 6 яиц всмятку, колбаса, гречневая каша с молоком, картофель с квасом и огурцами. Чая я пил только раз в две недели после бани, а утром съедал калач из муки 2-го сорта в 1 1/2 коп. Изредка лакомился яблоком боровинкой, и вкус к этому яблоку сохранился у меня доселе» [Сеченов, 1989: 283–284]. Впрочем, будущее светило науки нисколько не тяготилось скромными условиями проживания и скудной пищей, он увлеченно учился, был постоянно занят и вполне доволен жизнью.

Однако для многих самостоятельная жизнь, практически без средств к существованию, становилась суровым испытанием. Как, например, для известного экономиста, профессора Московского университета, Академика Петербургской АН, прославившегося в качестве одного из первых в России фабричных инспекторов, Ивана Ивановича Янжула (1846–1914). Восемнадцати лет от роду он потерял обоих родителей, не оставивших ему ничего, кроме сестер, о которых надо было заботиться. Он тем не менее продолжил учебу в Московском университете, распродалая «жалкое имущество». Нищета и голод обрушились на него после того, как его выселили из казенной квартиры, где проживала их семья. Так началась его самостоятельная жизнь в самом «худом смысле». Главный вопрос, по его признанию, мучивший его в тот период был «где и что поесть?». Подкармливался у друзей и в работном доме. Одно «невеселое» время питался исключительно «французскими хлебами», по той причине, что местный булочник выказывал сочувствие к его бедам.

В день ему удавалось тратить не более 3 копеек, на две он покупал у разносчика фунт печенки и на копейку черного хлеба. О чае пришлось забыть, что крайне огорчало голодавшего студента. Иногда отправлялся в так называемый «обжорный ряд», за две копейки покупал порцию щей, а за копейку отдельно кусочек мяса. Во время поста там же покупал так называемые «купоросные щи», причем, несмотря на сильный голод, есть их было противно. В словаре В. Даля говорится, что купоросными щами называют щи «пустые или постные, одна капуста». Печально знаменитый «обжорный ряд» примыкал к Охотному ряду и был его версией для бедных. По словам В. Гиляровского, «В обжорке съедались все те продукты, какие нельзя было продать в лавках и даже в палатках Охотного. Товар для бедноты — слегка протухший, «крысами траченный» [Гиляровский, 1961: 181]. Неудивительно, что бедный Янжул с отвращением вспоминал свой юношеский гастрономический опыт.

В своих мемуарах, не без горького юмора, ученый-экономист замечает, что был вынужден столкнуться в ранней юности с примитивными финансовыми операциями, о которых впоследствии рассказывал студентам на лекциях, — сдачей в заклад личных вещей и сокращением до минимума расходов, ограничивая потребление пищи. С таким же нищим приятелем как он сам, Янжул нередко утешался шутками на тему «известного афоризма», как он назвал цитату из Ломоносова, «Науки юношей питают, отраду старости дают...», вопрошая «Питают и дают!??» [Янжул, 1910: 8, 10–11].

Однако Янжул выдержал испытание голодом, справился с обрушившимися на него невзгодами, продолжил образование, обзавелся частными уроками и сделал блестящую карьеру. Подобно тому, как цитируемый Михайло Ломоносов гордился тем, что, преодолев голод и бытовые неурядицы, не отказался от изучения наук, так и многие другие голодавшие студенты последующих эпох не сдавались и продолжали успешно учиться.

Были в Московском университете и богатые, чей быт и стол заметно отличался от подавляющего большинства студентов. Их было не так много. Высшая аристократия считала университет учебным заведением для разночинцев и обедневшего дворянства, а потом еще и прибежищем вольнодумства, предпочитая посылать детей в Пажеский корпус, дворянские институты и военно-учебные заведения. Богатые купцы считали, и во многом справедливо, что высшее образование помешает их детям продолжать семейный бизнес. Однако бывали и исключения, к тому же ситуация менялась и престиж университетского образования возрастал с течением времени.

В университете, где царил дух равенства, заложенный еще Михайло Ломоносовым, ситуация для богатых отпрысков нередко была непростой. Очень ярко описывает свои переживания Лев Толстой в повести «Юность». Сам он учился в Казанском университете, его старший брат поступил в Московский, в повести представлен некий собирательный образ университетской жизни. Герой, Николай Иртеньев, чувствует себя неловко как среди прожигающих жизнь богачей, так и среди нищих студюзов. Пытаясь найти с последними общий язык, он ходит на их вечерние собрания, на которых студенты сообща готовятся к занятиям: «Маленькая комнатка была вся закурена... На столе стоял штоф водки, рюмка, хлеб, соль и кость баранины». «Вы, я думаю, к такому угощению не привыкли», — обратился к нему хозяин комнаты. «Стараясь не выказывать своего к ним презрения, я снял сюртук». Николенка, как и сам Лев Толстой, так и не нашел своего места в университетской среде.

Были и другие, как, например, знаменитый врач С.П. Боткин (1832–1889), выходец из богатейшей купеческой семьи, который ни в коей мере не стыдился своего положения, а использовал его ко всеобщему удовольствию. По субботам он устраивал во флигеле родительского особняка вечеринки, на который собирались студенты, общались, пели песни, начинали с сытного чаепития, затем готовили «в кастрюле очень вкусный глинтвейн, из красного вина с разными пряностями» [Белоголовый, 1989: 310]. Воспоминания об этих посиделках сохранили многие студенты.

Знаменитый русский правовед Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) был сыном богатого тамбовского помещика, принадлежащего к старинному дворянскому роду. Устраивать двух сыновей, поступавших в университет, приехало все семейство — мать с дочерьми, а потом и отец. Был снят дом, привезены слуги. После успешно сданных сыновьями экзаменов семья вернулась в поместье, но комфортные условия остались, просторная квартира на Тверской была удобным местом для сборищ. Веселая студенческая компания собиралась у братьев Чичериных почти ежевечерне. Повар Мокей готовил к их приходу вкуснейшие пирожки, большое блюдо которых «немедленно пожиралось со свойственным молодости аппетитом». Время пролетало незаметно; «пили чай, пели, хохотали, слагали разные университетские песенки». Иногда ужинали. Как-то на масленицу устроили пир с блинами, веселились до глубокой ночи. Чичерин уверяет, что все это нисколько не мешало учебе, зато создавало атмосферу незабываемого университетского товарищества, память о котором суровый юрист пронес сквозь года [Чичерин, 1989: 405].

Были и те, кто чуждался студенческой компании, вел светскую жизнь и презирал тех, кто был ниже по происхождению и достатку. Но таких были единицы. Все мемуаристы дружно воспевали дух студенческого равенства, который царил в стенах Московского университета. Свидетельство Александра Ивановича Герцена (1812–1870), критически настроенного ко всему, что окружало его на оставленной им родине, именно потому и особо ценно: «Общественные различия не имели у нас того оскорбительного влияния, которое мы встречаем в английских школах и казармах; об английских университетах я не говорю: они существуют исключительно для аристократии и для богатых. Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей *белой костью* или богатством, был бы отлучен от “воды и огня”, замучен товарищами» [Герцен, 1969: 102–103].

Петр Наркизович Обнинский (1837–1904), юрист и общественный деятель, сам родом из далеко не бедной помещицкой семьи обрусевших шляхтичей, писал об удивительной атмосфере Московского университета, уравнивавшей всех и вся перед алтарем знания, заставлявшей «товарищей-аристократов краснеть за свои роскошные палаты, за свои веселые ночи, за свою глупую болтовню и убогие интересы. В этом оздоровительном всесловном общении исчезали кастовые инстинкты, оживлялись умы потомков захудалых дворянских родов, росло и крепло альтруистическое чувство. Князя и графы щеголяли своими “карнаухами” трехуголками

и протертыми на локтях сюртуками, пили вместе с дьяконскими сыновьями жиденький “кружковой чай”, зачитывались и заговаривались до бела-света» [Обнинский, 1899: 34].

Забавный, но весьма показательный эпизод студенческой жизни приводит Борис Чичерин. Лекции иногда длились по 5 часов подряд и, для утоления голода, группа из нескольких человек договорилась бегать по очереди в кондитерскую за пирожками. Немедленно прошел слух, что появился «аристократический кружок, держащий себя особняком». Осуждение было всеобщим. Профессор Т.Н. Грановский, научный руководитель и кумир Чичерина, даже вызвал учеников и сделал им соответствующее замечание о недопустимости подобного поведения в стенах московского университета. Автор мемуаров вину отрицал и записал, что «мы скоро перезнакомились со всем курсом и до конца были со всеми в добрых, товарищеских отношениях» [Чичерин, 1989: 393].

В 1858 году казеннокоштные студенты лишились полного содержания, вместо которого стали получать некую сумму в виде стипендии. Именно с этого времени голод становится неотъемлемой частью большинства студентов, а образ «голодного студента» прочно обосновывается в картине русского мира.

И все-таки ни голод, ни изобилие не могли вытеснить главную составляющую университетского бытия — приобщение к таинству научного знания; и главную радость студенческой жизни — дружеское общение. Молодость довольствовалась малым, пища духовная значила гораздо больше, чем земная. А товарищеские отношения скрашивали жизнь. Не случайно большинство мемуаристов, сделав карьеру, добившись выдающихся результатов в жизни, прославившись в разных областях науки, образования и государственной деятельности, со светлой тоской вспоминало незабываемые годы, проведенные в Московском университете. Из многочисленных ностальгических описаний возьмем лишь одно — Александра Боровкова о «золотом времени», студенческих годах, тем более, что оно содержит и гастрономическую нотку: «Живо и теперь еще представляется в воображении моем, так называемые тогда нами, пирования, когда мы, сделав складчину по 10 и не более 20 копеек медью с брата, отправлялись на Воробьевы горы, Марьину рощу или в Сокольники гулять. Захватив с собою московских калачей или саек и прибавив к тому яблок и орехов, мы отправлялись пешком в путь. Погулявши, побегавши, порезвившись — мы заходили в какую-нибудь деревню и там, купив крынку молока, разделяли с особенным аппетитом роскошную нашу трапезу. Зимой же по вечерам... собирались к ко-

му-либо из товарищей, и тут-то за чашками простого чая с булками начнется ученая беседа, между коей рассказываются любопытные анекдоты и льются рекою острые слова» [Боровков, 1898: 564].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. М.: АН СССР. Т. 11, 1956.
2. *Белоголовый Н.А.* Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: МГУ, 1989.
3. *Боровков А.Д.* Автобиографические записки. Русская старина. Том ХСV. 1898. Выпуски 7–9.
4. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: МГУ, 1989.
5. *Герцен А.И.* Былое и думы. Части 1–5. М.: Художественная литература, 1969.
6. *Гиляровский В.* Избранное в 3 томах. Т. 3. М., 1961. С. 181.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1880.
8. Домострой. СПб., Наука, 2007.
9. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М., Л.: АН СССР. Т. 8, 1959.
10. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М., Л.: АН СССР. Т. 9, 1955.
11. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М., Л.: АН СССР. Т. 10, 1957.
12. Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и Гимназии в Москве. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1875. Апрель-Июнь. Книга вторая.
13. *Назимов М.Л.* В провинции и Москве с 1812 по 1828 г.: Из воспоминаний старожила // Русский вестник. 1876. Т. 124. № 7.
14. *Обнинский П.Н.* Студенческие годы. Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. 14. № 10346.
16. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Т. 8., 1978.
17. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М.-Л.: АН СССР. Т. 11, 1949.
18. Росписи кушанью боярина Бориса Ивановича Морозова // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 6. М., 1850.
19. *Сеченов И.М.* В Московской университете (1850–1856 гг.). Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: МГУ, 1989.
20. Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Т. 3.
21. *Тимковский И.Ф.* Записки Ильи Федоровича Тимковского. Мое определение в службу. Сказание в трех частях // Русский архив, издаваемый Петром Бартечевым. 1874. Тетрадь шестая. Стб. 1459.

22. Университет для России. Под ред. Пономаревой В.В., Хорошиловой Л.Б. М., 1997.
23. Чичерин Б.Н. Студенческие годы. Москва 1840-х. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: МГУ, 1989.
24. Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 г.г. Выпуск первый. СПб. 1910.

Anna V. Pavlovskaya

**FROM THEORY TO PRACTICE OF STUDENTS'
EVERYDAY LIFE AT MOSCOW STATE UNIVERSITY
(18th–19th CENTURIES)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;annapavl@mail.ru

Abstract. The history of Moscow University has been studied in detail and comprehensively enough for 270 years of its existence. One of the aspects neglected by researchers is the everyday side of the university existence, including that related to the problems of nutrition. At the same time, it occupies an important place in the university world, and not only naturally physiological, but also has a great culture-forming significance. Suffice it to recall the beautiful tradition of making and distributing mead, which became a kind of symbol of the renewed university of the new time. Or the image of the eternally hungry student, which is an integral part of the Russian culture of the 19th century. There are numerous sources, the most important of which, perhaps, are memoirs and recollections of former students of the university, which give a rather vivid and diverse picture of the daily life and everyday life of Moscow students, and both the general tendencies uniting different epochs and the differences caused by the course of history can be traced quite clearly. They allow us to outline with a high degree of reliability the peculiarities of the culture of everyday life of students, including in matters of food. The article discusses M.V. Lomonosov's proposals on the organisation of students' meals, the peculiarities of the daily life of the state-paid students who were on full state support until the middle of the 19th century, the problems of the self-paid students who lived and provided themselves with food on their own, and the spirit of camaraderie, which was the main feature of the everyday life of students.

Keywords: Moscow University, students, culture, food traditions, M.V. Lomonosov, everyday life

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Pavlovskaya A.V. (2025) From theory to practice of students' everyday life at Moscow State University (18th–19th centuries). *Lomonosov Lin-*

About the author: Anna V. Pavlovskaya — Dr. Habil. in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; annapavl@mail.ru

REFERENCES

1. Belinskij V.G. 1956. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M.: AN SSSR, vol. 11. (In Russ.)
2. Belogolovij N.A. 1989. *Iz moih vospominanij o Sergeje Petroviche Botkine. Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov (1755–1917)* [From My Memoirs of Sergei Petrovich Botkin. Moscow University in the Memoirs of Contemporaries (1755–1917)]. M.: MGU. (In Russ.)
3. Borovkov A.D. 1898. *Avtobiograficheskie zapiski. Russkaja starina* [Autobiographical Notes. Russian Antiquity], vol. XCV, no. 7–9. (In Russ.)
4. Buslaev F.I. 1989. *Moi vospominanija. Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov (1755–1917)* [My Memoirs. Moscow University in the Memoirs of Contemporaries (1755–1917)]. M.: MGU. (In Russ.)
5. Gercen A.I. 1969. *Byloe i dumy. Chasti 1–5* [My Past and Thoughts. Parts 1–5]. M.: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.)
6. Giljarovskij V. 1961. *Izbrannoe v 3-h tomah* [Selected Works in 3 Volumes]. Vol. 3. M. (In Russ.)
7. Daľ V.I. 1880. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. SPb., M. (In Russ.)
8. *Domostroj* [Household Orde]. 2007. SPb., Nauka. (In Russ.)
9. Lomonosov M.V. 1959. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M., L.: AN SSSR, vol. 8. (In Russ.)
10. Lomonosov M.V. 1955. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M., L.: AN SSSR, vol. 9. (In Russ.)
11. Lomonosov M.V. 1957. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M., L.: AN SSSR, vol. 10. (In Russ.)
12. *Mnenie ob uchrezhdenii i sodержanii Imperatorskogo universiteta i Gimnazii v Moskve. Chtenija v Imperatorskom Obshhestve Istorii i Drevnostej Rossijskih pri Moskovskom Universitete* [Opinion on the Establishment and Maintenance of the Imperial University and Gymnasium in Moscow. Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. 1875. Aprel'-Ijun'. Kniga vtoraja. (In Russ.)
13. Nazimov M.L. 1876. *V provincii i Moskve s 1812 po 1828 g.: Iz vospominanij starozhila* [In the Provinces and Moscow from 1812 to 1828: From the Memoirs of an Old-Timer]. *Russkij vestnik*, vol. 124, no. 7. (In Russ.)
14. Obninskij P.N. 1899. *Studencheskie gody. Vospominanija o studencheskoj zhizni* [Student Years. Memoirs of Student Life]. M. (In Russ.)
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 1830. SPb., vol. 14, no. 10346. (In Russ.)
16. Pushkin A.S. 1949. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M.-L.: AN SSSR, vol. 11. (In Russ.)

17. Pushkin A.S. 1978. *Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t.* [Complete Collected Works: In 10 Volumes]. L.: Nauka, vol. 8. (In Russ.)
18. Rospisi kushan'ju bojarina Borisa Ivanovicha Morozova [Lists of Dishes for Boyar Boris Ivanovich Morozov]. 1850. *Vremennik imperatorskogo Moskovskogo obshhestva istorii i drevnostej rossijskih* [Vremennik of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities]. Book 6. M. (In Russ.)
19. Sechenov I.M. 1989. *V Moskovskoj universitete (1850–1856 gg.) Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov (1755–1917)* [At Moscow University (1850–1856). Moscow University in the Memoirs of Contemporaries (1755–1917)]. M.: MGU. (In Russ.)
20. *Slovar' Akademii Rossijskoj* [Dictionary of the Russian Academy]. 1792. SPb, vol. 3. (In Russ.)
21. Timkovskij I.F. 1874. *Zapiski Il'i Fedorovicha Timkovskogo. Moe opredelenie v sluzhbu. Skazanie v treh chastjah* [Notes of Ilya Fedorovich Timkovsky. My Appointment to Service. A Tale in Three Parts]. *Russkij arhiv, izdavaemyj Petrom Bartenevym. Tetrad' shestaja* [Russian Archive, published by Pyotr Bartenev. Notebook Six]. Stb. 1459. (In Russ.)
22. *Universitet dlja Rossii* [University for Russia]. 1997. In Ponomarevoj V.V., Horoshilovoj L.B. (ed.). M. (In Russ.)
23. Chicherin B.N. 1989. *Studencheskie gody. Moskva 1840-h. Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov (1755–1917)* [Student Years. Moscow in the 1840s. Moscow University in the Memoirs of Contemporaries (1755–1917)]. M.: MGU. (In Russ.)
24. Janzhul I.I. 1910. *Vospominanija I.I. Janzhula o perezhitom i vidennom v 1864–1909 g.g. Vypusk pervyj* [Memoirs of I.I. Yanzhul about Experiences and Observations in 1864–1909. First Issue]. SPb. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.04.2025;
одобрена после рецензирования 09.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 09.04.2025;
approved after reviewing 09.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Е.А. Жеребина, Н.Ю. Зайцева

ГЕНЕРАТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ВУЗЕ

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия; e.zherebina@gmail.com; nzaytseva@herzen.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу возможностей и вызовов, связанных с интеграцией генеративных языковых моделей (LLMs) в процесс обучения профессионально ориентированному иностранному языку в высшей школе. Рассматриваются теоретические аспекты функционирования нейросетей в процессе обучения, практические принципы работы с инструментами искусственного интеллекта и вопросы персонализации образовательного маршрута в условиях использования нейросетей. В статье анализируются метакогнитивные и когнитивные стратегии обучения, для которых целесообразно применение возможностей нейросетей на современном этапе их развития. Авторы приходят к выводу, что применение технологий искусственного интеллекта повышает мотивацию обучающихся, ускоряет освоение профессиональной лексики и развивает аналитические навыки. Однако успех зависит от цифровой компетентности преподавателей и осознанного подхода студентов. Важной проблемой становится сохранение баланса между цифровизацией образования и гуманитарной составляющей образовательного процесса. Практические наработки авторов (апробация в РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) демонстрируют

Жеребина Елена Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и романских языков института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена; e.zherebina@gmail.com

Зайцева Наталья Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и романских языков института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена; nzaytseva@herzen.spb.ru

© Жеребина Е.А., Зайцева Н.Ю., 2025

потенциал нейросетей для модернизации профессионального иноязычного образования в вузах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративные языковые модели, иностранные языки, профессионально-ориентированное обучение, стратегии обучения, лингводидактика, цифровизация, образовательные технологии

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-11

Для цитирования: Жеребина Е.А., Зайцева Н.Ю. Генеративные языковые модели как образовательная технология в обучении профессионально ориентированной иноязычной коммуникации в вузе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 185–201. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-11

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий во всех сферах человеческой деятельности, которое мы наблюдаем в последние годы, влечет за собой радикальные изменения в современном образовательном процессе. Цифровая трансформация образования давно служит предметом обсуждений и дискуссий в отечественной и зарубежной педагогической дидактике [Стариченко, 2020; Безукладников, Прохорова, 2022; Сысоев, 2024; Becker, 2017; Weinhardt, 2019; Zhao, 2025 и др.]. Возможности виртуальной коммуникации расширились в период пандемии COVID-19 и ускорили освоение интернет-пространства среди пользователей различных уровней. Однако поистине революционные изменения произошли в 2022 году с выходом в публичное пространство ChatGPT — чат-бота на основе языковой модели, разработанного компанией OpenAI. В связи с этим событием произошло ускорение эволюции образовательных концепций, которые пытаются переосмыслить опыт функционирования системы образования в новой цифровой реальности. Многие исследования имеют теоретический характер и, углубляясь в философский анализ образовательной среды, разрабатывают понятие фиджитал-сферы в обучении и гуманитарной составляющей новейших технологий [Галушко, 2022; Миронова, 2023; Nida-Rümelin, Weidenfeld, 2018 и др.], а также изменение роли учителя и соотношения учитель-ученик в изменившейся образовательной парадигме [Жеребина, 2018b; Титова, 2025, Каплунович, 2024; Felix, 2020 и др.]. Практические исследования направлены на изучение методов и форм работы с обучающимися в сетевой реальности. Как технические, так и гуманитарные дисциплины создают свой комплекс технологических решений для оптимизации и усовершен-

ствования процесса обучения, исследуют цифровые инструменты с учетом их пригодности и эффективности в определенной области знания и на конкретной ступени обучения, в том числе и для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья [Рыбакова, 2021; Болкунов, 2024; Титова, 2024; Фадеева, Авраменко, 2024; Hong, 2023; Edmett, Ichaporia, Crompton, Crichton, 2024; Hockly, 2023; Rüdian, Pinkwart, 2021; Агафонова, Хахалина, Лагутина, Павлова, 2022; Романович, 2021 и др.]. Системное применение инструментов искусственного интеллекта на данном этапе его развития может выступать как образовательная технология, включающая в себя упорядоченную совокупность приемов обучения и эффективное взаимодействие технических и человеческих ресурсов.

Преимущества и недостатки внедрения нейросетей в образовательный процесс также стали предметом пристального изучения. Уже традиционно выделяются положительные стороны использования новейших технологий, как например: доступность, простота и скорость получения обратной связи, автоматизация рутинных задач, персонализация учебного процесса, интерактивность учебного материала, повышение мотивации. К недостаткам относятся опасность утечки данных, недостаточность материальной базы и доступа в интернет в учебных заведениях, неравенство доступа к техническим средствам обучения, снижение межличностного эмоционального взаимодействия в паре учитель-ученик. Дискуссионным вопросом является вероятность снижения когнитивных способностей, таких как способность к критическому осмыслению информации, память, внимание, воображение.

Актуальность и количество исследований, посвященных функциям и месту нейросетей в образовании, возрастает с каждым месяцем. Скорость появления все новых инструментов, основанных на генеративных языковых моделях, поражает воображение, однако осмысление этих скачкообразных изменений и особенно практическое применение в системе образования движется гораздо медленнее. Такая медлительность, по нашему мнению, связана не только с консерватизмом участников образовательного процесса, но и с естественными опасениями того, что бездумное и несистематизированное использование искусственного интеллекта может нанести вред развитию когнитивных способностей обучающихся. В рамках компетентностного подхода речь должна идти не только об усвоении материала той или иной дисциплины с помощью нейросетей, но и о формировании цифровых компетенций в качестве универсальных для любого обучающегося на любом уровне образования. Более

того, можно заметить, что развитие цифровых компетенций с целью освоения принципов работы нейросетей востребовано всеми сторонами образовательного процесса, поскольку осведомленность о новых возможностях в целом невысока в рамках образовательных учреждений [Авраменко, Буланова, 2024: 86].

Цель работы состоит в анализе возможностей эффективного использования генеративных языковых моделей в обучении профессионально ориентированному иностранному языку в высших учебных заведениях, а также в исследовании дидактического потенциала применения искусственного интеллекта для формирования иноязычных профессиональных компетенций у обучающихся вузов.

Практическая значимость исследования заключается в систематизации методов и инструментов работы с генеративными языковыми моделями в обучении профессионально ориентированной научной коммуникации для усовершенствования образовательного процесса в высших учебных заведениях. Апробация предлагаемых методических приемов проходила в РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) в рамках дисциплин «Иностранный язык в профессиональной коммуникации», «Иноязычная коммуникация в сфере научно-исследовательской деятельности», «Профессионально ориентированный перевод» для уровней магистратуры и аспирантуры.

Лингводидактические принципы обучения иностранному языку для специальных целей с учетом использования нейросетей

Для изучения иностранных языков разработаны многочисленные онлайн-платформы, чат-боты и приложения, которые предоставляют необъятное разнообразие возможностей для изучения грамматики, лексики и тренировки разговорных навыков. Нейросети способны генерировать тексты, тесты, упражнения различных уровней сложности, проверять правильность их выполнения и давать обратную связь, переводить и комментировать тексты, распознавать речь и переводить ее в текст, а также имитировать стандартизированное общение с собеседником на заданные темы. На нынешнем этапе количество исследований, посвященное использованию искусственного интеллекта в системе иноязычного образования, растет экспоненциально, что неизбежно приведет к качественным изменениям в педагогической практике, поскольку фактически больше не существует ни одного направления обучения

и ни одной дисциплины, которая не была бы затронута внедрением искусственного интеллекта.

Настоящее исследование затрагивает только один аспект этой обширной темы, а именно: применение нейросетей в иноязычном профессионально-ориентированном обучении.

Опираясь на анализ практики преподавания иностранного языка для специальных целей в системе высшего образования, мы выделяем следующие вопросы, возникающие при применении LLM (больших лингвистических моделей): разработка и внедрение различных стратегий обучения, составление учебных пособий и использование уже существующих дидактических материалов, роль преподавателя в процессе иноязычного образования, соотношение аудиторной и самостоятельной работы, мотивационный ресурс нейросетей.

Осознанный выбор стратегий обучения

На старших курсах базовой ступени образования, и особенно на этапах магистратуры и аспирантуры, обучающиеся под руководством преподавателя способны к плодотворному анализу своей учебной деятельности.

Эндрю Коэн в фундаментальной работе, посвященной стратегиям изучения иностранного языка, определяет стратегии как мыслительные процессы, осознанно выбранные обучающимися при выполнении учебных задач [Cohen, 2014: 166]. Осознанность целей и способов их достижения во взрослом возрасте увеличивает эффективность процесса обучения.

Стратегии обучения делятся согласно Коэну на когнитивные, метакогнитивные и социально-аффективные (однако последние относятся к взаимодействию личностей, а не человека и искусственного интеллекта, поэтому в настоящей работе они не рассматриваются).

1. Метакогнитивные стратегии включают планирование, контроль и оценку своих действий для более эффективного усвоения информации. «Сами обучающиеся осознают необходимость навыков самоорганизации, самоконтроля и самооценки, но в подавляющем большинстве случаев не обладают ими. Наличие огромного количества информации в интернете должно, казалось бы, облегчить получение знаний, однако чаще всего только вводит в заблуждение и придает хаотичность учебному процессу» [Жеребина, 2018а: 389]. Для систематизации процесса роль тьютора может взять на себя

любое приложение, работающее на основе генеративных языковых моделей. Если преподаватель в достаточной мере владеет техникой их использования в учебной деятельности, он может дать обучающемуся инструкции, как эффективнее составить текстовый запрос (промпт) для нейросети.

Пример запроса для составления индивидуального плана обучения с помощью нейросети в соответствии с целью обучения (без учета конкретного иностранного языка и конкретной научной специальности): *Составь план обучения иностранному языку для специальных целей с учётом следующих факторов. 1. Цель — стажировка по специальности в иностранном вузе (название вуза и специальности). 2. Мой языковой уровень на данный момент — В1. 3. Я должен выполнить задачу за полгода. 4. Я буду заниматься два раза в неделю по два часа. 5. Что я хочу уметь: 1. Читать и в целом понимать текст научных работ. 2. Уметь выполнить качественный перевод научного текста с родного языка на иностранный и наоборот. 3. Уметь составить доклад по теме моей научной работы и презентовать его на конференции. 4. Уметь писать деловые письма и запросы, связанные с жизнью университета. 5. Уметь составлять аннотации к научным статьям (по специальности).*

Приложение (например, ChatGPT, DeepSeek, Perplexity, Le Chat, Gemini, Grok) составит не только план на полугодие, но и предложит пример плана на неделю, а также посоветует подходящие ресурсы и внедрит их в план. Для развития метакогнитивных навыков на практических занятиях мы применяем систему трех «П»: планирование (разработка индивидуального образовательного маршрута), процесс (применение стратегий осознанного обучения), проверка (система чек-листов для самооценки).

Составление чек-листа также берет на себя искусственный интеллект. Вопросы будут соответствовать основной цели и плану обучения. Например, составленный чат-ботом лист вопросов для самопроверки навыков подготовки доклада и презентации может выглядеть следующим образом: *1. Умею ли я четко разделять доклад на введение, основную часть и выводы, чтобы логика изложения была понятна слушателям? 2. Могу ли я сформулировать главную идею доклада одним предложением? 3. Нет ли на моих слайдах «стен текста»? Использую ли я схемы, таблицы или ключевые цитаты вместо сплошного текста? 4. Достаточно ли я объясняю специфические термины, чтобы быть понятным даже неспециалистам? 5. Укладываюсь ли я в регламент (10 минут), если репетирую доклад вслух? 6. Могу ли я предугадать 3–5 возможных*

вопросов по теме и подготовить краткие ответы? 7. Все ли мои утверждения подкреплены источниками (цитаты, ссылки на тексты)? 8. Проверил(а) ли я произношение сложных терминов? 9. Знаю ли я приемы, чтобы снизить стресс перед выступлением (дыхание, паузы, фокус на дружелюбных слушателях)? 10. Проверил(а) ли я, что презентация открывается на другом устройстве, а микрофон/кликер работают?

2. Когнитивные стратегии — это осознанные методы анализа информации, которые помогают эффективнее усваивать, запоминать и применять новые знания. В рамках изучения иностранного языка для академических целей основными темами являются: перевод научного текста по специальности, реферирование и аннотирование текста, освоение сложных тем грамматики письменной речи, письменная коммуникация, включающая в себя деловую переписку и написание собственных научных текстов. Искусственный интеллект может быть применен как вспомогательный ресурс для аналитической работы с каждым из этих аспектов.

• **Перевод иноязычного научного текста.** Осваивая эту форму работы, обучающиеся сталкиваются с тем, что часто перевод с помощью автоматических переводчиков Google, DeepL или Yandex не справляется с переводом терминов или сложных грамматических явлений. В этом случае целесообразно с помощью чат-бота составить терминологический глоссарий по тексту или попросить объяснить непонятную синтаксическую конструкцию на более простых примерах. Затем следует редактирование чернового перевода с помощью ИИ-чата или встроенной в переводчики функции редактирования (например, DeepL Write).

Особую сложность представляют тексты, содержащие окказиональное употребление лексических единиц или представляющие оригинальную авторскую концепцию с помощью неологизмов и игры слов, вводящие новый терминологический аппарат. Например, даже владеющий терминами своей науки обучающийся затруднится при переводе оригинальных философских текстов А. Уайтхеда, Б. Рассела, Ж. Делёза или М. Хайдеггера. Такие высказывания как «*The many become one, and are increased by one*» (А. Уайтхед), «*Un rhizome ne commence et n'aboutit pas, il est toujours au milieu, entre les choses, inter-être, intermezzo*» (Ж. Делёз), «*Das Dasein ist in der Weise des In-der-Welt-seins*» (М. Хайдеггер) требуют не буквального перевода, а интерпретации, а значит, гораздо более глубокого понимания материала, чем может предоставить онлайн-переводчик. Нейросеть

способна сопоставить существующие интерпретации и переводы, предложить разные значения каждой лексемы в контексте, найти аналогии в других текстах и проанализировать допущенные ошибки. Например, запрос может формулироваться следующим образом: *переведи, пожалуйста, этот текст немецкого философа Мартина Хайдеггера на русский язык. Попробуй правильно перевести термины, используя привычный перевод этих терминов в русскоязычных переводах. Если есть несколько вариантов перевода и дискуссия о них, сопоставь и проанализируй эти варианты. Дай определение этих терминов на немецком языке, опираясь на интерпретации немецкоязычных комментаторов.* Таким образом, чат-бот предложит как русскоязычные варианты, так и варианты интерпретации терминов на исходном иностранном языке, которые послужат материалом для самостоятельного анализа.

• **Аналитическая работа с иноязычным научным текстом** может строиться на использовании следующих заданий: поэтапное аналитическое прочтение объемного текста по главам, в каждой главе выделение ключевых тезисов (например, при помощи Quillbot, Elicit), поиск аналогичных исследований на ту же тему (ResearchGate, ResearchRabbit, CORE, Jenni.ai, Connected Papers, Consensus), упрощение или перефразирование частей текста без потери академического стиля (Writefull, ChatGPT, DeepSeek, Perplexity, Le Chat, Gemini, Grok), написание аннотации (Summarizer.ai, Claude, Qwen, ChatGPT). Запрос обычно формулируется следующим образом: задается объем аннотации, формулируется просьба выделить главные положения и вывод или проследить логику развития одного интересующего тезиса.

Важно, чтобы обучающийся понимал, что языковая модель — это не поисковая система, она предсказывает вероятные последовательности слов, а не ищет факты в базе данных. Поэтому при помощи нейросетей возможен поиск связанных публикаций в специальных приложениях, но обычный поисковый запрос литературы по теме связан с риском получения ложной информации, когда нейросеть генерирует правдоподобные библиографические источники. Большинство приложений искусственного интеллекта не подключены в реальном времени к библиотечным каталогам, ISBN-реестрам и издательским базам.

• **Письменная научная коммуникация на иностранном языке** может включать в себя следующие формы работы: составление доклада, статьи или короткого сообщения на иностранном языке, тезисов доклада, создание мини-проекта (например, как выбран-

ная научная тема представлена в научных исследованиях страны изучаемого языка), создание мини-презентации или постерного доклада, написание главы научного блога, составление языкового портфолио, которое включает лучшие работы за семестр или за год, написание деловых писем или мотивационного письма.

У обучающегося есть две возможности работы с этими заданиями: самостоятельное выполнение работы, а затем проверка и редактирование с помощью чат-бота или наоборот — выполнение задания с помощью чат-бота и затем анализ и корректировка обучающимся полученного результата. Какой формат в итоге будет выбран, зависит от личных установок обучающегося или от рекомендаций преподавателя.

Здесь необходимо помнить, что большие лингвистические модели, предназначенные для генерации связного текста, не способны создать уникальный текст как на родном, так и на иностранных языках, поскольку нейросеть обрабатывает и комбинирует уже существующую информацию.

- **Устная иноязычная коммуникация** на занятиях по профессионально ориентированному иностранному языку состоит из подготовки устного доклада, презентации, имитации диалога с представителями научного сообщества, записи научного подкаста, а также тренировки навыков восприятия специализированного текста на слух. С помощью ИИ-приложений и голосовых сообщений можно отрабатывать навыки устной речи на любую тему, ИИ-ассистент выступит в роли знающего собеседника (правило промта — задать роль собеседника и коммуникативную ситуацию. Примерным запросом может быть следующий: *ты — специалист, компетентный в моей теме, давай обсудим следующие аспекты... Или: задай мне вопросы к моему докладу, как будто ты эксперт в моей теме и прослушал мой доклад на конференции*). Беглость речи можно тренировать, записывая подкаст или видео на интересующую тему. Его потом можно обсудить с чат-ботом для развития навыков научной дискуссии. С помощью нейросети можно получить отредактированную транскрипцию любого устного доклада и лекции (Whisper, AI-Transcription, Riverside), а полученный текст обучающийся также может тезисно конспектировать и обсудить с чат-ботом.

Использование нейросетей для создания персональных учебных пособий

Одной из важных проблем преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах является недостаточное количество

специализированных учебных пособий по узким исследовательским направлениям. Многочисленные популярные учебники по академическому иностранному языку учитывают все многообразие специальностей и учат общим принципам научной коммуникации [Bailey, 2025; Carras, Tolas, Kohler, Szilagyi, 2007; Graefen, Moll, 2011 и др.]. Их польза неоспорима, но тем не менее высока потребность в индивидуализации обучения не только на каждом направлении, но и в рамках конкретных тем. Например, специалист по классической немецкой философии или по истории наполеоновских войн, зная основные принципы перевода и построения научной коммуникации на иностранном языке, хочет углубиться в зарубежные исследования по своей теме, уметь создавать собственные тексты и устные сообщения, корректно использовать терминологический аппарат.

В этом случае нейросеть может оказать большую поддержку обучающемуся и преподавателю иностранного языка при их совместной работе над узкоспециализированной темой научного исследования. Прежде всего, это касается глоссария по теме и интерпретации терминов. Чат-бот также поможет составить обзор литературы по теме, раскрыть любой из аспектов темы, генерировать аннотации, перефразировать предложение или абзац без потери научного стиля, отредактировать научный стиль, предложить корректировки по запросу (*prompt* — *что я не учел в своей работе? Какие недостатки моей работы ты видишь? Что можно было бы добавить? Что может вызвать возражение оппонента? и т.п.*).

Также при необходимости чат-бот может составить лексико-грамматические упражнения на материале конкретных научных текстов (например, упражнения на подстановку, упражнения на отработку синтаксических конструкций, используя лексику изучаемого текста, составление и анализ семантического поля и т.п.), то есть создаст индивидуализированные дидактические материалы с функцией проверки правильности выполнения заданий.

Заключение

Повсеместная цифровизация во всех областях знаний ведет к радикальному изменению системы образования, которое требует непрерывного переосмысления всеми участниками образовательного процесса — от руководства вузами до самого слабого студента. Темпы индивидуальной цифровизации населения, особенно молодежи, намного превышают скорость освоения технологий преподавателями и руководителями подразделений и материальные воз-

возможности учебных заведений. У обучающегося может возникнуть ложное впечатление, что с появлением искусственного интеллекта он больше не нуждается в образовательной среде вуза. Или наоборот — неудачные попытки использования нейросетей могут привести к падению мотивации и затормаживанию процесса обучения. Именно преподаватель является тем звеном, которое отвечает за сохранение баланса между гуманизацией и цифровизацией образования, за отбор наиболее эффективных цифровых инструментов и за соблюдение соотношения аудиторной и самостоятельной работы для каждой ступени образования.

Системно используя искусственный интеллект в работе над иностранным языком для специальных целей, обучающийся может расширить словарный запас в своей профессиональной области, научиться аналитическому чтению научного текста, освоить навыки письменного перевода, научиться писать аннотации и деловые письма, подготовить доклад, закрепить навыки уверенного общения в профессиональной среде. При этом наблюдается повышение мотивации, увеличение скорости усвоения информации, развитие навыков рефлексии над процессом собственной учебной деятельности и выбором стратегий обучения.

Представленный анализ инструментов использования нейросетей как эффективной образовательной технологии при обучении иностранному языку для профессиональной деятельности может найти практическое применение в разработке рабочих программ дисциплин, построении персонализированных моделей обучения, повышения цифровой грамотности преподавателей и обучающихся, а также могут быть использованы для формулирования методологических основ цифровизации образовательной среды вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авраменко А.П., Буланова Е.Р.* Перспективы развития самостоятельной работы студентов в контексте интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное образование // *Рема. Rhema.* 2024. № 1. С. 79–91.
2. *Агафонова Л.И., Хахалина М.С., Лагутина А.А., Павлова О.Н.* Разработка адаптированных электронных учебных курсов по иностранному языку для слепых и слабовидящих студентов педагогического вуза // *Вестник Томского государственного университета.* 2022. № 479. С. 189–198.
3. *Безукладников К.Э., Безукладников В.К., Прохорова А.А.* Исследование лингвоцифровой компетенции в контексте общей функциональной грамотности // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики.* 2022. № 2. С. 105–121.

4. Болкунов И.А. Сквозные цифровые технологии в образовании: ожидания и реальность // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-1. С. 53–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skvozhnye-tsifrovye-tehnologii-v-obrazovanii-ozhidaniya-i-realnost> (дата обращения: 24.04.2025).

5. Галушко Т.Г. Человеко-ориентированное фиджитал- и диджитал-образование: цифровизация и гуманизация // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2022. № 204. С. 25–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cheloveko-orientirovannoe-fidzhital-i-didzhital-obrazovanie-tsifrovizatsiya-i-gumanizatsiya> (дата обращения: 24.04.2025).

6. Жеребина Е.А. Роль метакогнитивных навыков в обучении иностранному языку // Герценовские чтения. Иностранные языки : сборник научных статей, Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2018 года. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018а. С. 389–390.

7. Жеребина Е.А. Актуальные проблемы использования электронных образовательных ресурсов при обучении иностранному языку // Проблемы современной филологии и лингводидактики: сборник научных трудов. Выпуск 9. Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018b. С. 119–125.

8. Каплунович С.М., Каплунович И.Я. Педагог vs искусственный интеллект: современные реалии и перспективы // Гуманитарные науки. 2024. № 2 (66). С. 15–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagog-vs-iskusstvennyu-intellekt-sovremennye-realii-i-perspektivy> (дата обращения: 24.04.2025).

9. Миронова С.П. Содержание и принципы фиджитал-парадигмы в контексте цифровой трансформации образования // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-2. С. 452–455. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-printsipy-fidzhital-paradigmy-v-kontekste-tsifrovoy-transformatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 24.04.2025).

10. Романович М.Ю., Щербакова Н.В. Обучение иностранному языку лиц с ограниченными возможностями здоровья по зрению в условиях лингвистического вуза // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 2 (839). С. 160–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-inostrannomu-yazyku-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-po-zreniyu-v-usloviyah-lingvisticheskogo-vuza> (дата обращения: 24.04.2025).

11. Рыбакова М.В. Цифровая образовательная среда как фактор развития иноязычных компетенций // Перспективы науки и образования. 2021. № 1 (49). С. 232–248.

12. Стариченко Б.Е. Цифровизация образования: реалии и проблемы // Педагогическое образование в России. 2020. № 4. С. 16–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-realii-i-problemy> (дата обращения: 24.04.2025).

13. Сысоев П.В. Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта // Иностранные языки в школе. 2024. № 3. С. 6–17.

14. Титова С.В., Харламенко И.В. Подготовка педагогических кадров к использованию искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам //

- Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 66–84.
15. *Титова С.В.* Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 18–37.
 16. *Фадеева В.А., Авраменко А.П.* Информатизация лингвистического образования как приоритетное направление научных исследований (опыт ФИЯР МГУ имени М.В. Ломоносова) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 4. С. 100–114.
 17. *Bailey S.* Academic Writing: A Handbook for International Students (6th ed.). Routledge. 2025.
 18. *Becker B.* Artificial Intelligence in Education: What is it, Where is it Now, Where is it Going? // Ireland's Yearbook of Education 2017–2018. 2017. Education Matters. Pp. 42–46.
 19. *Carras C., Tolas J., Kohler P., Szilagyi E.* Le Français sur Objectif Spécifique et la classe de langue. CLE International, 2007.
 20. *Cohen A.D.* Strategies in learning and using a second language. — Harlow, England: Longman Applied Linguistics/Pearson Education, 2014. DOI: 10.4324/9781315833200 (дата обращения: 12.02.2025).
 21. *Edmett A., Ichoria, N., Crompton H., Crichton R.* Artificial intelligence and English language teaching: Preparing for the future (Second edition). British Council, 2024.
 22. *Felix C.V.* The Role of the Teacher and AI in Education // International Perspectives on the Role of Technology in Humanizing Higher Education. 2020. Pp. 33–48. DOI: 10.1108/S2055-36412020000033003 (дата обращения: 20.04.2025).
 23. *Graefen G.; Moll M.* Wissenschaftssprache Deutsch: lesen — verstehen — schreiben. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. Frankfurt/M.: Lang, 2011.
 24. *Hockly N.* Artificial Intelligence in English Language Teaching: The Good, the Bad and the Ugly // RELC Journal, 2023. Vol. 54. Pp. 445–451. DOI: 10.1177/00336882231168504 (дата обращения: 25.03.2025).
 25. *Hong W.C.H.* The Impact of ChatGPT on Foreign Language Teaching and Learning: Opportunities in Education and Research. Journal of Educational Technology and Innovation. 2023. Vol. 5. Pp. 37–45. URL: <https://doi.org/10.61414/jeti.v5i1.103> (дата обращения: 25.03.2025).
 26. *Nida-Rümelin J. Weidenfeld N.* Digitaler Humanismus. Eine Ethik Für Das Zeitalter Der Künstlichen Intelligenz. München: Piper Verlag, 2018.
 27. *Rüdian S., Pinkwart N.* Generating adaptive and personalized language learning online courses in Moodle with individual learning paths using templates // International Conference on Advanced Learning Technologies (ICALT). 2021. Vol. 21. URL: <https://doi.org/10.57884/78EA-3C69> (дата обращения: 30.04.2025).
 28. *Weinhardt J.M., Sitzmann T.* Revolutionizing training and education? Three questions regarding massive open online courses (MOOCs). Human Resource Management Review, 2019. Vol. 29. № 2. Pp. 218–225. URL: <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2018.06.004> (дата обращения: 15.04.2025).
 29. *Zhao X., Cox A., Chen X.* The use of generative AI by students with disabilities in higher education, The Internet and Higher Education. 2025. Vol. 66. URL: <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2025.101014> (дата обращения: 30.04.2025).

Elena A. Zhrebina, Natalja Yu. Zajtseva

INTEGRATING GENERATIVE AI INTO LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES (LSP) TRAINING AT UNIVERSITY LEVEL

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia;
e.zhrebina@gmail.com; nzajtseva@herzen.spb.ru

Abstract. The article examines the opportunities and challenges of integrating generative language models into professional foreign language teaching in higher education institutions. It explores theoretical frameworks for implementing neural networks in teaching processes, practical methodologies for using AI-based tools, and approaches to personalised learning pathways within autonomous AI-based environments. Findings indicate that AI technologies increase learner motivation, accelerate the acquisition of domain-specific vocabulary, and foster analytical skills. The article analyses metacognitive and cognitive learning strategies for which it is appropriate to use the capabilities of neural networks at the current stage of their development. However, their effectiveness remains dependent on teachers' digital literacy and students' self-regulated learning strategies. A critical challenge is to maintain a balance between technological integration and humanistic educational values. The authors present empirical evidence from classroom implementations, demonstrating the transformative potential of LLMs (Large Language Models) for modernising professional language education. The paper contributes to ongoing discussions on how to optimise human-AI collaboration in academic settings while maintaining pedagogical integrity.

Keywords: artificial intelligence, generative language models, foreign languages for specific purposes, learning strategies, linguodidactics, digitalization, educational technologies

For citation: Zhrebina E.A., Zajtseva N.Yu. (2025) Integrating generative AI into Language for Specific Purposes (LSP) training at university level. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 185–201. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-11 (In Russ.)

About the authors: Elena A. Zhrebina — PhD, Associate Professor of the Department of German and Romance Languages, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia; e.zhrebina@gmail.com; Natalja Yu. Zajtseva — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of German and Romance Languages, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia; nzajtseva@herzen.spb.ru

REFERENCES

1. Avramenko A.P., Bulanova E.R. 2024. Perspektivy razvitiya samostojatel'noj raboty studentov v kontekste integracii tehnologij iskusstvennogo intellekta v inoja-

zychnoe obrazovanie [Prospects of development of students' independent work in the context of integration of artificial intelligence technologies in foreign language education]. *Rema / Rhema*, no. 1, pp. 79–91. (In Russ.)

2. Agafonova L.I., Hahalina M.C., Lagutina A.A., Pavlova O.N. 2022. Razrabotka adaptirovannykh jelektronnykh kursov po inostrannomu jazyku dlja slepyh i slabovidjashhhih studentov pedagogicheskogo vuza [Development of adapted e-learning courses in foreign language for blind and visually impaired students of pedagogical university]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 479, pp. 189–198. (In Russ.)

3. Bezukladnikov K.Je., Bezukladnikov V.K., Prohorova A.A. 2022. Issledovanie lingvocifrovoy kompetencii v kontekste obshhej funkcional'noj gramotnosti [Exploring linguodigital competence in the context of general functional literacy]. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta*. *Problemy jazykoznanija i pedagogiki*, no. 2, pp. 105–121. (In Russ.)

4. Bolkunov I.A. 2024. Skvoznye cifrovye tehnologii v obrazovanii: ozhidaniya i real'nost' [Cross-cutting digital technologies in education: expectations and reality]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija*, no. 85-1, pp. 53–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skvoznye-tsifrovye-tehnologii-v-obrazovanii-ozhidaniya-i-realnost> (accessed: 24.04.2025). (In Russ.)

5. Galushko T.G. 2022. Cheloveko-orientirovannoe fidzhital- i didzhital-obrazovanie: cifrovizacija i gumanizacija [Human-oriented figital and digital education: digitalisation and humanisation]. *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena*, no. 204, pp. 25–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cheloveko-orientirovannoe-fidzhital-i-didzhital-obrazovanie-tsifrovizatsiya-i-gumanizatsiya> (accessed: 24.04.2025). (In Russ.)

6. Zhrebina E.A. 2018a. Rol' metakognitivnykh navykov v obuchenii inostrannomu jazyku [The role of metacognitive skills in foreign language learning]. In Voroncova T.I. (ed.) *Gercenovskie chtenija. Inostrannye jazyki* [Herzen Readings. Foreign languages]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University of Russia, pp. 389–390. (In Russ.)

7. Zhrebina E.A. 2018b. Aktual'nye problemy ispol'zovanija jelektronnykh obrazovatel'nykh resursov pri obuchenii inostrannomu jazyku [Actual problems of using electronic educational resources in teaching a foreign language]. In Bagramova N.V., Panteleeva L.V., Zhrebina E.A. (ed.) *Problemy sovremennoj filologii i lingvodidaktiki* [Problems of modern philology and linguodidactics]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University of Russia, no. 9, pp. 119–125. (In Russ.)

8. Kaplunovich S.M., Kaplunovich I.Ja. 2024. Pedagog vs iskusstvennyj intellekt: sovremennye realii i perspektivy [Pedagogue vs artificial intelligence: current realities and prospects]. *Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 15–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagog-vs-iskusstvenny-intellekt-sovremennye-realii-i-perspektivy> (accessed: 24.04.2025). (In Russ.)

9. Mironova S.P. 2023. Soderzhanie i principy fidzhital-paradigmy v kontekste cifrovoy transformacii obrazovanija [Content and principles of figital-paradigm in the context of digital transformation of education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija*, no. 81-2, pp. 452–455. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-printsipy-fidzhital-paradigmy-v-kontekste-tsifrovoy-transformatsii-obrazovanija> (accessed: 24.04.2025). (In Russ.)

10. Romanovich M.Ju., Shherbakova N.V. 2021. Obuchenie inostrannomu yazyku lic s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja po zreniju v usloviyah lingvisticheskogo vuza [Teaching a foreign language to visually impaired persons in the conditions of a linguistic university]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, no. 2 (839), pp. 160–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-inostrannomu-yazyku-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-po-zreniyu-v-usloviyah-lingvisticheskogo-vuza> (accessed: 24.04.2025). (In Russ.)

11. Rybakova M.V. 2021. Cifrovaja obrazovatel'naja sreda kak faktor razvitiya inozazychnyh kompetencij [Digital Educational Environment as a Factor in the Development of Foreign Language Competences]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, no. 1 (49), pp. 232–248. (In Russ.)

12. Starichenko B.E. 2020. Cifrovizacija obrazovaniya: realii i problemy [Digitalisation of Education: Realities and Problems]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 4, pp. 16–26 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-realii-i-problemy> (accessed: 24.04.2025). (In Russ.)

13. Sysoev P.V. 2024. Printsipy obucheniya inostrannomu yazyku na osnove tekhnologii iskusstvennogo intellekta [Principles of teaching a foreign language based on artificial intelligence technology]. *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 3, pp. 6–17. (In Russ.)

14. Titova S.V., Kharlamenko I.V. 2025. Podgotovka pedagogicheskikh kadrov k ispol'zovaniyu iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam [Preparation of pedagogical staff for the use of artificial intelligence in teaching foreign languages]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 28, no. 1, pp. 66–84. (In Russ.)

15. Titova S.V. 2024. Tekhnologicheskie resheniya na baze iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam [Technological solutions based on artificial intelligence in teaching foreign languages]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 25, no. 2, pp. 18–37. (In Russ.)

16. Fadeeva V.A., Avramenko A.P. 2024. Informatizatsiya lingvisticheskogo obrazovaniya kak prioritnoe napravlenie nauchnykh issledovaniy (opyt FIYaR MGU imeni M.V. Lomonosova) [Informatisation of Linguistic Education as a Priority Direction of Scientific Research (Experience of Lomonosov Moscow State University)]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 4, pp. 100–114. (In Russ.)

17. Bailey S. 2025. *Academic Writing: A Handbook for International Students* (6th ed.). Routledge.

18. Becker B. 2017. Artificial Intelligence in Education: What is it, Where is it Now, Where is it Going? *Ireland's Yearbook of Education 2017–2018*, pp. 42–46.

19. Carras C., Tolas J., Kohler P., Szilagyi E. 2007. *Le Français sur Objectif Spécifique et la classe de langue*. CLE International.

20. Cohen A.D. 2014. *Strategies in learning and using a second language*. Harlow, England: Longman Applied Linguistics/Pearson Education. DOI: 10.4324/9781315833200.

21. Edmett A., Ichaporía N., Crompton H., Crichton R. 2024. *Artificial intelligence and English language teaching: Preparing for the future* (Second edition). British Council.

22. Felix C.V. 2020. The Role of the Teacher and AI in Education. *International Perspectives on the Role of Technology in Humanizing Higher Education*, pp. 33–48. DOI: 10.1108/S2055-364120200000033003.

23. Graefen G., Moll M. 2011. *Wissenschaftssprache Deutsch: lesen — verstehen — schreiben. Ein Lehr- und Arbeitsbuch*. Frankfurt/M.: Lang.

24. Hockly N. 2023. Artificial Intelligence in English Language Teaching: The Good, the Bad and the Ugly. *RELC Journal*, vol. 54, pp. 445–451. DOI: 10.1177/00336882231168504.

25. Hong W.C.H. 2023. The Impact of ChatGPT on Foreign Language Teaching and Learning: Opportunities in Education and Research. *Journal of Educational Technology and Innovation*, vol. 5, pp. 37–45. URL: <https://doi.org/10.61414/jeti.v5i1.103> (accessed: 25.03.2025).

26. Nida-Rümelin J., Weidenfeld N. 2018. *Digitaler Humanismus. Eine Ethik Für Das Zeitalter Der Künstlichen Intelligenz*. München: Piper Verlag.

27. Rüdian S., Pinkwart N. 2021. Generating adaptive and personalized language learning online courses in Moodle with individual learning paths using templates. *International Conference on Advanced Learning Technologies (ICALT)*, vol. 21. URL: <https://doi.org/10.57884/78EA-3C69>. (accessed: 30.04.2025).

28. Weinhardt J.M., Sitzmann T. 2019. Revolutionizing training and education? Three questions regarding massive open online courses (MOOCs). *Human Resource Management Review*, vol. 29, no. 2, pp. 218–225. URL: <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2018.06.004>. (accessed: 15.04.2025).

29. Zhao X., Cox A., Chen X. 2025. The use of generative AI by students with disabilities in higher education. *The Internet and Higher Education*, vol. 66. URL: <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2025.101014>. (accessed: 30.04.2025).

Статья поступила в редакцию 11.05.2025;
одобрена после рецензирования 20.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 11.05.2025;
approved after reviewing 20.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

ЮБИЛЕИ

Т.Г. Добросклонская, В.В. Робустова

«УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...»: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Г.Г. МОЛЧАНОВОЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; tatdobro@mail.ru; nikarbs@yandex.ru

Аннотация. В 2025 году отмечает юбилей профессор Галина Георгиевна Молчанова, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат Ломоносовской премии за педагогическую деятельность, доктор филологических наук, почетный профессор МГУ, почетный работник профессионального высшего образования Российской Федерации, декан и заведующая кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. В 2018 г. Г.Г. Молчанова была удостоена благодарности Президента Российской Федерации за достигнутые трудовые успехи, активную общественную деятельность и многолетнюю добросовестную работу. В 2024 г. награждена высокой государственной наградой — Орденом Дружбы за достижения в научно-педагогической деятельности, подготовке высококвалифицированных специалистов и заслуги в гуманитарной сфере.

Ключевые слова: научные достижения, педагогическая и научно-исследовательская деятельность, современные междисциплинарные направления, энциклопедичность, новаторство, организационные способности, человечность

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-12

Добросклонская Татьяна Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; tatdobro@mail.ru

Робустова Вероника Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; nikarbs@yandex.ru

© Добросклонская Т.Г., Робустова В.В., 2025

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Добросклонская Т.Г., Робустова В.В. «Учитель, перед именем твоим...»: к юбилею профессора Г.Г. Молчановой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 202–209. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-12

Целью настоящей статьи является стремление осветить научный путь профессора Галины Георгиевны Молчановой, талантливого ученого, эффективного руководителя, человека широчайшей души, чье поле деятельности отличается широким спектром проектов в сфере лингвистики и межкультурной коммуникации, поликодовости текста и кластерной невербалики, когнитивной лингвистики, интертекстуальности и современных дискурсивных мифотехнологий, механизмов формирования нового знания в эпоху цифровой трансформации и других инновационных междисциплинарных направлений. Среди ключевых тематик исследований и любимых студентами лекционных курсов выделяются авторские курсы «Современные техники и подходы к исследованию текста/дискурса», «Когнитивные исследования в языке и межкультурной коммуникации, межкультурная адаптация текста и перевод», «Введение в межкультурную коммуникацию», «Семиотика в межкультурной коммуникации», «Функциональная стилистика английского языка», ставшие во многом основой для обучения студентов, аспирантов, магистров и молодых специалистов. Научные, педагогические и административные достижения Г.Г. Молчановой подтверждают присущую ей глубину научного видения, незаурядный талант и творческую многогранность личности. Сочетание свежего взгляда и огромного опыта, энциклопедическая начитанность и неиссякаемая энергия, любовь к людям и уважение к ним — основные составляющие жизненного пути достойнейшего учителя.

Г.Г. Молчанова является соруководителем одной из семи научно-образовательных школ Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», именно ей принадлежит идея разработки уникального научного направления «Ком-

муникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения». Под ее началом работают именитые ученые и молодые специалисты ФИЯРа и других факультетов МГУ. Передовые теоретические разработки, полученные профессором Г.Г. Молчановой, легли в основу межфакультетской магистерской программы «Коммуникативные коды в современном межкультурном пространстве», впервые открытой в 2021-м году и поныне ежегодно выпускающей уникальных специалистов в области лингвистики и коммуникации. Проводимые ею комплексные междисциплинарные исследования позволили разработать новую модель порождения знания на основе изучения межкультурной коммуникации и кластерной поликодowości, что представляется особенно важным в свете современных вызовов науки и образования, тенденций цифровизации и гибридизации дискурса. Профессор Г.Г. Молчанова занимается исследованием ценностных приоритетов и актуальных концептов современного общества, анализирует вербальные и невербальные коды культуры, изучает перспективные образовательные технологии и формы сохранения и трансляции мирового культурно-исторического наследия. Она щедро делится своими глубокими знаниями и безграничным опытом с коллегами и учениками, которых с каждым годом становится все больше не только в руководимом ею спецкурсе «Современные техники и подходы к исследованию текста/дискурса», где занимаются бакалавры и магистры направления «Лингвистика», но и в авторском спецкурсе «Когнитивные исследования в языке и межкультурной коммуникации, межкультурная адаптация текста и перевод» для студентов специалитета по направлению «Перевод и переводоведение». Внимание и забота о новом поколении, стремление не только дать знания, но и привить настоящую любовь к науке отличают Галину Георгиевну как талантливого научного руководителя и вдумчивого стратега.

В научных кругах Галина Георгиевна Молчанова известна в стране и за рубежом как ведущий специалист в области лингвистики и межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики и перевода, поликодовой коммуникации и стилистики текста, лингвоэкологии и лингвотоксичности языка. Она является автором более 150 научных трудов, среди которых монографии: «Functional Decoding Stylistics and Text Study», «Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация», «Имплицативная семантика текста»; учебники и учебные пособия: «Когнитивная поликодowości межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика», «Text Study»

и др. Отметим, что две монографии: «Коммуникативная поликодовость; вербалика и невербалика» и «Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация» выдержали уже ряд переизданий и были включены в Серию «Классический университетский учебник», разработанную к празднованию 270-летия Московского университета и содержащую фундаментальные труды выдающихся ученых Московского университета.

Галина Георгиевна Молчанова систематически интегрирует созданные ею теоретические наработки в практическую педагогическую деятельность. В 2021 году ею был разработан и внедрен инновационный курс «Семиотические коды в языке и культуре», ставший ключевым в магистерской программе «Коммуникативные коды в современном межкультурном пространстве», которую разработала и которой руководит Галина Георгиевна. В течение многих лет она читает оригинальные курсы лекций по своей специализации, пользующиеся неизменным успехом среди студентов и аспирантов.

В своей многолетней научной деятельности Галина Георгиевна Молчанова мастерски объединяет традиционные классические методы гуманитарных наук с прогрессивными научными трендами междисциплинарности, цифровизации и гибридизации, используя холистический подход к изучению как фундаментальных, так и прикладных вопросов лингвистики, что дает богатые научные плоды, отразившиеся в более чем в 120 пленарных докладах на Всероссийских и Международных конференциях, выступлениях на Фестивалях Науки и виртуальных научных площадках. В тяжелый период пандемии Галина Георгиевна выступала на уникальной и в то время первой экспертной площадке «Диалог о настоящем и будущем», созданной по инициативе ректора Московского университета академика В.А. Садовниченко для поддержания вузовской науки и ее развития. В качестве лекторов были приглашены ведущие ученые нашей страны, проводящие прорывные исследования на актуальные темы, имеющие как фундаментальную основу, так и практическое применение.

Благодаря выдающемуся таланту Галины Георгиевны Молчановой, таланту ученого, учителя, руководителя, возглавляемый ею 14 лет факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова стабильно занимает передовые позиции в науке и образовании. Организуются многочисленные научные симпозиумы и конференции, среди них наиболее востребованы проводимые на регулярной основе международная конференция «Язык. Культу-

ра. Перевод. Коммуникация», объединяющая ученых не только Московского университета, но и ведущих вузов Российской Федерации и Междисциплинарная научная конференция «Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения», впервые организованная в 2021-м году, которая сегодня является одной из ключевых научных конференций ФИЯРа, отражающих деятельность научной школы, возглавляемой и вдохновляемой Г.Г. Молчановой.

В Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова на факультете иностранных языков и регионоведения Г.Г. Молчанова прошла долгий и успешный путь от профессора кафедры теории иностранных языков, заведующей кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации до декана факультета, что еще раз подчеркивает ее неоценимый вклад в развитие факультета. Именно под ее руководством осуществлялся полный переход на новую систему образования в 2012–2013 гг., были разработаны новые самостоятельно устанавливаемые образовательные стандарты по направлению подготовки «Лингвистика» (бакалавриат и магистратура) и специальности «Перевод и переводоведение» (первые шестилетние специалисты), при ее координации и поддержке были созданы новые учебные планы и рабочие программы дисциплин для более 20 образовательных программ. В 2015 году осуществлялись трансформации в области аспирантуры, где так же ей и сподвижникам удалось не только сохранить фундаментальные научные специальности факультета, но и ввести в них современные тренды и подходы в области воспитания научных кадров.

Во время пандемии COVID-19 факультет не только не потерял свои позиции в области образования и науки, но и сумел имплементировать дистанционные технологии как в педагогический, так и административный процессы, что позволило поддержать высокий уровень преподавания на факультете, продолжить подготовку блестящих кадров. Были опробованы новые виды и форматы проведения междисциплинарных конференций, студенческих форумов и молодежных проектов. При поддержке Г.Г. Молчановой, ее коллег и сподвижников, международная деятельность факультета буквально расцвела, увеличилось количество иностранных обучающихся, разнообразие международных программ, расширились связи и сотрудничества с иностранными университетами, среди которых ключевым партнером сегодня выступает Китай. Был открыт и успешно работает филиал факультета в г. Ереване, преподаватели факульте-

та также ведут занятия в филиалах МГУ в городах Грозном, Баку и Астане.

Блестящая эрудиция, глубочайшая научная подготовка и талант мудрого руководителя позволили факультету непрерывно развиваться, о чем свидетельствует рост образовательных программ как в рамках интегрированной подготовки, так и отдельной траектории обучения, стабильно высокий проходной балл для поступающих на факультет, постоянная востребованность выпускников факультета среди ведущих работодателей страны. Галина Георгиевна неизменно внимательно и заботливо относится к студентам факультета, их интересам и взглядам, потребностям и перспективам. Под ее руководством выращено не одно поколение молодых специалистов, достойно представляющих факультет как в родной стране, так и за ее пределами.

Неиссякаемый талант и энергия Г.Г. Молчановой проявляется и в ее активной работе главным редактором журнала «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация», заместителем председателя двух Диссертационных советов МГУ 10.13. и 10.07., главой приоритетного научного направления «Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация», председателем Ученого совета факультета, жюри универсиады «Ломоносов» по лингвистике, культурологии и регионоведению, председателем жюри олимпиады «Ломоносов» по иностранным языкам. Многие годы Г.Г. Молчанова входила в состав экспертной комиссии ВАК РФ, была сопредседателем секции «Регионоведение России» ФУМО ВО УГСН «Политические науки и регионоведение».

Галину Георгиевну отличают бесконечные научные горизонты, острота ума и свежесть идей, стремление вдохновлять новое поколение и постоянно работать над собой. Любое ее выступление на научной конференции — это праздник, праздник научного бытия, созданный талантом изложения трудных лингвистических проблем легким и точным языком, что свидетельствует о ее постоянном стремлении расширить область научных интересов студентов, помочь им в решении наиболее сложных вопросов и проблем.

Высокий профессионализм Галины Георгиевны, отзывчивое отношение к коллегам, сердечность, оптимизм и искрометное чувство юмора делают каждый день работы с ней удивительным и вдохновляющим. Мы, ученики и коллеги, безмерно благодарны Галине Георгиевне за блистательные лекции, дающие плодородную почву для научного поиска, организаторский талант истинного руководителя, а еще за человечность, грациозность, изысканность и элегантность,

всегда служащие для нас примером и образцом. Галина Георгиевна Молчанова пользуется неизменным уважением среди коллег и студентов, работать с ней одновременно легко и трудно, так как будучи требовательной к себе, она стремится научить и других достигать высоких результатов ежедневным кропотливым трудом, честным отношением к своему делу и бережному вниманию к окружающим.

Дорогая Галина Георгиевна! Мы, Ваши коллеги, ученики, соратники, поздравляем Вас с юбилеем и желаем крепкого здоровья, вдохновения и сил!

ЛИТЕРАТУРА

1. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. 2-е издание. Серия: «Классический университетский учебник». М.: Издательство Московский университет. 2024.

2. Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. 2-е издание. Серия «Классический университетский учебник». М.: Издательство Московский университет. 2025.

3. Molchanova G.G. Functional Decoding Stylistics and Text Study. М.: БОСЛЕН. 2023.

Tatiana G. Dobrosklonskaya, Veronika V. Robustova

TO GALINA G. MOLCHANOVA'S JUBILEE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatdobro@mail.ru;
nikarbs@yandex.ru

Abstract. In 2025 the scientific community, colleagues and students celebrate the jubilee of Professor Galina Georgievna Molchanova, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, winner of the Lomonosov Prize for Pedagogical Activity, Doctor of Philology, Honorary Professor of Lomonosov Moscow State University, Honorary Worker of Professional Higher Education of the Russian Federation, Dean and Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies at Lomonosov Moscow State University. In 2018 Galina Georgievna Molchanova was awarded the gratitude of the President of the Russian Federation for her scientific and academic achievements. In 2024, she was awarded a high state award — the Order of Friendship for achievements in scientific and pedagogical activities, training of highly qualified specialists and achievements in the field of humanities.

Keywords: scientific achievements, pedagogical and research activities, modern interdisciplinary directions, encyclopedic approach, innovation, organizational abilities, humanity

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Dobrosklonskaya T.G., Robustova V.V. (2025). To Galina G. Molchanova’s jubilee. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(28), pp. 202–209. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-12 (In Russ.)

About the authors: *Tatiana G. Dobrosklonskaya* — Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; tatdobro@mail.ru; *Veronika V. Robustova* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; nikarbs@yandex.ru

REFERENCES

1. Molchanova G.G. 2024. *Angliiskii kak nerodnoi: tekst, stil', kul'tura, kommunikatsiya*. [English As A Foreign Language: Text, Style, Culture, Communication]. 2-e izdanie. Seriya «Klassicheskii universitetskii uchebnik». M.: Izdatel'stvo Moskovskii universitet. (In Russ.)
2. Molchanova G.G. 2025. *Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoi kommunikatsii: verbalika i neverbalika* [Cognitive Polycode Of Intercultural Communication: Verbal And Non-Verbal Aspects]. 2-e izdanie. Seriya «Klassicheskii universitetskii uchebnik». M.: Izdatel'stvo Moskovskii universitet. (In Russ.)
3. Molchanova G.G. 2023. *Functional Decoding Stylistics and Text Study*. M.: BOSLEN.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025;
одобрена после рецензирования 20.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 15.05.2025;
approved after reviewing 20.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ЗАГРЯЗКИНА

В этом году отмечает свой юбилей один из ведущих отечественных романистов — Татьяна Юрьевна Загрязкина, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Татьяна Юрьевна Загрязкина работает на факультете иностранных языков и регионоведения со времени его основания. За эти годы Татьяна Юрьевна внесла значительный

вклад в развитие романистики, культурологии и региональных исследований, опубликовав порядка 200 статей и более 30 учебных пособий и монографий. Её научные труды представляют собой значимый научный ресурс по вопросам вариативности языка, дифференциации и интеграции французского языка, а также изучения культуры Франции и франкоязычных стран. Особое место в её работах занимает сопоставление французской и русской культур, изучение культурных связей между Россией и Францией, а также анализ теоретических аспектов культурологии, лингвокультурологии и концептологии. Среди ключевых публикаций можно выделить монографии «Французская диалектология» (1995), «Франция в культурологическом аспекте» (2009), «Франция и франкофония: язык, общество, культура» (2015), совместная монография «Франкофонные исследования» (2021) и др.

Под научным руководством Т.Ю. Загрязкиной было подготовлено и издано 14 коллективных монографий, освещающих исследования языка и культуры франкоязычных стран: «Франкофония: перекрёстки культур» (2015), «Франкофония. Иностранные языки и культуры: изучение и обучение» (2022), Франкофония: Язык и культура в пространстве и времени (2023), «Франкофония. Изучение иностранных языков: природа, культура, общество» (2024) и др.

Ряд публикаций посвящены преподаванию французского языка: «Речь о преподавании французского языка в России: традиционные и инновационные ценности» (2018), «Социальные представления в профессиональном дискурсе преподавателей французского языка» (2018), «Мотивация обучаемых французскому языку и лингвистическая идеология обучающихся: культурологический аспект» (2017) и др.

Под руководством Т.Ю. Загряжкиной защищено четырнадцать диссертационных исследований: на соискание учёной степени кандидатов филологических наук и культурологии (двенадцать работ), доктора филологических наук (одна работа) и доктора культурологии (одна работа).

В 2013 году профессор Т.Ю. Загряжкина была удостоена звания «Заслуженный профессор Московского университета»; неоднократно получала премии по Программе развития МГУ (2016 г., 2017 г., 2018 г., 2019 г., 2021 г., 2023 г.), а в 2024 г. была отмечена Благодарностью Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки России) за значительный вклад в развитие высшего образования.

Дорогая Татьяна Юрьевна! Ваши коллеги, ученики и друзья поздравляют Вас с такой знаменательной датой. Хочется пожелать дальнейших успехов, новых открытий, вдохновения и крепкого здоровья. Пусть ваша деятельность продолжает служить науке, приносить пользу обществу и вдохновлять молодых исследователей на смелые свершения!

Редколлегия журнала

